

Джеймс Редфилд

ТАЙНА ШАМБАЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «САЙПРИС»

- 1. The Blackstone
- 2. The Blackstone
- 3. The Blackstone
- 4. The Blackstone
- 5. The Blackstone
- 6. The Blackstone
- 7. The Blackstone

Джеймс Редфилд

Тайна Шамбалы

Меган и Келли, чье поколение должно эволюционировать на осознанном уровне

ОТ АВТОРА

Работая над книгами «Селестинские пророчества» и «Десятое пророчество», я ощущал полную убежденность в том, что культура человечества развивается путем последовательно сменяющих друг друга пророчеств и откровений в жизни и в духовной сфере, пророчеств, которые можно описать и документально зафиксировать. И последующий ход событий только углубил во мне это убеждение. Мы все больше и больше осознаем, что за внешними явлениями жизни совершается некий духовный процесс. Благодаря этому мы преодолеваем чисто материалистическую картину мира, которая сводит жизнь к борьбе за выживание, поддерживает религию, ограничивающуюся воскресной службой, и использует всевозможные игрушки и развлечения для преодоления страха перед жизнью.

Мы же хотим, чтобы жизнь была исполнена мистических совпадений и внезапных интуитивных прозрений, указывающих нам верный путь по эту сторону бытия, подталкивая к конкретным фактам информации и опыта, словно некто ведет нас по пути, предначертанному судьбой. Такая жизнь во многом напоминает своего рода детективную историю, ключи к разгадке которой нам приносят пророчества, следующие одно за другим.

Мы осознаем, что нас ожидает реальный опыт переживания Божественного внутри нас самих, и если мы обретаем связь с ним, наша жизнь исполняется ясности и интуиции. Мы начинаем воспринимать откровения о нашем предназначении, о той миссии, которую мы можем и должны исполнить, если сумеем отказаться от негативных привычек и установок, будем относиться к людям исходя из определенных этических норм и будем следовать велениям сердца.

Поистине благодаря Десятому пророчеству эта перспектива расширяется еще больше, включая в себя всю полноту явлений истории и культуры. Достигнув определенного уровня, мы все начинаем сознавать, что сошли с неких небесных высей в это земное измерение для того, чтобы исполнить свое особое предназначение: постепенно, поколение за поколением, создать на этой планете чисто духовную культуру.

Но как только мы проникнемся пониманием этого пророчества, вселяющего в нас новые силы, нам открывается новое, Одиннадцатое, пророчество. Наши мысли и надежды, воплощенные в снах и мечтах, становятся реальностью. В самом деле я убежден в том, что мы наконец-то находимся как бы на грани осознания того, что наши интеллектуальные устремления и замыслы, молитвы и даже сокровенные мечтания и порывы оказывают непосредственное влияние не только на наш собственный успех в жизни, но и на успехи окружающих.

Эта книга, основанная как на моем собственном опыте, так и на событиях в жизни окружающих, представляет собой своего рода иллюстрацию к следующему этапу развития сознания. Я убежден, что это пророчество уже начинает воплощаться в жизнь, становясь предметом тысяч и тысяч бесед на духовные темы, тянущихся далеко за полночь, и скрываясь за вспышками ненависти и страха, которые все еще присущи нашей эпохе. И нашей

единственной задачей в жизни, как и прежде, остается жить согласно своим представлениям, стремясь обрести... и распространить слово истины.

Джеймс Редфилд лето 1999

Навуходносор-царь изумился и поспешно встал и сказал

— Не троих ли мужей бросили мы в огонь связанными?

...Вот я вижу четырех мужей, не связанных, ходящих среди огня, и нет им вреда; и вид четвертого подобен сыну Божию...

Благословен Бог Седраха, Мисаха и Авденаго, который послал ангела Своего и избавил рабов Своих, которые надеялись на Него

Книга пророка Даниила

1

ПОЛЕ НАМЕРЕНИЙ

Телефон резко зазвонил. Я растерянно взглянул на него. Не хватало еще, чтобы мне помешали, и когда же — именно теперь! Я пытался прогнать эту мысль из сознания, любуясь из окна раскидистыми деревьями и полевыми цветами в надежде забыться, затеряться в потоке красок и крон вокруг моего тихого домика.

Телефон зазвонил опять, и я мысленно попытался представить себе, как выглядит человек, которому позарез нужно переговорить со мной. Я быстро поднял трубку и произнес:

— Алло.

— Это Билл, — услышал я весьма фамильярный голос. Билл был завзятым агрономом, он помогал мне ухаживать за моим садом. Он жил на склоне холма в нескольких сотнях ярдов от меня.

— Послушай, Билл, можно, я перезвоню тебе чуть позже? — проговорил я. — Я сейчас занят, и времени у меня в обрез.

— А разве ты не встретил мою дочь Натали ⁷Неужели не встретил?

— Что-что? Молчание.

— Алло, Билл?!

— Послушай, — наконец ответил он, — моя дочь хотела поговорить с тобой. Мне кажется, это может оказаться немаловажным. Не знаю уж каким образом и откуда, но она, видимо, неплохо осведомлена о твоей работе. Она говорит, что располагает небезынтересной информацией о том самом месте, которым ты сейчас интересуешься. Это ведь где-то на севере Тибета, не так ли? Она утверждает, что тамошние жители обладают весьма важными сведениями.

— Прости, а сколько ей лет? — спросил я.

Билл на другом конце провода смущенно кашлянул.

— Ей всего четырнадцать, но в последнее время она часто высказывает на редкость интересные мысли. Она хотела бы побеседовать с тобой сегодня после обеда, перед тем как отправиться на футбол. Ну как, договорились?

Я начал было отказываться, но тут в моем сознании возник и принял ясные очертания один давний образ. Мне представилось, что я разговариваю с молодой девушкой-подростком возле родника, бьющего неподалеку от ее дома.

— Что ж, ладно, — отвечал я. — Часа в два, хорошо?

— Отлично. Договорились, — отозвался Билл. Как-то на прогулке я заметил у северного края долины контуры нового домика. Да их тут, пожалуй, не меньше сорока, — подумал я. — Все они выросли здесь за последние два года». Я понимаю, что словами не передать всего

очарования и красоты этой дивной, напоминающей зеленую чашу долины, но меня почему-то не слишком опечалила перспектива, что долину могут перерезать дороги и живописные пейзажи здешних мест будут безвозвратно утрачены. Мы жили на окраине национального лесопарка, примерно в десяти милях от ближайшего городка: слишком далеко для большинства горожан. Семья, владевшая окрестными землями, распродавала участки под дома на окраинах долины, и это, казалось, почти не нарушало девственной прелести этих мест. Дома имели невысокие крыши и уютно прятались за соснами и пиниями, макушки которых четко рисовались на фоне неба.

Что меня действительно беспокоило — так это явная тяга к замкнутости, которую проявляли мои соседи. Большинство из них, насколько я могу судить были по характеру отшельниками, отказавшимися от намерения сделать карьеру в различных профессиях и нашедшими здесь для себя превосходную природную кишу, что позволяло им работать по индивидуальному графику или выступать в роли консультантов, то есть пользоваться достаточной свободой для того, чтобы иметь возможность жить в этой глуши.

Однако было у всех нас и нечто общее, а именно — неисправимый идеализм и потребность подкреплять свои профессиональные дела «инъекциями» духовных прозрений — в лучших традициях Десятого пророчества. И тем не менее практически все обитатели этой долины жили замкнуто, сосредоточив все внимание на различных сторонах деятельности, не придавая особого значения общению или потребности выработать некое общее видение реальности. Это в особенности касалось людей с различными религиозными убеждениями. По разным причинам долина привлекала людей, придерживающихся широкого спектра вероучений: буддизма, иудаизма, католической и протестантской ветвей христианства и, наконец, ислама. И хотя между представителями различных религиозных групп не возникало никакой вражды, не чувствовалось между ними и особой близости.

Недостаток общения вызывал у меня беспокойство еще и потому, что у наших немногочисленных детей наблюдались многие из проблем, характерных для обитателей пригородов: привычка проводить время в одиночестве, сидеть перед видео- и телеэкранами и придавать чрезмерное значение своим успехам и неудачам в школе. Я начал даже подозревать, что семья и общение с окружающими занимали в их жизни явно недостаточно места для того, чтобы отодвинуть эти мелкие проблемы на задний план и посмотреть на них трезвыми глазами.

Ближе к вершине дорожка заметно сужалась, и мне приходилось пробираться между двумя громадными валунами, нависавшими над крутым обрывом глубиной добрых двести футов. Немного позже до моего слуха донеслось отдаленное журчание родников Филипп-Спрингс, название которым дали звероловы, разбившие здесь небольшой лагерь еще в конце семнадцатого века. Струи воды по обомшелым каменным уступам стекали в небольшой — не более десяти футов в поперечнике — прудик, выкопанный кем-то в старину. Следующие поколения также оставили здесь свои следы, посадив у самого пруда яблони и обложив его каменными глыбами. Подойдя к самой воде, я набрал немного сверкающей влаги в пригоршни и, чуть наклонившись вперед, отбросил ногой прутик с тропинки. Прутик мелькнул над краем, соскользнул по скалам и исчез далеко внизу.

— Боже, как высоко! — невольно воскликнул я, отпрянув назад и чувствуя, как по моему лбу стекают капли холодного пота. Здесь, в лесной глуши, нас всех подстерегают опасности, хотя, вероятно, и не столь грозные, как те, с которыми несколько веков назад столкнулся старина Филипп, когда за поворотом тропинки можно было встретиться лицом к лицу с огромной пумой, охраняющей своего детеныша, или, что еще хуже, со стадом диких кабанов, клыки у которых не меньше трех дюймов и которые мигом распарывали вам бедра, если вы не успевали стремглав вскарабкаться на дерево. А если выпадал уж совсем злополучный день, вы

вполне могли наткнуться на злобного чероки или изгнанника-семинола, уставшего выслеживать бедных поселенцев на своих любимых охотничьих тропах, будучи непоколебимо убежденным в том, что трепещущий кусок вашего сердца навсегда остановит приток европейцев в эти места... О нет, почти всем представителям тех старинных поколений — будь то аборигены Америки или переселенцы из Европы — приходилось сталкиваться с трудностями, испытывавшими их отвагу и мужество.

Перед нашим поколением стоят совершенно другие проблемы, проблемы, связанные скорее с нашим отношением к жизни, с постоянной борьбой между приступами оптимизма и отчаяния. В наши дни мы постоянно слышим голоса судьбы, приводящие массу свидетельств того, что господствующий на Западе образ жизни совершенно неприемлем, что происходит потепление климата, что арсеналы террористов растут, леса гибнут, а невиданное развитие техники создало своего рода виртуальный мир» сводящий наших детей с ума и все больше и больше угрожающий ввергнуть нас в хаос иллюзий и бесплодного сюрреализма.

Разумеется, оптимисты, отвергающие столь мрачную точку зрения, утверждают, что история не знает недостатка в пророках, что все наши проблемы можно решить благодаря тем же самым техническим средствам, которые их породили, и что человечество в наши дни еще только начинает раскрывать свой потенциал.

Я сделал еще шаг назад и бросил взгляд в долину. Я ценю, что точка зрения «Селестинских пророчеств» находится примерно посередине между двумя этими полюсами. Она также включает в себя веру в поступательное развитие технического прогресса человечества, хотя расценивает его лишь как интуитивное движение к сакральному, и в оптимизм, основанный на духовном провидении развития мира.

В любом случае ясно одно. Если те, кто верит в силу провидения, считают, что необходимы серьезные изменения, их следует начинать прямо сейчас, когда мы стоим на пороге тайны нового тысячелетия. Это вызывает у меня благоговейный трепет. Какая это удивительная удача: жить на рубеже не только века, но и тысячелетия! Нопочему она выпала именно нам? Именно нашему поколению? У меня возникло чувство, что главные ответы еще только впереди.

Я еще раз взглянул на источник, почти ожидая вот-вот увидеть где-то поблизости Натали. Я был убежден, что моя интуиция меня не обманет. Она бродит где-нибудь в окрестностях источника, и я непременно увижу ее, стоит мне только взглянуть в особое «окно». Все это выглядело довольно странным.

Подойдя к ее дому, я обнаружил, что он был пуст. Пройдя по темно-бурым половицам крыльца, я громко постучал в дверь. Ответа не последовало. Но когда я посмотрел налево, за угол дома, что-то привлекло мое внимание. Мой взгляд остановился на скалистой тропе, которая вела мимо огромного огорода Билла к небольшой, поросшей травой лужайке на самом краю обрыва. Мне показалось, что свет вдруг стал иным.

Пытаясь понять, что же такое произошло, я поднял голову и взглянул в небо. Я заметил, что цвет травы на лужайке стал совсем иным, словно солнце скрылось за облаками, и через миг его краешек выглянул опять, высветив небольшой участок луговины. Но никаких облаков не было. Подойдя к лужайке, я увидел молодую девушку, сидевшую на траве у края обрыва. Она была высокой и темноволосой; на ней была синяя футболка. Когда я подошел, она вздрогнула от неожиданности.

— Прости, что напугал тебя, — сказал я.

Она на мгновение отвернулась, смутившись, как и подобает девушке ее возраста. Опустившись на корточки рядом с ней, я взглянул ей в глаза и представился.

В ответ она взглянула на меня, и глаза ее показались мне куда более взрослыми, чем я ожидал.

— Знаете, мы живем далеко не по заветам пророчеств, — произнесла она.

Я так и отпрянул:

— Что-о?

— Я говорю о пророчествах. Мы не следуем им.

— Что ты имеешь в виду?

Она укоризненно посмотрела на меня:

— Я имею в виду, что мы не исполняем их полностью. Они заключают в себе нечто большее, чем мы можем понять.

— Да, но это не так-то легко... — Я остановился на полуслове. Я просто не мог поверить, что вынужден спорить с какой-то четырнадцатилетней девчонкой. На какой-то миг меня охватила вспышка гнева.

Но в этот момент Натали улыбнулась... нет, скорее, улыбка едва тронула уголки ее губ. Я успокоился и уселся прямо на землю.

— Я убежден, что пророчества вполне реальны. Но осознать их нелегко — для этого необходимо время.

Натали между тем стояла на своем:

— Но ведь уже сейчас есть люди, которые следуют им в жизни.

Я опять взглянул на нее:

— И где же они?

— В Центральной Азии, в горах Куньлуна. Я видела эти горы на карте. — В ее голосе слышалось волнение. — Вы должны отправиться туда. Это очень важно. Это может многое изменить. Вы должны отправиться туда немедленно! Вам необходимо увидеть все своими глазами.

Когда Натали говорила все это, на ее лице появилось взрослое, авторитетное выражение, словно ей было не четырнадцать, а все сорок. Я замер, не веря своим собственным глазам.

— Вы должны побывать там, — повторила она.

— Натали, — наконец проговорил я, — я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду. Куда конкретно я должен отправиться?

Девушка отвернулась.

— Ты говоришь, что видела эти горы на карте. Не могла бы ты показать ее мне?

Она ничего не отвечала на мой вопрос и выглядела отрешенной.

— Сколько... который теперь час? — вздрогнув, спросила она.

— Четверть третьего.

— Мне пора.

— Натали, подожди минутку. Это место, о котором ты говорила... Я даже...

— Мне пора на игру, — возразила она. — Я не хочу опоздать.

Она поднялась и быстро зашагала прочь, так что мне пришлось почти бежать за ней.

— Да как называется это место в Азии? Не могла бы ты вспомнить хоть приблизительно, где оно находится?

Но когда Натали взглянула на меня через плечо, я увидел на ее лице всего-навсего выражение четырнадцатилетней девчонки, все мысли которой поглощены футболом.

Вернувшись домой, я почувствовал себя совершенно разбитым. Как мне теперь поступить? Я бросил унылый взгляд на письменный стол, ощущая полную неспособность сосредоточиться. Через некоторое время я отправился в дальнюю прогулку и искупался в заливе, а потом решил для себя утром позвонить Биллу и разузнать поподробнее об этой тайне. В тот вечер я лег спать ранее обычного.

В три часа утра что-то разбудило меня. В комнате было еще темно. Лишь сквозь щели у

основания ставней пробивался слабый свет. Я прислушался, но так и не услышал ничего, кроме обычных ночных звуков: неотвязного стрекота сверчков, шороха волн о валуны на берегу залива да слабого, дальнего лая собак.

Тогда я решил встать и осмотреть все двери, что случилось со мной довольно редко. Но уже через миг я отказался от этой затеи и собрался опять улечься спать. И, уже совсем было засыпая, я краешком сознания отметил, что за окном происходит нечто странное. На улице вдруг стало заметно светлее, чем минуту назад»

Я сел на постели и пригляделся. За ставнями явно было гораздо светлее, чем обычно. Быстро натянув брюки, я подкрался к окну и заглянул в щели между ставнями. Все было как обычно. Откуда же тогда исходил этот странный свет?

Внезапно я услышал у себя за спиной легкий стук. В доме явно кто-то был!..

— Кто там? — не задумываясь спросил я. Ответа не последовало.

Выйдя из спальни, я направился в прихожую, дверь которой вела в гостиную. Я хотел зайти в туалет и взять висевшую там винтовку. И тут я вспомнил, что ключ от туалета остался в ящике платяного шкафа, стоявшего в спальне. Я осторожно направился за ним.

В этот момент моего плеча коснулась чья-то рука!..

— Тсс-с-с! Это я, Уил.

Я узнал этот голос и кивнул в ответ. Затем я направился к стене и хотел включить свет, но Уил остановил меня, быстро пересек комнату, подошел к окну и выглянул на улицу. Наблюдая за ним, я понял, что он ведет себя как-то странно, не так, как тогда, когда я видел его в последний раз. От его элегантности не осталось и следа; он выглядел вполне заурядно, утратив свой прежний лоск.

— Что ты там высматриваешь? — спросил я. — Что случилось? Ты до полусмерти перепугал меня.

Уил обернулся и направился ко мне.

— Мне было необходимо повидать тебя. Все изменилось. Я остался там же, где и был.

— Что ты имеешь в виду?

В ответ он только улыбнулся.

— Я предполагал, что это может выглядеть достаточно странно, но дело в том, что я больше не могу перемещаться в иные измерения чисто ментальным путем, как прежде. Я, правда, могу повышать свою энергетику до определенного уровня, но все равно остаюсь в этом мире. — На мгновение он перевел взгляд в сторону. — Дело в том, что все, чего мы достигли в постижении Десятого пророчества, было лишь прикидкой, опытом, лучом из будущего, подобно тому как предсмертный опыт не есть сама смерть. И вот все кончилось. Все, что нам суждено совершить, мы должны совершить здесь, на Земле...

— Я никогда не смогу вернуться к прежнему, — отвечал я.

Уил посмотрел мне в глаза:

— Как тебе известно, мы получили массу информации об эволюции человека, о том, как концентрировать внимание, как руководствоваться в своей жизни интуицией и совпадениями. Мы получили своего рода мандат на новый взгляд на мир, получили все. Но дело в том, что мы не развиваем свои Задатки до того уровня, на который способны. Видимо, в наших познаниях чего-то недостает: — Помолчав минуту-другую, он продолжал: — Сам не Знаю почему, но я просто убежден в том, что мы должны отправиться в Азию... куда-нибудь на Тибет. Там что-то происходит. Нечто такое, что нам необходимо знать.

Я был просто поражен. Да ведь эта Натали говорила мне то же самое!

Уил опять подошел к окну и посмотрел сквозь щели.

— Скажи, пожалуйста, что ты там высматриваешь? — спросил я. — И зачем тебе надо было проскальзывать в дом? Неужели ты не мог просто постучать в дверь? Что, в конце концов, происходит?

— Скорее всего ничего, — отозвался Уил. — Просто сегодня утром я почувствовал» что меня кто-то преследует. Но может, мне просто показалось.

Он снова подошел ко мне.

— Видишь ли, сейчас я не могу сказать тебе всего. Я и сам не вполне уверен, насколько это реально. Но одно я знаю наверняка: в Азии есть особое место, которое нам предстоит отыскать. Не могли бы мы встретиться в отеле «Гималаи» в Катманду, ну, скажем, шестнадцатого?

— Подожди минутку, Уил! У меня здесь неотложные дела. Видишь ли, я собирался...

Уил взглянул на меня с таким выражением, какого мне не доводилось видеть ни на чьем лице. Это была смесь чистого авантюризма и твердой решимости.

— Что ж, ладно, — проговорил он. — Раз ты не сможешь быть там шестнадцатого, значит, не сможешь. Но знай, что, если ты все же выберешься туда, ты узнаешь нечто поразительное. Там что-то должно произойти.

Давая мне этот совет, Уил говорил вполне серьезно, но на его лице светилась улыбка.

С досады я отвернулся. Мне вовсе не хотелось никуда ехать!

На следующее утро я решил, что не должен сообщать о своей поездке никому. Никому, кроме Шарлен. Но проблема заключалась в том, что она уехала в зарубежную командировку и я не мог связаться с ней напрямую. Единственное, что я мог, — это послать ей письмо по e-mail.

Усевшись за свой компьютер, я мигом отправил это письмо, как всегда, размышляя о надежности Интернета. Хакеры с легкостью проникают в базовые компьютеры корпораций и даже госадминистрации. Насколько же проще им перехватить письма по электронной почте... особенно если вспомнить, что Интернет первоначально и был создан министерством обороны США как система связи со своими агентами в разных университетах. Но неужели весь Интернет под колпаком? Я решительно отбросил эту мысль, удивляясь своей глупости. В конце концов, мое письмо — одно из сотен миллионов. Кому какое дело до него?

Сидя за компьютером, я заказал билет на рейс в Непал, в Катманду, на шестнадцатое и забронировал себе номер в отеле «Гималаи». До отбытия оставалось еще два дня, и я подумал, что вполне успею собраться.

Я покачал головой. С одной стороны, идея отправиться на Тибет казалась мне весьма заманчивой. Я знал, что в географическом отношении это один из наиболее живописных и таинственных регионов во всем мире. С другой стороны, Тибет находится под властью репрессивного режима китайской администрации, и пребывание там сопряжено с немалыми опасностями. Я намеревался продолжать путешествие до тех пор, пока это не будет связано с риском. Хватит с меня авантюр! Я вовсе не желаю быть втянутым в аферу, исход которой зависит не от меня!..

Уил покинул мой дом так же внезапно, как и оказался в нем, не сказав мне более ни слова, хотя в моей голове теснилось множество вопросов. Что ему известно об этом местечке неподалеку от Тибета? С чего это несовершеннолетняя девчонка вздумала советовать мне отправляться туда? Уил был предельно осторожен. Из-за чего? Пока я не узнаю этого, я и шага не сделаю из Катманду.

В назначенный день я решил быть предельно внимательным ко всему, что может произойти во время длительных перелетов во Франкфурт, Нью-Дели и Катманду. Но ничего, заслуживающего внимания, не случилось. В отеле «Гималаи» я получил ключ от номера на мое имя, отнес вещи в номер, осмотрелся и решил спуститься в ресторан в холле. Сидя за столиком, я ждал, что с минуты на минуту появится Уил. Но его все не было. Просидев битый час, я

подумал: а не прогуляться ли мне к бассейну? Подозвав рассыльного, я узнал, что бассейн находится во дворе. Было довольно прохладно, но солнце ярко светило, и я надеялся, что свежий воздух поможет мне адаптироваться к высоте.

Выйдя из холла, я увидел бассейн. Он мерцал между L-образными корпусами отеля. Народа возле бассейна было куда больше, чем я ожидал, но разговаривали лишь немногие. Усевшись в кресло за одним из столиков, я заметил, что люди, сидевшие вокруг меня — в основном азиаты, но были среди них и европейцы, — держались либо очень раскованно, либо ощущали какой-то дискомфорт. Они исподлобья смотрели друг на друга и то и дело подзывали официантов, заказывая напитки и газеты и избегая встречаться взглядом с соседями.

Постепенно настроение у меня стало портиться. Я примчался сюда, в этот отель, думал я, облетев добрых полсвета, и не встретил ни одного приветливого лица. Тяжело вздохнув, я вспомнил совет Уила быть предельно внимательным ко всему, говоря себе, что он имел в виду самые странные и малозначительные проявления синхронистичности, те самые таинственные совпадения, которые в считанные мгновения способны направить жизнь человека в новое русло.

Я отлично знал, что восприятие этого мистического потока напоминает ключевой опыт истинной духовности, являясь прямым доказательством того, что глубоко за внешними событиями человеческого бытия происходит нечто более важное. Но спорадический характер этого восприятия всегда создает определенные проблемы; оно проявляется на мгновение, чтобы увлечь нас, и столь же быстро исчезает.

Оглядываясь по сторонам, я заметил высокого черноволосого мужчину, который выходил из дверей отеля, направляясь прямо ко мне. На нем были желтовато-коричневые широкие брюки и модный белый свитер. Под мышкой у него виднелась сложенная газета. Пробравшись между шезлонгами, он уселся за столик прямо напротив меня. Открыв газету, он огляделся по сторонам и кивнул мне, приветливо улыбаясь. Затем он подозвал официанта и заказал бутылку воды. Внешне он напоминал уроженца Азии, но по-английски говорил на удивление чисто, без малейшего акцента.

Налив себе воды, он взглянул на часы и углубился в чтение. В нем было нечто, сразу же располагающее к нему окружающих, но я» старался держаться начеку. А незнакомец буквально излучал очарование и энергию. Время от времени он отрывал глаза от газеты и, широко улыбаясь, обводил взглядом соседей. И вот его глаза встретились со взглядом раздражительного джентльмена, сидевшего напротив меня.

Я был почти уверен, что этот малосимпатичный господин быстро отведет глаза, но вместо этого он любезно улыбнулся темноволосому мужчине, и они оживленно заговорили на каком-то языке, напоминающем непальский. Спустя несколько мгновений они дружно расхохотались. Привлеченные этой беседой, несколько человек за соседними столиками также заулыбались, и один из них произнес нечто такое, что вызвало у окружающих взрыв смеха.

Я с интересом наблюдал за этой сценой. Здесь, очевидно, что-то происходило. Настроение у окружающих но улучшилось.

— Боже мой, — проговорил темноволосый мужчина, глядя в мою сторону. — Как вам это понравится? Я огляделся по сторонам. Мои соседи опять уткнулись в газеты, а незнакомец нашел в своей что-то любопытное и теперь старался пододвинуть свое кресло поближе ко мне.

— Они только что закончили молитвенную практику, — пояснил он. — Это просто изумительно.

— Что же их так обрадовало? — спросил я.

— Они изучали действие молитвы за людей, у которых возникли проблемы со здоровьем, и только что узнали, что пациенты, регулярно получавшие молитвенную помощь от других, имеют меньше осложнений и выздоравливают гораздо быстрее, даже если не знают, что за них молятся.

Но это еще не все. Наши соседи удивились, что самая действенная молитва — это та, которая содержит не просьбу, а утверждение. — Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, — отвечал я.

Он пристально посмотрел на меня своими кристально голубыми глазами:

— Они проводили занятие по изучению действенности двух типов молитвы. Первый тип — это просьбы к Богу или Божественному началу вмешаться и помочь больному. Другой тип — простое, высказанное с верой утверждение, что Бог поможет больному. Улавливаете разницу?

— По правде сказать, не совсем.

— Молитва, просящая Бога вмешаться, исходит из того, что Бог может это сделать, но лишь в том случае, если Он сочтет, что наша просьба заслуживает этого. Она предполагает, что мы не играем в этом никакой роли, кроме выражения просьбы. Другой тип молитвы исходит из того, что Бог готов и хочет вмешаться, но установленные Им законы человеческого бытия таковы, что исполнение молитвенной просьбы в определенной мере зависит от нашей веры в то, что она будет исполнена. Поэтому наша молитва должна содержать утверждение, отражающее эту веру. Как выяснилось, второй тип молитвы оказался наиболее действенным. Я кивнул. Кажется, я начал понимать. Тем временем мой собеседник задумчиво обвел взглядом окружающих и продолжал:

— Все самые знаменитые молитвы в Библии — это не просьбы, а именно утверждения. Вспомните хотя бы молитву Господню («Отче наш»). В ней сказано: «...яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наши». Здесь нет мольбы о том, чтобы Бог дал нам пищу, как нет и просьбы о прощении наших грехов. Молитва просто утверждает, что все это будет дано нам, и, с верой утверждая свою уверенность в этом, мы получаем просимое.

Он опять сделал паузу, улыбаясь и словно ожидая вопроса.

Я только засмеялся в ответ. Его прекрасное настроение было на удивление заразительным.

— Некоторые ученые любят теоретизировать, — продолжал он, — утверждая, что эти данные выражают еще нечто такое, что имеет исключительную важность для каждого человека. Они настаивают, что если наши надежды, наши подкрепленные верой ожидания являются тем, что заставляет молитву «работать», это означает, что каждый из нас, независимо от того, сознает он это или нет, постоянно посылает в мир лучи и силу молитвенной энергии. Вы согласны, что это соответствует истине? — Не дожидаясь моего ответа, он продолжал: — Если молитва представляет собой утверждение, основанное на наших надеждах и вере, это значит, что любые наши ожидания имеют силу молитвы. Таким образом, мы, сами того не сознавая, непрерывно возносим молитвы во имя лучшего будущего для себя и других.

Он посмотрел на меня так, словно ему пришла в голову потрясающая мысль.

— Можете вы себе представить? — продолжал он. — Наука в наши дни подтверждает реальность наиболее эзотеричных мистических течений во всех религиозных системах. А все эти мистические практики утверждают, что мы сами оказываем ментальное и духовное влияние на все происходящее в нашей жизни. Вспомните хотя бы изречение о том, что вера с горчичное зерно может сдвинуть горы. Что, если эта способность и является секретом подлинного успеха в жизни, создания сообщества единомышленников? — Его глаза засверкали так, словно он знает гораздо больше, чем хочет высказать. — Мы все должны понять, как «работает» эта взаимосвязь. Час настал.

Я улыбался, глядя на этого человека, будучи заинтригован всем тем, что услышал от него, и не переставая удивляться изменению общего настроения посетителей у бассейна. Затем я инстинктивно поглядел налево, как поступаем мы, когда чувствуем на себе чей-то взгляд. В самом деле, я увидел, что один из официантов пристально смотрит на меня, стоя у входных дверей. Когда наши глаза встретились, он быстро отвернулся и пошел по дорожке, ведущей к

эскалатору.

— Простите, сэр, — раздался у меня за спиной чей-то голос. Обернувшись, я увидел перед собой другого официанта.

— Не желаете ли выпить чего-нибудь? — спросил он.

— Нет... благодарю, — отвечал я. — Я хочу просто еще посидеть.

Бросив взгляд в сторону официанта у дверей, я обнаружил, что он исчез. Я обвел глазами пространство возле дверей, пытаюсь отыскать его. Когда же я наконец взглянул направо, туда, где сидел мой черноволосый собеседник, оказалось, что его тоже нет.

Поднявшись из-за столика, я спросил господина, сидевшего напротив меня, не видел ли он, в какую сторону ушел мужчина с газетой. Господин отрицательно покачал головой и резко отвернулся.

Весь оставшийся вечер я провел у себя в номере. Происшедшее у бассейна повергло меня в смущение. Кто был незнакомец, рассказывавший мне о типах молитвы? Не присутствовал ли в этой информации элемент синхронистичности? Почему тот официант так пристально смотрел на меня? И в конце концов, куда девался Уил?

Ближе к сумеркам, поспав Несколько часов, я решил все же рискнуть и прогуляться в один из расположенных неподалеку ресторанов, о котором я слышал от одного из посетителей.

— Это совсем рядом. Опасности никакой, — отвечал мне важный консьерж в очках, когда я спросил его, как туда пройти. — Никаких проблем.

Выйдя из вестибюля в уличный полумрак, я старался разглядеть в толпе Уила. На улице было тесно, и мне приходилось буквально продирается сквозь толпу. Добравшись до ресторана, я уселся за маленький угловой столик, стоявший возле кованой чугунной ограды в четыре фута высотой, отделявшей зал ресторана от улицы. Не спеша уплетая ужин и перелистывая англоязычную газету, я просидел за столиком не менее часа.

Внезапно я ощутил какой-то дискомфорт. Я почувствовал на себе чей-то взгляд и никак не мог понять чей. Обведя взглядом соседние столики, я убедился, что никто не обращает на меня ни малейшего внимания. Поднявшись, я перегнулся через ограду, внимательно всматриваясь в толпу. Ничего примечательного. Пытаясь стряхнуть с себя неприятное чувство, я расплатился по счету и направился обратно к своему отелю.

Подходя к его дверям, я заметил человека, стоявшего возле зеленой изгороди из кустарника в каких-нибудь двадцати футах слева от меня. Наши глаза встретились, и он сделал шаг в мою сторону. Я отвернулся и прошел мимо, но затем понял, что это был тот самый официант, который буравил меня взглядом возле бассейна. Правда, теперь он был в теннисных тапочках, джинсах и свободной синей рубашке навыпуск. На вид ему было около тридцати; его глаза казались очень серьезными. Я прибавил шагу.

— Прошу прощения, сэр, — окликнул он меня. Я Шел не останавливаясь.

— Прошу вас, — произнес он. — Мне надо поговорить с вами.

Пройдя еще несколько ярдов и оказавшись неподалеку от швейцара и охранников, я спросил:

— В чем дело?

Незнакомец, запыхавшись, подошел вплотную ко мне.

— Мне кажется, вы — именно тот, кого я должен встретить. Вы знакомы с мистером Уилсоном Джеймсом?

— Уилом? Да, разумеется. Но где же он?

— Он не смог прийти. Поэтому он попросил меня встретить вас. — Посланник Уила протянул руку, которую я автоматически пожал, назвав ему свое имя. — Меня зовут Инь Дулу, — представился он,

— Вы служите здесь, в этом отеле? — спросил я.

— Увы, нет. Здесь служит мой приятель. Я позаимствовал у него форменный пиджак, чтобы попытаться найти вас. Я хотел узнать, не приехали ли вы.

Я пристально посмотрел на него. Чутье подсказывало мне, что он говорил правду. Но к чему такая секретность? Почему он просто-напросто не подошел ко мне у бассейна и не объяснил, в чем Дело?

— А почему Уил не смог прийти сам?

— Простите, я не знаю. Он попросил меня встретить вас и доставить в Лхасу. Мне кажется, он намерен встретить нас там.

Я огляделся по сторонам. Дело приобретало зловещий оттенок. Я еще раз взглянул на Инья и проговорил:

— Я сомневаюсь, Почему я должен вам верить? Почему Уил не позвонил мне и не объяснил все как есть?

— Я не сомневаюсь, что у него были на то веские причины, — отвечал Инь. — Уил настаивал, чтобы я проводил вас к нему. Ему необходимо увидеться с вами. — Глаза Инья смотрели почти умоляюще. — Не могли бы мы уехать уже сегодня?

— Мы поступим вот как, — проговорил я. — Почему бы нам не зайти в ресторан, выпить по чашечке кофе и обсудить сложившуюся ситуацию?

Мой собеседник огляделся по сторонам, словно опасаясь чего-то.

— Прошу вас, завтра в восемь утра я должен зайти за вами. Уил уже заказал для вас визу и билет на самолет. — Он улыбнулся и, прежде чем я успел возразить что-либо, удалился.

В 7:55 утра я вышел из парадных дверей холла, захватив небольшую сумку. Весь остальной багаж администрация отеля разрешила оставить в номере. Я рассчитывал пробыть в отъезде не более недели — разумеется, если до тех пор не случится ничего экстраординарного. Этот Инь какой-то странный... В таком случае я немедленно вернусь.

Ровно в восемь Инь подъехал к отелю на старой «тойоте», и мы направились в аэропорт. По пути Инь казался очень радушным, прося меня не придавать значения этой заминке, случившейся по вине Уила. Я между тем собрался рассказать ему о том, что Натали поведала мне о таинственных местах в Центральной Азии, и о чем мы говорили с Уилом в ту ночь в моей спальне? Рассказать, чтобы просто проверить его реакцию. Но затем я передумал и решил промолчать. Лучше сначала приглядеться к Иню, подумал я, а там увидим, что нас ждет в аэропорту. На контроле при посадке я убедился, что билет на полет в Лхасу действительно был заказан на мое имя. Я огляделся по сторонам, пытаясь еще раз взвесить все «за» и «против». Все казалось абсолютно нормальным. Инь улыбался; настроение у него, видно, было отличное. Чего никак не скажешь о служащей, выдававшей билеты. Она изъяснялась на ломаном английском, зато была очень строгой. Когда она потребовала мой паспорт, я очень разволновался и ответил ей довольно резко. Она замерла от неожиданности и взглянула на меня так, словно намеревалась отказать компостировать мой билет.

Инь быстро подошел к ней и мягким, успокаивающим голосом заговорил на ее родном непальском. Через несколько минут настроение у нее стало заметно меняться. Она, правда, так и не удостоила меня взглядом, зато говорила с Инем очень любезно и даже рассмеялась, когда он сказал ей что-то забавное. А еще через несколько минут мы держали в руках свои билеты и паспорта, уютно усевшись за маленьким столиком в кафе возле ворот. Здесь витал запах крепких сигарет.

— Вы, наверное, сильно рассердились, — произнес Инь. — Следовательно, вы не совсем удачно потратили свою энергию.

Я так и отпрянул:

— Что такое? О чем это вы?

Инь спокойно посмотрел на меня:

— Я хочу сказать, что вы не сделали ничего, чтобы помочь этой женщине, на контроле справиться с дурным настроением.

Я сразу понял, к чему он клонит. В Перу, в Восьмом Селестинском пророчестве, была описана особая методика воздействия на окружающих путем концентрации внимания на их лицах.

— Так вы знакомы с пророчествами? — спросил я. Инь кивнул, по-прежнему глядя на меня.

— Да, конечно, — ответил он. — Но дело не только в них.

— Умение посылать энергию дается не так-то легко, — защищаясь, возразил я.

Инь ответил весьма осторожным тоном:

— Но вы ведь должны были понимать, что уже оказали на нее влияние своей энергетикой. Сознательно или нет — это другой вопрос. Самое главное заключается в том, как вы... расположили... свое... поле... — Инь пытался подыскать английские слова. — Поле намерений, — произнес он наконец. — Ваше молитвенное поле.

Он словно пытался описать сущность молитвы практически так же, как мой черноволосый собеседник у бассейна.

— О чем, собственно, вы говорите?

— Вам доводилось бывать в помещении среди людей, и энергетика, и эмоциональный тонус которых находились на низком уровне, но стоило кому-то одному просто войти в зал, как это почти мгновенно поднимало общую энергетическую? Так вот, это энергетическое поле, излучаемое человеком, прикасается к окружающим.

— Да-да, — проговорил я. — Я понял, что вы имели в виду.

Его взгляд буквально пронизал меня насквозь.

— Если вы отправляетесь на поиски Шамбалы, вы должны научиться владеть своим энергополем.

— Шамбала? О чем это вы говорите?

Инь мгновенно побледнел, на его лице появилось смущенное выражение. Он покачал головой, видимо, поняв, что забежал вперед и наговорил немало лишнего.

— Да нет, ничего, — отвечал он тихим голосом. — Это не мое дело. Вам все объяснит Уил.

Возле самолета уже выстроилась очередь на посадку, и Инь, обернувшись, быстрым шагом направился к контролеру, проверяющему билеты.

А я ломал голову, пытаюсь понять, что же такое эта Шамбала. Наконец я вспомнил. Шамбала — это древняя мифическая община буддистов на Тибете, история которой легла в основу легенды о Шангри-Ла.

Я встретился взглядом с Пнем.

— Но ведь это миф... не так ли?

Но Инь просто отдал свой билет контролеру и направился к самолету.

По пути в Лхасу места у нас с Инем оказались в разных рядах, и это позволило мне вспомнить кое-что и задуматься. Мне всего лишь было известно, что Шамбала пользовалась особой славой у буддистов Тибета, древние книги которых описывали Шамбалу как город из алмазов и золота, где живут посвященные и ламы. Шамбала находится где-то в недоступных безлюдных районах Северного Тибета или Китая. Со временем большинство буддистов предпочитали говорить о Шамбале в основном в символическом плане, считая ее отражением духовно просветленного сознания, а не реальным географическим объектом.

Обернувшись, я достал из большого кармана за спинкой кресла брошюру — путеводитель по Тибету, в надежде хоть немного воскресить в памяти его географию. Тибет, расположенный

между Китаем с севера и Индией и Непалом с юга, представляет собой обширное горное плато, большая часть территории которого расположена на высоте более шестисот тысяч футов над уровнем моря. У его южных границ высятся Гималаи, где расположен и знаменитый Эверест, а у северных, находящихся уже на территории Китая, раскинулись пустынные нагорья Куньлуня. Между этими двумя точками расположены глубокие ущелья, бурные реки и сотни квадратных миль скалистой тундры, Судя по карте, наиболее пригодным для земледелия и населенным является Восточный Тибет, а его север и запад выглядят скудной пустыней, редкие дороги которой вымощены гравием.

Как оказалось, на Западный Тибет ведут всего два пути: северное шоссе, по которому ездят в основном грузовики, и южное шоссе, ведущее в Гималаи и потому выбранное пилигримами со всех регионов для паломничества к священным местам: горе Эверест, озеру Манасаровар, горе Кайлаш и дальше — к таинственному Куньлуню.

Я поднял глаза от брошюры. Когда мы пролетали на высоте тридцать пять тысяч футов, я ощутил заметное изменение температуры и энергетики за бортом. Прямо под нами высились скалистые заснеженные вершины Гималаев, утопающие в лазурном безоблачном небе. Пролетев практически над самой вершиной Эвереста, мы оказались в воздушном пространстве Тибета — страны снегов, крыши мира. Здесь жил народ искателей, неутомимых странников духа, и, взглянув вниз, на зеленые долины и скалистые плоскогорья, я не мог сдержать восторга перед таинственным очарованием этих мест. «Как жаль, что сегодня на этой земле правит жестокий тоталитарный режим... Что мне здесь делать?» — спросил я сам себя.

Обернувшись, я взглянул на Иня, чье кресло находилось четырьмя рядами позади моего. Мне показалось, что он держится как-то особенно таинственно. Я собрался с мыслями, решив быть предельно осмотрительным. «Без дальнейших объяснений я и шага не сделаю из Лхасы!» — сказал я себе.

Когда мы прибыли в аэропорт, Инь попросту проигнорировал все мои вопросы о Шамбале, упорно повторяя, что скоро нас встретит Уил, который мне все и объяснит. Взяв такси, мы направились в небольшую гостиницу, расположенную почти в самом центре города, где нас должен был ждать Уил.

Я почувствовал на себе пристальный взгляд Иня.

— В чем дело? — спросил я.

— Да я просто хотел проверить, как вы переносите высокогорье, — отвечал Инь. — Как-никак Лхаса находится на высоте двенадцать тысяч футов над уровнем моря. Вы вроде бы адаптировались нормально.

Я кивнул, соглашаясь с ним. В прошлом я всегда довольно легко адаптировался к высокогорью. Но только я собрался было сказать об этом Иню, как вдалеке показались очертания громадной крепости.

— Это дворец Потала, — пояснил Инь. — Мне хотелось, чтобы вы непременно увидели его. Здесь находилась зимняя резиденция далай-ламы до тех пор, пока он не оказался в изгнании. Сегодня этот дворец служит символом борьбы тибетцев против китайской оккупации.

Инь посмотрел по сторонам и замолчал. Он молчал до тех пор, пока машина не остановилась, но не перед гостиницей, а в добрых ста футах от нее вниз по улице.

— Уил должен ждать «ас здесь, — проговорил Инь, открывая дверцу машины. — Подождите в такси. Я схожу и разузнаю все на месте.

Но вместо этого он внезапно замер и уставился на двери гостиницы. Я перехватил его взгляд и посмотрел в ту же сторону. На улице было множество пешеходов-тибетцев, попадались и туристы, но все было вроде бы в порядке. И тут мои глаза заметили невысокого китайца, стоявшего возле угла здания. Он держал в руках какую-то газету, но его глаза явно искали кого-

то в толпе.

Инь перевел взгляд на машины, стоявшие у тротуара на противоположной стороне улицы. Его глаза остановились на старом коричневого цвета седане, в котором сидели несколько мужчин в европейских костюмах. Инь что-то сказал водителю такси, нервно посматривавшему на нас в зеркало заднего обзора. Машина двинулась к ближайшему перекрестку. При этом Инь пригнулся, чтобы его не заметили люди, сидевшие в седане.

— Что происходит? — спросил я.

Инь, не обратив внимания на мой вопрос, велел водителю повернуть влево и ехать в сторону центра. Я тронул его за плечо:

— Инь, объясни мне, что происходит. Кто были те люди в машине?

— Я и сам не знаю, — отвечал он. — Но Уила там явно нет. Здесь неподалеку есть еще местечко, где он может ждать нас. Понаблюдайте, не преследуют ли нас.

Я обернулся назад, а Инь тем временем подробно объяснял что-то водителю такси. За нами двигались несколько машин, но все они свернули в переулок. Ничего похожего на тот коричневый седан я не заметил.

— Ну как, вы не обнаружили за нами никакой слежки? — спросил Инь, обернувшись, чтобы посмотреть самому.

— Да вроде бы нет, — отвечал я.

Я совсем было собрался спросить Иня о том, что же в конце концов происходит, но заметил, что у него сильно дрожат руки. Взглянув на его лицо, я увидел, что оно побледнело как полотно и покрыто мелкими капельками пота. Я понял, что он насмерть перепуган. А через миг и у меня самого по всему телу забегали мурашки.

Не успел я и слова промолвить, как Инь указал водителю место, где остановить машину, и, буквально вытащив меня из машины вместе с сумкой, повел меня вниз, в какую-то боковую улочку, а затем свернул в узкий переулок. Пробежав сто футов, мы прислонились к стене какого-то здания, едва переводя дух. Наши взгляды были обращены назад, в сторону, откуда мы только что убежали. Никто из нас не проронил ни слова.

Когда мы убедились, что нас как будто никто не преследует, Инь отправился вперед по переулку к соседнему дому и несколько раз постучал в дверь. Ответа не последовало, но глазок на двери таинственным образом открылся изнутри.

— Подождите здесь, — проговорил Инь, открывая дверь. — Я скоро вернусь.

Он почти бесшумно вошел в дом и запер дверь. Едва я услышал щелчок замка, меня охватил панический ужас. «И что теперь? — в ужасе подумал я. — Инь исчез. Может быть, он просто бросил меня?» Я опять оглянулся и посмотрел в сторону шумной улицы. Да, я заметил именно то, чего так боялся. Кто-то приближался ко мне, явно пытаясь найти Иня, а может быть, и Уила.

«Возможно, это даже к лучшему, что Инь исчез, — подумал я. — В крайнем случае я смогу пробежать по улице, затеряться в толпе и как-нибудь добраться до аэропорта. Что мне еще остается, как не попытаться вернуться домой? Я отказываюсь от дальнейших попыток найти Уила и прочих глупостей. Я и так совершил их предостаточно».

Но тут дверь распахнулась, Инь выскользнул из нее, и дверь мгновенно закрылась за ним.

— Уил оставил письмо, — произнес Инь. — Пойдем скорее.

Миновав еще несколько домов в переулке, мы спрятались за двумя большими мусорными баками. Инь вскрыл конверт и вытащил из него записку. Пока он читал ее, я наблюдал за ним, Мне показалось, что его лицо побледнело еще больше. Прочтя послание Уила, он протянул его мне.

— Ну, что там? — воскликнул я, схватив листок. Взглянув на него, я сразу же узнал почерк Уила:

«Инь, я уверен, что нас примут в Шамбале. Но я вынужден пойти первым. Очень важно, чтобы тебе удалось проводить нашего американского друга как можно дальше. Дакини укажут вам дорогу.

Уил».

Я поднял глаза на Иня. Он тоже внимательно поглядел на меня и отвернулся.

— «Нас примут в Шамбале». Что Уил имел в виду? Он выражается фигурально, не так ли? Не хочет же он сказать, что Шамбала — некое реальное место, верно?

Вместо ответа Инь опустил глаза в землю.

— Нет-нет. Уил как раз и хочет сказать, что это вполне конкретное, реальное место, — прошептал он.

— А ты как думаешь? — спросил я.

Инь опять отвел глаза. Казалось, вся тяжесть мироздания рухнула в этот миг на его ссутулившиеся плечи.

— Да... это правда... — отвечал он, — но только подавляющее большинство людей даже не слышали об этой стране, не говоря уже о том, чтобы попасть туда. Вот и нам с вами, вероятно, не удастся... — Его голос перешел в слабый шепот и смолк. Инь посмотрел на меня и коротко сказал: — Те люди в машине, вероятно, офицеры китайских спецслужб.

— Что-о?

— Я не знаю, что им было нужно. Тем не менее они наверняка знают о всевозможных толках о Шамбале и о попытках отыскать ее. Многие ламы считают, что в этом священном месте что-то изменилось. Об этом ходит немало всяких слухов.

— Изменилось? И что же именно? Расскажи мне. Инь глубоко вздохнул.

— Мне хотелось бы, чтобы вам рассказал об этом Уил... но на этот раз я попытаюсь. Вы должны ясно сознавать, что Шамбала действительно существует. В ней живут такие же люди, как мы с вами. Они как бы вновь родились в этом священном месте и потому находятся на более высокой ступени развития. Они помогают создавать энергию и находить прозрение всему нашему миру.

Я задумчиво посмотрел по сторонам, размышляя о Десятом пророчестве.

— Они что же, нечто вроде наших духовных вождей?

— Не совсем. Они не что иное, как то, что вы имеете в виду, — возразил Инь. — Они не имеют ничего общего с умершими родичами или другими душами из посмертного мира, помогающими нам из иного измерения. Они живые люди, живущие рядом с нами На Земле. Обитатели Шамбалы составляют особую общину избранных, живущих на более высокой ступени развития. Они служат как бы образцом устройства жизни, которого остальному миру еще только предстоит достичь.

— И где же находится эта Шамбала?

— Не знаю.

— А не знаешь ли ты кого-нибудь, кому доводилось бывать там?

— Нет. Правда, мальчишкой я учился у одного великого ламы, который однажды во всеуслышание объявил, что он готовится к уходу в Шамбалу. И после назначенных праздников он исчез.

— Но действительно ли он попал в Шамбалу?

— Никто не знает. Известно лишь, что он исчез, и с тех пор его никто больше не видел на Тибете.

— Но тогда никто точно не знает, существует ли Шамбала на самом деле.

Инь немного помолчал, а затем сказал:

— Но у нас хранятся древние легенды...

— У кого это «у нас»?

Он пристально посмотрел на меня. Я со всей определенностью могу сказать, что он, видимо, был связан своего рода кодексом молчания.

— Этого я не имею права сказать вам. Лишь лама Ридждэн, глава нашей школы, может, если захочет, поговорить с вами.

— А что это за легенды?

— Я вправе сказать вам лишь следующее: легенды — это предания, оставленные теми, кто пытался в прошлом добраться до Шамбалы. С тех пор прошло немало веков.

Инь совсем было собрался рассказать что-то еще, как вдруг наше внимание привлёк какой-то звук, донесшийся с улицы. Мы посмотрели по сторонам, но поблизости никого не было.

— Подождите здесь, — прошептал Инь.

Он опять направился к знакомой двери, постучал в нее и исчез в доме. Мгновение спустя он вышел обратно и направился к старому, местами проржавевшему джипу с ветхим полотняным верхом. Открыв дверцу, Инь подозвал меня и указал на место в машине.

— Поехали, — сказал он. — Нам надо спешить.

2

ЗОВ ШАМБАЛЫ

Инь управлял джипом, петлявшим по улицам Лхасы, а я тем временем молча любовался горами, размышляя о том, что же имел в виду Уил, говоря о Шамбале. Почему он решил отправиться туда один? Кто такие эти дакини? Я совсем было собрался спросить об этом Иня, как прямо перед нами на перекрестке показался китайский военный грузовик.

Это здорово перепугало меня, и я почувствовал, что волна нервного возбуждения захлестнула все мое тело. Что мне было делать? Мы каких-то полчаса назад видели офицеров китайских спецслужб, поджидавших нас у гостиницы, где мы надеялись встретиться с Уилом. Вполне возможно, что они разыскивают именно нас.

— Подожди минутку, Инь, — сказал я. — Я хочу добраться до аэропорта. Все это вызывает у меня немалые опасения.

Инь встревожился.

— А как же Уил? — спросил он. — Вы же получили его записку. Он пишет, что вы нужны ему.

— Да-да, он обожает такие номера. Но он мог бы догадаться, что я не любитель столь рискованных авантюр.

— Но вам уже угрожает опасность. Мы должны уехать из Лхасы.

— Куда же мы направляемся? — спросил я.

— В монастырь ламы Ридждэна, что в окрестностях Шигацзы. К вечеру мы уже будем там.

— А телефон там есть? — спросил я.

— Есть, — отвечал Инь. — Я думаю, есть, вот только работает ли он?

Я кивнул, и Инь опять сосредоточил все внимание на дороге.

«Прекрасно, — подумал я. — Не стоит спешить с возвращением из монастыря, пока все не будет готово к отлету».

Несколько часов мы ехали по плохо освещенному шоссе, то и дело встречая грузовики и старомодные развалины на колесах. Пейзаж вокруг представлял собой смесь угрюмых индустриальных монстров и живописных уголков. Когда уже совсем стемнело, Инь наконец въехал во двор небольшого дома, возведенного из бетонных блоков. Огромный косматый пес, сидевший на цепи справа от механического гаража, яростно залаял на нас.

— Это что же — дом ламы Ридждэна? — спросил я.

— Нет, что вы, разумеется, нет, — отвечал Инь. — Просто я здесь кое-кого знаю. Здесь мы можем перекусить и заправиться бензином, который нам наверняка пригодится. Я сбегая буквально на пару минут.

Я видел, как Инь поднялся по боковой лестнице и постучал в дверь. На стук вышла старая тибетка и сразу же порывисто обняла Иня. Он, улыбаясь, указывал в мою сторону и что-то говорил. Что именно — я не понял. Он помахал мне; я вышел из машины и направился в дом.

Буквально через мгновение мы услышали во дворе отчаянный скрип тормозов. Инь, метнувшись к окну, мигом задернул шторы и выглянул на улицу. Я тоже посмотрел через его плечо. В темноте мне удалось разглядеть лишь черную машину без номеров, стоящую на обочине с противоположной стороны дороги примерно в ста футах от дома.

— Кто это? — спросил я.

— Сам не знаю, — отвечал Инь — Вам надо бы сходить за нашими вещами, и побыстрее. Я вопросительно взглянул на него.

— Да все в порядке, — отозвался он. — Сходите за ними, только быстро.

Выйдя из двери, я направился к джипу, стараясь не смотреть в сторону странной черной машины. Просунув руку в открытое окно, я достал свою сумку и пакет Иня и быстро зашагал обратно к дому. Инь из окна наблюдал за мной.

— Надо же, — бросил он, едва я вошел в дом, — они подъезжают.

Свет фар черной машины, направлявшейся к нашему дому, скользнул по окнам. Держа в одной руке пакет, Инь быстро направился к черному ходу и вышел на улицу, в полную темноту.

— Нам лучше уйти, — проговорил он, обернувшись ко мне.

Я вышел следом за ним, и мы зашагали по направлению к скалистым холмам. Оглянувшись, я посмотрел в сторону дома и, к своему ужасу, увидел переодетых агентов. Они окружили дом и теперь обыскивали нашу машину. Через пару минут с другой стороны дома появилась еще одна машина, которой мы раньше не заметили. Из нее выскочили еще несколько агентов и бросились вдогонку, обходя нас справа. Я понял, что, если мы не повернем, они очень скоро преградят нам путь.

— Инь, подожди минутку, — проговорил я громким шепотом. — Они хотят перерезать нам дорогу.

Инь замер и в темноте подошел вплотную ко мне.

— Возьмем влево, — отвечал он. — Попробуем их перехитрить.

Тем временем я заметил еще одну группу агентов, направлявшихся именно в эту сторону. Если мы пойдем туда, куда предлагает Инь, они наверняка заметят нас.

Я посмотрел вперед, в сторону наиболее крутого склона. И тут мои глаза заметили что-то. Это были пятна какого-то сияния или света, выделявшиеся в темноте.

— Нет, мы лучше пойдем прямо, — инстинктивно возразил я, указывая в ту сторону.

Инь на мгновение смерил меня взглядом, но затем быстро зашагал следом за мной. Пробираясь между камнями, мы заметили, что агенты справа приближаются.

В этот момент на самом верху подъема, прямо у нас над головой, показался агент. Мы мигом спрятались за двумя огромными валунами. Между тем вокруг нас было заметно светлее. Преследователь находился в каких-то тридцати футах от нас, с каждым шагом приближаясь к тому месту, откуда ему будет хорошо видно нас. Но тут, приблизившись к границе более светлой зоны, откуда до нас оставались считанные секунды, он внезапно остановился и пошел в противоположном направлении. Затем он опять остановился, словно ему пришла в голову неожиданная мысль.

Через несколько мгновений я шепотом спросил Иня, как, по его мнению, агент видел нас или нет.

— Нет, — отозвался Инь. — Я думаю, нет. Пойдемте скорее.

Мы взбирались на холм еще минут десять, а затем, очутившись на каменной площадке, заметили внизу, около дома, еще несколько машин. В том числе — старую полицейскую машину с красной мигалкой. Это зрелище повергло меня в ужас. Не было ни малейших сомнений в том, что все эти люди искали нас.

Инь тоже растерянно смотрел в сторону домика; руки у него заметно дрожали.

— Как они намерены поступить с твоим приятелем? — спросил я, до полусмерти перепуганный увиденным.

Инь поднял на меня глаза, полные слез отчаяния, и продолжил подъем к вершине холма.

Мы упрямо брели по склону еще несколько часов в свете узкого лунного серпа, время от времени скрывавшегося за облаками. Я хотел было спросить Иня о легендах, о которых он упоминал, но он был сердит и хранил молчание. Добравшись до вершины, Инь остановился и заявил, что нам надо отдохнуть. Я присел на ближайший камень, а Инь отошел в темноту на добрую дюжину футов и встал, повернувшись ко мне спиной.

— Почему вы были так уверены, — спросил он, не оборачиваясь, — что нам лучше подниматься именно здесь?

Я сделал глубокий вдох.

— Я увидел здесь нечто странное, — отвечал я. — Это место было освещено каким-то сиянием. Казалось, кто-то указывал нам путь.

Инь повернулся ко мне лицом, подошел и уселся прямо на землю напротив меня.

— А вам доводилось видеть такое прежде?

Я пытался побороть смущение. Сердце у меня сильно билось, и я едва мог говорить.

— По правде сказать, доводилось, — проговорил я. — И даже несколько раз.

Инь отвел глаза и замолчал.

— Как ты думаешь, что это было?

— Легенды сказали бы, что нам помогли.

— Помогли? Кто же? Инь, скажи наконец, что тебе известно об этом.

Он не отвечал.

— Может, это дакини, о которых Уил упоминает в своей записке?

В ответ опять молчание.

Я почувствовал прилив гнева.

— Инь! Да расскажи, что ты знаешь об этом!

Он порывисто встал и как-то странно посмотрел на меня.

— Есть вещи, о которых нам запрещено говорить. •Вы понимаете? Одно только упоминание имен этих избранных может лишить человека дара речи или сделать его слепым. Я имею в виду стражей Шамбалы.

Он выбрал ровное место на скале, постелил свою куртку и улегся на нее.

Я ощутил внезапную усталость, мои мысли путались.

— Нам необходимо поспать, — сказал Инь. — Прошу вас, утром мы все узнаем.

Я улегся на камни, на которых сидел, и забылся глубоким сном.

Меня разбудил яркий столб света, поднимавшийся между двумя заснеженными вершинами, высившимися вдали. Оглядевшись по сторонам, я обнаружил, что Инь исчез. Дрожа всем телом, я вскочил на ноги и обследовал все вокруг. Иня нигде не было.

«Проклятие! — подумал я. — Я не знаю, как выбраться отсюда, не знаю даже, где я». Меня охватила волна глубокого отчаяния. Я подождал больше получаса, переводя взгляд с бурых скалистых утесов на зеленые долины между ними. Инь как сквозь землю провалился. Затем я встал на ноги и впервые заметил, что ниже по склону, на расстоянии примерно четырех сотен

футов от меня, лежала мощенная гравием дорога. Собрав сумку, я начал спускаться по склону. Выбравшись наконец на дорогу, я направился на север. Насколько я помнил, именно в той стороне находилась Лхаса.

Не успел я пройти и полмили, как заметил, что позади меня, на расстоянии ста шагов, в ту же сторону идут еще четыре-пять человек. Незамедлительно сойдя с дороги, я направился к огромным валунам, намереваясь спрятаться за ними и понаблюдать за путниками. Когда они поравнялись со мной, я увидел, что это была целая семья: старик, мужчина и женщина около тридцати лет и два мальчика-подростка. Все они несли огромные сумки, а молодой мужчина вез тележку, наполненную пожитками. Похоже, эти люди были беженцами.

Вначале я хотел присоединиться к ним, чтобы хотя бы выбраться из этих мест, но затем раздумал. Я боялся, что они выдадут меня при первом же случае, и решил пропустить их. Подождав минут двадцать, я зашагал в ту же сторону. Примерно через две мили дорога запетляла по каменистым холмам и плато. Поднявшись на вершину одного из холмов, я увидел старинный монастырь. Я направился к нему, карабкаясь по склону, и вот наконец оказался примерно в двухстах футах ниже его. Монастырь был построен из песочного цвета кирпича; его плоские крыши были выкрашены в буро-коричневый цвет. По обеим сторонам главного здания высились два флигеля.

Кругом царило безмолвие, и поначалу я даже подумал, что монастырь пуст. Но затем входная дверь приоткрылась, и я увидел монаха, облаченного в ярко-красное одеяние. Выйдя из дверей, он принялся за работу в саду, окапывая одинокое дерево, зеленевшее справа от главного здания.

И хотя монах казался совершенно безобидным, я предпочел не испытывать судьбу. Я спустился на ту же дорогу, мощенную унылым гравием, перешел на другую сторону и сделал большой крюк, обойдя монастырь далеко стороной. Затем я продолжил путь, остановившись, чтобы скинуть куртку. Солнце стояло высоко, и было уже довольно жарко.

Пройдя еще милю и чувствуя, что дорога опять начинает подниматься, я услышал странный звук. Спрятавшись за камнями, я прислушался. Поначалу я принял это за птичий щебет, но затем понял, что где-то далеко кто-то разговаривает. Но кто?

Соблюдая величайшую осторожность, я пробирался между камнями, стараясь подняться по склону повыше, и вот мои глаза заметили далеко внизу небольшую долину. Сердце у меня так и запрыгало в груди. Внизу, подо мной, на перекрестке стояли три военных джипа. Десятка полтора солдат стояли рядом, курили и оживленно разговаривали. Повернув назад, я пригнулся и побежал по склону прочь, пока не нашел надежное укрытие в расщелине между двумя валунами.

Здесь я сел, переводя дух, и услышал вдалеке еще какой-то странный звук. Вначале он напоминал стрекот, затем стал сильнее и отрывистее. Я сразу узнал его. Это был вертолет.

В панике я бросился наутек по склону прочь от злосчастной дороги. Перебираясь через ручей, я едва не поскользнулся и по колена промочил ноги. Выбравшись, я продолжал упорно карабкаться все выше. Но тут мои ноги поскользнулись на валуне, и я покатился вниз, изорвав брюки и разбив ногу. Превозмогая боль, я поднялся и побежал, стараясь отыскать укромное местечко.

Когда вертолет был уже рядом, я совершил отчаянный прыжок и обернулся, как вдруг кто-то схватил меня и потащил в узкую расщелину. Это был Инь. Мы прижались к камням, и огромный вертолет проплыл прямо у нас над головами.

— О, да это 2-9,— проговорил Инь. На его, лице изобразился ужас, но я не сказал бы, что Инь был сердит. — Зачем вы ушли с нашей стоянки? — почти прокричал он.

— Это ты бросил меня, — возразил я.

— Меня не было не больше часа. Вам надо было дожждаться меня.

Во мне разом вспыхнули страх и злость.

— Дождаться? А почему ты не сказал мне, что уйдешь?!

Прислушавшись, я понял, что вертолет разворачивается в воздухе, заходя на новый круг.

— Что же нам делать? — спросил я Иня. — Здесь нам оставаться больше нельзя.

— Придется вернуться в монастырь, — отозвался он. — Я как раз туда и ходил.

Я кивнул, поднялся на ноги и выглянул, ища глазами вертолет. К счастью, он повернул на север. В тот же миг что-то привлекло мое внимание. Это был монах, которого я уже видел. Он спускался по склону, направляясь в нашу сторону.

Подойдя к нам, он сказал Иню несколько слов по-тибетски, а затем обратил внимание на меня.

— Пойдемте, прошу вас, — произнес он по-английски, взяв меня за руку и указывая на монастырь.

Придя в монастырь, мы прошли через боковые ворота во внутренний двор. Здесь сидели и стояли множество тибетцев, нагруженных своим скудным скарбом. Некоторые из них казались просто нищими. Когда мы подошли к главному зданию, монах открыл большие деревянные двери и повел через прихожую, где также сидело множество тибетцев. Следуя за ним, я узнал одну из групп: это было то самое семейство, которое я недавно встретил на дороге. Их глаза излучали тепло и доброту.

Инь, заметив, что я узнал их, принялся расспрашивать меня о них, и я рассказал ему, что недавно видел их на дороге.

— Они вполне могли привести вас сюда, — отвечал Инь. — Но вы были слишком осторожны и побоялись последовать синхронистичности.

Укоризненно посмотрев на меня, он прошел вслед за монахом в небольшую комнату, где находились книжные шкафы, столики и несколько дисков с вырезанными на них молитвами. Затем мы уселись вокруг резного деревянного столика, и монах о чем-то оживленно заговорил с Инем по-тибетски.

— Позвольте осмотреть вашу ногу, — обратился ко мне по-английски другой монах, стоявший позади нас. Он принес небольшую корзинку, в которой лежали белые бинты и несколько пузырьков с какими-то снадобьями. Лицо Иня так и вспыхнуло.

— Вы знакомы с ним? — спросил я.

— Прощу вас, — продолжал монах, протягивая руку и слегка поклонившись. — Меня зовут Джампа.

Инь наклонился ко мне и прошептал:

— Джампа провел более десяти лет в учениках у ламы Ридждэна!..

— А кто такой лама Ридждэн?

Джампа и Инь в ответ переглянулись, не зная, что и сказать мне. Наконец Инь произнес:

— Я уже говорил вам о существовании неких легенд. Так вот, лама Ридждэн понимает их смысл едва ли не глубже всех. Он один из ученейших знатоков всего, что связано с Шамбалой.

— Расскажите мне поподробнее, как это случилось, — произнес Джампа, обращаясь ко мне и пытаясь подобрать средство для исцеления моей разбитой ноги.

Я посмотрел на Иня; тот в ответ лишь кивнул.

— Я должен рассказать обо всем, что с вами случилось, самому ламе, — пояснил Джампа.

Я рассказал ему все, что произошло со мной после прибытия в Лхасу. Когда я умолк, Джампа пристально посмотрел на меня:

— А что было перед тем, как вы прибыли на Тибет? Что еще произошло?

Мне пришлось рассказать ему о соседской дочери и об Уиле.

Джампа и Инь молча переглянулись.

— И что вы подумали обо всем этом? — спросил Джампа.

— Я подумал, что каким-то чудом не потерял здесь голову, — отвечал я. — А теперь я собираюсь отправиться в аэропорт.

— Да нет, я имел в виду не совсем это, — быстро сказал Джампа. — Какое у вас настроение было сегодня утром, когда вы проснулись и обнаружили, что Инь исчез? Что вы подумали?

— Я был в полной растерянности. Я знал, что китайцы могут в любую минуту схватить меня. И я пытался понять, как мне скорее добраться в Лхасу.

Джампа повернулся и поглядел на Иня, прошептал:

— Ему ничего не известно о молитвенном поле... Инь покачал головой и отвернулся.

— Мы говорили об этом, — возразил я. — Но я не вполне понимаю, какое это имеет отношение к случившемуся. Что вам известно об этих вертолетах? Они действительно прилетали за нами?

В ответ Джампа лишь улыбнулся и посоветовал мне не беспокоиться, потому что здесь мне ничто не угрожает. Нашу беседу прервало появление нескольких монахов. Они принесли суп, хлеб и чай. За едой мои мысли заметно прояснились, и я даже попытался оценить ситуацию. Я хотел знать решительно все о происходящем. Все, и немедленно!

Я вопросительно посмотрел на Джампу, но тот ответил мне мягким, умиротворяющим взглядом.

— Я понимаю, у вас наготове немало вопросов, — проговорил он. — Позвольте мне рассказать вам все, что в моих силах. Мы — представители особой школы на Тибете. Наши взгляды не совсем типичны. На протяжении многих веков мы твердо верим, что Шамбала — это вполне реальное место. Мы храним знание, заключенное в легендах, устной традиции, не менее древней, чем Калачакра, посвященная единению истин всех религий.

Многие наши ламы находятся в контакте с Шамбалой посредством вещей снов. Несколько месяцев назад в снах ламы Ридждэна о Шамбале начал появляться ваш друг Уил. И вот спустя некоторое время Уил оказался в нашем монастыре. Лама Ридждэн согласился поговорить с ним и обнаружил, что Уил также видит сны о Шамбале.

— И что же Уил сообщил ему? — спросил я. — Где он теперь?

В ответ Джампа покачал головой:

— Боюсь, что вам придется подождать, пока лама Ридждэн не сочтет нужным сам рассказать вам обо всем.

Взглянув на Иня, я увидел на его лице подобие улыбки.

— А как насчет этих китайцев? — обратился я к Джампе. — Они тоже замешаны в этом?

Джампа пожал плечами:

— Этого мы не знаем. Возможно, что им тоже что-то известно о случившемся.

Я кивнул.

— Да, вот еще что, — произнес Джампа. — Практически во всех снах участвует какое-то другое лицо. Американец.

Джампа сделал паузу и слегка кивнул.

— Ваш друг Уил не совсем уверен, но ему кажется, что это вы.

Приняв ванну и переменяв одежду в комнате, которую выделил нам Джампа, я вышел прогуляться во внутренний двор. Несколько монахов работали на огороде, словно китайцев в этих краях не было и в помине. Я взглянул на вершины гор, потом на небо. Вертолеты больше не появлялись.

— Не хотите ли посидеть? Скамья вон там, — раздался позади меня голос. Обернувшись, я увидел Иня, выходявшего из дверей.

Я кивнул, и мы, поднявшись по склону на несколько террас, на которых росли декоративные растения и овощи, оказались в особом зале, представлявшем собой буддийскую молельню. За нашими спинами высились величественные горы, а южнее, прямо перед нашими глазами, открывалась живописная панорама долины, протянувшейся на много миль. По дорогам двигалось множество пешеходов, некоторые тащили нагруженные повозки.

— А где же сам лама? — спросил я.

— Не знаю, — отвечал Инь. — Он пока что не выразил желаний встретиться с вами.

— Не выразил? Но почему?

В ответ Инь только покачал головой:

— Я не знаю.

— Как ты думаешь, ему известно, где сейчас Уил? Инь опять покачал головой.

— А как по-твоему, китайцы все еще разыскивают нас? — спросил я.

Инь вздрогнул и стал отрешенно смотреть вдаль.

— Простите меня. Моя энергетика совсем слаба, — отвечал он. — Прошу вас, не вынуждайте мое поле воздействовать на вас. Мне больше всего вредит мой собственный гнев. Начиная с 1954 года китайцы осуществляют систематическое уничтожение тибетской культуры. Видите этих людей во дворе? Многие из них — крес *тьяне*, вынужденные бежать от тягот новых законов, принятых китайской администрацией. Есть здесь и кочевники, которые голодают, так как полиция нарушила их исконный образ жизни. — И он в отчаянии стиснул кулаки. — Китайцы здесь поступают точно так же, как в свое время Сталин в Маньчжурии, переселяя многие тысячи иноземцев, в данном случае этнических китайцев, на Тибет, чтобы изменить хрупкий баланс культур и установить здесь господство китайского образа жизни. Они требуют, чтобы преподавание в наших школах велось только на китайском языке.

— А вон те люди возле ворот монастыря? — спросил я. — Они-то зачем пришли сюда?

— Лама Ридждэн и монахи делают все, что в их силах, чтобы помочь бедным, переживающим сейчас трудное время вследствие разрушения их традиционной культуры. Вот почему китайцы не решаются его трогать. Лама помогает тибетцам справляться со многими трудностями, не призывая их к восстанию против оккупантов.

Инь произнес это таким тоном, в котором слышался легкий упрек ламе, но через мгновение принялся защищать его.

— Нет, — заговорил он. — Я вовсе не хочу сказать, что лама активно сотрудничает с китайцами. Просто все поступки китайцев вызывают у меня подозрение. — Инь опять стиснул кулаки и хлопнул ими по коленям. — Поначалу многие думали, что китайское правительство будет уважать традиционный уклад жизни тибетцев и что мы сможем жить бок о бок с китайцами, не утратив своей самобытности. Но их правительство принялось разрушать нашу культуру. И сейчас совершенно ясно, что мы обязаны помешать им уничтожить ее.

— Ты имеешь в виду, что пора начать борьбу с ними? — спросил я. — Инь, но ты же понимаешь, что вам не одолеть их.

— Да, конечно, я понимаю, — отозвался он. — Но при мысли о том, что они здесь творят, меня охватывает приступ ярости. Настанет день, когда воины Шамбалы придут и уничтожат эти исчадия зла!

— Что-о?

— В моем народе живет одно пророчество. — Он покачал головой. — Впрочем, я знаю, что должен уметь побеждать гнев. Он разрушает мое молитвенное поле. — Быстро вскочив на йоги, Инь продолжал: — Мне нужно спросить у Джампы, не поговорил ли он с ламой. Прошу меня извинить. — Он слегка кивнул и вышел.

Выглянув из окна, я осмотрел окружающий ландшафт Тибета, пытаясь оценить ущерб,

который причинила ему

китайская оккупация. На миг мне показалось, что я слышу звук вертолета, но это было слишком далеко и, вероятно, лишь казалось мне. Я понимал, что гнев Иня был вполне оправдан, и на несколько минут задумался о реалиях сегодняшней политической ситуации на Тибете. Тут я вспомнил, что хотел попросить позволения позвонить в Штаты, и понял, как сложно это сделать.

Борясь со сном, едва не засыпая, я почувствовал сильную усталость. Сделав несколько глубоких вдохов, я попытался сосредоточить внимание на красоте природы вокруг меня. Горы с заснеженными вершинами, сочно-зеленые и бурые цвета пейзажа создавали впечатление величия и красоты. Небо было лазурным и почти безоблачным, лишь на западе, у самого горизонта, виднелись сьредкие облачка.

Придя в себя, я заметил, что двое монахов, стоявших несколькими террасами ниже на склоне, внимательно смотрят в мою сторону. Через несколько минут один из монахов начал подниматься по каменным ступеням, направляясь в мою сторону. В руках он держал корзину с каким-то инвентарем. Поравнявшись со мной, он вежливо поклонился и принялся пропалывать цветочную грядку футах в двадцати от меня. Спустя несколько минут к нему присоединился второй монах, начавший копать землю. Время от времени они выразительно поглядывали на меня и многозначительно кивали.

Я сделал еще несколько вдохов и устремил глаза вдаль, размышляя о том, что говорил Инь о своем молитвенном поле. Он опасался, что его гнев, обращенный на китайцев, снижает его энергетику. Что он хотел этим сказать?

Внезапно я начал воспринимать солнечное тепло и его свечение более осознанно, ощущая такую умиротворенность, какой мне прежде не доводилось испытывать. Сделав глубокий вдох, я закрыл глаза и почувствовал какой-то удивительный аромат, напоминающий запах цветов. Первое, что пришло мне в голову, была мысль о том, что это, наверное, монахи сорвали несколько цветков на грядке и положили их неподалеку от меня. Открыв глаза, я огляделся. Никаких цветов поблизости не было. Я подумал, что это, наверное, ветер донес откуда-то запах цветов, но никакого ветра не было. Тут я заметил, что монахи отложили свои мотыги и напряженно смотрят в мою сторону широко открытыми глазами, приоткрыв рты, как будто увидели нечто странное. Я опять огляделся по сторонам, пытаюсь понять, что же такое творится вокруг меня. Заметив, что они побеспокоили меня, монахи быстро собрали свою утварь и корзины и почти бегом направились в сторону монастыря. Я проводил их глазами, заметив, как развеваются на ветру их одежды, а они сами то и дело оглядываются, пытаюсь узнать, не слежу ли я за ними.

Спустившись с террасы и возвратившись в монастырь, я сразу заметил, что что-то случилось. Монахи были явно чем-то взволнованы и перешептывались друг с другом.

Пройдя через прихожую, я направился в свою комнату, намереваясь попросить Джампу разрешить мне позвонить отсюда. Мои мысли прояснились, но я вновь и вновь взывал к чувству самосохранения. Вместо того чтобы поскорее вернуться на родину, я оказался втянутым в какие-то непонятные для меня события. Кто знает, как поступят со мной китайцы, если все же схватят меня? Известно ли им мое имя? Возможно, я опоздал и улететь отсюда мне уже не удастся.

Я совсем было собрался отправиться на поиски Джампы, но в этот момент он сам шумно вошел в мою комнату.

— Лама согласен встретиться с вами, — проговорил он. — Это большая честь. Не смущайтесь, он свободно говорит по-английски.

Я кивнул, ощутив какое-то странное волнение. Джампа тем временем встал у двери; казалось, он чего-то ждал.

— Я могу проводить вас. Пойдемте, — сказал он. Поднявшись, я последовал за ним. Джампа провел меня через очень длинный холл в маленькую комнатку, примыкавшую к нему. Пять или шесть монахов, державших барабаны с вырезанными на них молитвами и белые шарфы, неприязненно поглядели на нас, когда мы проходили мимо них. Из дальнего угла комнаты к нам подошел Инь.

— Это комната приветствий, — сказал Джампа. Стены были обшиты деревом и окрашены в светлоголубые тона. Их украшали резные рельефы и мандалы. Мы подождали несколько минут. Наконец вошел сам лама. Он был заметно выше других монахов, но красное одеяние на нем было точно таким же, как и на всех остальных. Дружелюбно оглядев всех находившихся в комнате, он подозвал Джампу. Они соприкоснулись лбами, и лама прошептал что-то на ухо Джампе.

Джампа немедленно обернулся и жестами велел всем остальным монахам следовать за ним. Инь тоже направился к выходу. Проходя мимо меня, он слегка мне кивнул. Этот жест я воспринял как желание поддержать меня перед предстоящей беседой. Многие монахи оставили мне свои шарфы и почтительно поклонились.

Когда комната опустела, лама знаком велел мне приблизиться и сесть на крохотный стул с прямой спинкой, стоявший справа от него. Подойдя и поклонившись ламе, я присел на указанный стул.

— Благодарю вас, что нашли время принять меня, — произнес я.

В ответ лама кивнул и улыбнулся, а затем пристально посмотрел на меня.

— Могу я задать вам вопрос о моем друге Уилсоне Джеймсе? — спросил я наконец. — Вам известно, где он и что с ним?

— Как вы представляете себе Шамбалу? — в свою очередь, спросил лама.

— Я всегда считал ее неким воображаемым местом, порождением фантазии. Нечто вроде Шангри-Ла.

Лама в ответ покачал головой и убежденно ответил:

— Напрасно. Она реально существует на Земле, являя собой неотъемлемое звено человечества.

— Почему же тогда никому до сих пор не удалось отыскать ее? И почему многие убежденные буддисты говорят о Шамбале как об особом качестве духа и только в переносном смысле?

— Да потому, что Шамбала представляет особый образ бытия. Именно так о ней и подобает говорить. Но Шамбала — это и вполне реальное место, куда люди попадают благодаря особым заслугам, вступая в общение с другими.

— А вы сами там бывали?

— Нет, меня пока туда не приглашали.

— Так почему же вы так убеждены в ее существовании?

— Потому, что я, как и многие другие адепты на Земле, много раз видел Шамбалу во сне. Мы сравнивали наши сны; они оказались настолько близкими, что мы убедились в реальности ее существования. Мы храним священные знания, легенды, рассказывающие о контактах с этой священной страной избранных.

— И что же это за контакты?

— Мы должны хранить эти знания в тайне, ибо ожидаем время, когда Шамбала явит себя миру и станет открытой для всех людей.

— Инь говорил мне, что некоторые верят в то, что воины Шамбалы однажды явятся и уничтожат китайцев.

— Гнев Иня очень опасен для него самого.

— Что же, он абсолютно не прав?

— Он смотрит на происходящее с человеческой точки зрения, которая воспринимает поражение в терминах войны и физической борьбы. Но ведь неизвестно, как именно исполнится это пророчество. Для начала нам надо понять, что же такое Шамбала. Тем не менее мы знаем, что это будет битва совершенно иного рода.

Последнее утверждение показалось мне таинственным, но речь ламы звучала настолько убедительно, что я почувствовал скорее благоговение, чем сомнение.

— Мы уверены, — продолжал лама Ридждэн, — что время, когда Шамбала явит себя миру, уже совсем близко.

— Скажите, лама, а откуда вам это известно?

— Опять-таки из наших общих снов. Как вы уже, без сомнения, слышали, ваш друг Уил тоже побывал в них. Мы рассматриваем это как великий знак, ибо мы тоже видели Уила во сне. Он уловил благоухание и слышал голоса.

Я так и отпрянул.

— Какое благоухание? Лама улыбнулся:

— То самое, которое вы ощутили сегодня днем на террасе.

Теперь мне все стало ясно. Я понял, почему монахи так уставились на меня и почему лама решил встретиться со мной.

— Вы тоже приглашены, — продолжал лама. — Ниспослание благоухания — редкий дар. Я сам удостаивался его лишь дважды: один раз — когда учился у моего наставника, а второй — когда здесь находился ваш друг Уил. И вот это повторилось опять, на этот раз уже с вами. Я не знал, вправе ли я говорить об этом с вами. Дело в том, что говорить о таких вещах непосвященному очень опасно. Вы ведь слышали крик?

— Нет, — отвечал я. — Я не совсем понял, что это было.

— Это тоже был зов Шамбалы. Будьте готовы к тому, чтобы услышать некий особый звук. Но как только ваш слух уловит его, вы сразу же поймете, что это такое и откуда.

— Знаете, лама, я далеко не уверен, хочу ли я отправиться туда. Даже здесь я чувствую, что мне угрожает опасность. Китайцы, по-видимому, знают, кто я и откуда. И единственное, чего мне хочется, — это поскорее вернуться в Штаты. Не скажете ли вы мне, где я мог бы увидаться с Уилом? Быть может, он где-то поблизости?

В ответ лама покачал головой. Вид у него был очень опечаленный.

— Нет. Боюсь, что он сейчас далеко и вряд ли скоро вернется.

Я замолчал, а лама посмотрел на меня долгим укоризненным взглядом.

— Да, вот еще что. Вы должны это знать, — заговорил он. — Наши сны ясно свидетельствуют о том, что без вас Уил может не пережить это испытание. Чтобы он достиг цели, вы просто обязаны быть рядом с ним.

Волна ужаса так и обдала меня. Похолодев, я отвел глаза. Это было совсем не то, что я надеялся услышать здесь!

— Легенды гласят, — продолжал лама, — что каждое поколение обитателей Шамбалы имеет определенную миссию. Она всем известна, и все ее обсуждают. То же самое можно сказать и о культурах человечества за пределами Шамбалы. При мысли о мужестве и решимости поколений, живших до нас, разум проникается силой и ясностью.

Я с удивлением слушал эти слова из его уст.

— Скажите, а ваш отец еще жив? — спросил он. Я покачал головой:

— Увы. Он умер несколько лет назад.

— А принимал ли он участие в великой войне в 1940-е годы?

— Да, — отвечал я, — он был на фронте.

— И что же, он участвовал в боях?

— Да, почти всю войну.

— А не рассказывал ли он вам о наиболее страшных эпизодах?

Вопрос ламы вернул меня на много лет назад, когда отец часто говорил со мной о войне. На мгновение я задумался.

— Пожалуй, это была высадка в Нормандии в 1944 году.

— Ах да, — отвечал лама. — Я видел американские съемки, запечатлевшие эту высадку. Вы, конечно, тоже видели эти кадры?

— Да, конечно, — отвечал я. — Они всегда вызывали у меня волнение.

— Они живо передают страх и мужество воинов, — продолжал лама.

— Да.

— А как вы думаете, смогли бы вы совершить нечто подобное?

— Даже не знаю. Я не представляю, как это делается.

— Возможно, им далось это легче, ибо такова была миссия их поколения. Все они, каждый по-своему и на своем месте, ощущали ее: и те, кто сражался, и те, кто делал оружие, и те, кто выпускал пищу для войск. Они спасли мир в эпоху господства величайшего зла.

Лама помедлил, словно ожидая от меня вопроса, но я просто смотрел на него и слушал.

— Миссия вашего поколения — совсем иная, — произнес он. — Вы тоже призваны спасти мир. Но сделать это вы должны иными средствами. Вы должны понять, что в вас самих заложена великая сила, которую необходимо беречь и возвращать. Это та самая ментальная энергия, которая всегда именовалась молитвой.

— Мне уже доводилось слышать об этом, — отвечал я. — Но я не вполне понимаю, как пользоваться ею.

Тут лама улыбнулся и встал, не отводя от меня взгляда.

— Да-да, — произнес он. — Я понимаю. Но вы научитесь, непременно научитесь.

Улегшись на кушетку в своей комнате, я задумался, пытаюсь осознать все то, что услышал от ламы. Он ведь резко оборвал беседу, и я не успел задать ему и половины мучивших меня вопросов.

— А сейчас ступайте и отдохните, — сказал он, громко позвонив в колокольчик и подозвав несколько монахов. — А завтра мы с вами продолжим беседу.

Немного позже Джампа и Инь объяснили мне смысл всего сказанного ламой. Но все дело заключалось в том, что лама больше задавал мне свои вопросы, чем отвечал на мои. Я так и не понял, где же сейчас находится Уил и что на самом деле означает зов Шамбалы. Все это казалось мне подозрительным и весьма опасным.

Инь и Джампа наотрез отказались обсуждать со мной эти вопросы. Остаток вечера мы посвятили ужину и созерцанию величавой красоты природы, а потом решили пораньше лечь спать. Лежа в постели, я долго смотрел в потолок, не в силах уснуть. Мысли вихрем пронеслись в моей голове.

Я несколько раз мысленно возвращался к эпизодам моего путешествия на Тибет и наконец, измучившись, кое-как заснул. Во сне я видел себя бегущим сквозь толпу по улицам Лхасы, затем — разыскивающим святилище в одном из монастырей. Монахи-привратники испытующе посмотрели на меня и закрыли двери. Затем откуда-то появились солдаты. Я бросился от них, долго плутал по каким-то темным переулкам и совсем уже было потерял надежду, как вдруг на одной из улиц справа от себя увидел светлое пятно — наподобие того, что видел прежде в горах. Когда я приблизился, свет постепенно исчез, но прямо перед собой я увидел ворота. В этот момент из-за угла за моей спиной показались солдаты... Я бросился в ворота... и оказался посреди снежного простора...

Я в недоумении проснулся. Где это я? Постепенно я узнал очертания комнаты, встал с постели и медленно подошел к окну. На востоке слабо брезжил рассвет. Я хотел было опять вернуться в тот сон и направился к постели. Увы, из моей затеи ничего не вышло. Я окончательно проснулся.

Надев брюки и рубашку, я спустился по лестнице, вышел во двор и, подойдя к огороду, тихо уселся на кованую металлическую скамью. Любуясь начинающимся рассветом, я услышал за спиной чьи-то шаги. Обернувшись, я увидел фигуру человека, идущего по направлению ко мне из монастыря. Это был лама Ридждэн.

Я поднялся, а он тем временем поклонился мне.

— Как вы рано, — сказал он. — Я думал, вы еще сладко спите.

— Что ж делать, — отвечал я, наблюдая за тем, как лама прошел к пруду и бросил в него горсть зерна для рыбок. Они словно того и ждали; вода в пруду так и забурлила.

— Ну и что же вам приснилось? — спросил лама, не глядя на меня.

Я рассказал ему о своих приключениях и особенно о пятне света. Лама был изумлен.

— А приходилось ли вам видеть такие пятна света наяву? — спросил он.

— Несколько раз во время странствий в этих местах, — отвечал я — Скажите, лама, что это значит?

Вместо ответа он улыбнулся и сел на скамью напротив меня.

— Видно, вам помогают дакини.

— Ничего не понимаю. Кто такие эти дакини? Уил оставил Иню записку, в которой он упоминает о каких-то дакини, но раньше я ничего не слышал о них.

— Они приходят из духовного мира. Обычно они принимают облик женщин, но в принципе могут предстать людям в любом облике. На Западе их называют ангелами, но на самом деле они существа куда более таинственные, чем мы можем себе представить. Легенды гласят, что перемещаются дакини с помощью света Шамбалы. Лама сделал паузу и посмотрел на меня.

— И как же вы решили ответить на этот зов?

— Просто не знаю, как мне поступить, — отвечал я.

— Легенды укажут вам путь. Они утверждают, что знаком приближения явления Шамбалы будет то, что многие из людей начнут догадываться о жизни ее обитателей, обретая истину посредством молитвенной энергии. Молитва — это не просто некая сила, действующая тогда, когда мы сидим и молимся, исходя из конкретной ситуации. Разумеется, молитва действует и в таких случаях, но отнюдь не ограничивается ими.

— Вы что-то рассказывали о постоянном поле молитвы...

— Да-да. Обращая свои ожидания на любые явления бытия, все равно — добрые или злые, осознанные или неосознанные, мы помогаем им воплотиться в реальности. Наша молитва — это энергия, или сила, излучаемая нами сразу во всех направлениях. У большинства людей, мыслящих ординарными представлениями, эта энергия выражена очень слабо и противоречиво. Но у других людей, сумевших достичь в жизни многого и обладающих к тому же творческим даром и стремлением к успеху, такое энергетическое поле бывает мощным, хотя сами они обычно не сознают этого. Большинство людей этой группы имеют весьма сильное энергетическое поле, так как они выросли в условиях, научивших их надеяться на успех и в большей или меньшей мере верить в него. У них были сильные ролевые образцы для подражания, с которыми они постоянно соперничали. Но наши легенды гласят, что скоро все люди овладеют этой силой и поймут, что наша способность использовать эту энергию может быть развита и отработана.

Все это я рассказываю вам для того, чтобы вы поняли, как подобает отвечать на зов Шамбалы. Чтобы обрести путь в это священное место, вы должны систематически расширять

свое энергетическое поле до тех пор, пока вы не обретете творческую энергию, необходимую, чтобы достичь Шамбалы. Легенды подробно рассказывают, что для этого требуется, и особо выделяют три основных ступени. Существует, правда, и четвертая ступень, но ее во всей полноте могут осознать лишь те, кто уже достиг Шамбалы. Вот почему так трудно отыскать Шамбалу. Даже если кому-то и удастся успешно развить свое энергетическое поле на первых трех ступенях, тем не менее, для того чтобы отыскать путь в Шамбалу, ему не обойтись без помощи. А дакини и открывают ворота, ведущие туда.

— Вы назвали дакини существами духовного мира. Вы имели в виду души, которые после смерти служат для нас как бы проводниками?

— Нет, дакини — существа иного плана; их задача — вызывать пробуждение в людях и охранять их. Они не имели и не имеют с людьми ничего общего.

— Значит, дакини — то же самое, что ангелы? Лама улыбнулся:

— Дакини — это дакини, Суть едина. В каждой религии их наделяют разными именами, подобно тому как каждая религия по-своему описывает Бога и устанавливает законы бытия человека. Но во всех религиях опыт переживания Бога, энергии любви, в сущности, одинаков. У каждой религии есть своя особая история отношений с Богом и свои принципы ее раскрытия, но за всем этим кроется единое Божественное начало. То же самое относится и к ангелам.

— Так, значит, вы не вполне ортодоксальный буддист?

— Наша школа и легенды, которые мы храним, уходят своими корнями в буддизм, но мы стремимся к синтезу всех религий. Мы полагаем, что в каждой из них присутствует истина, которая должна дополнять и обогащать все остальные учения. Это вполне возможно и без утраты суверенных устоев или основополагающих истин любого традиционного вероучения. Так, например, я могу называть себя христианином, иудаистом или мусульманином. Вы верим, что обитатели Шамбалы тоже трудятся ради интеграции истин всех религий. Поступая так, они руководствуются тем же самым духом, во имя которого далай-лама совершает инициации Калачакры, знакомые всем, у кого искреннее сердце.

Я лишь посмотрел на него, стараясь понять.

— Не пытайтесь сразу же понять все, что только что слышали, — продолжал далай-лама. — Просто помните, что интеграция всех религиозных истин очень важна, если энергетика молитвенного поля у человека возросла настолько, что способна преодолеть опасности, связанные со страхом. Помните также, что дакини реально существуют.

— Что же побуждает их помогать нам? — спросил я. Лама глубоко вздохнул и надолго задумался. Казалось, мой вопрос вызвал у него замешательство.

— Обретению ответа на этот вопрос я посвятил всю свою жизнь, — произнес он наконец, — но сейчас я вынужден признать, что не знаю ответа. Мне кажется, что это великая тайна Шамбалы, которую невозможно понять, пока не будет разгадана загадка самой Шамбалы.

— И тем не менее, — прервал его я, — вы уверены, что мне помогли дакини?

— Да, — убежденно отвечал он. — Вам и вашему другу Уилу.

— А как насчет Иня? Какова его роль во всем этом?

— Инь встретил вашего друга Уила в этом монастыре. Инь тоже видел вас во сне, но в другой ситуации, нежели я или другие ламы. Инь получил образование в Англии и хорошо знаком с образом жизни, характерным для Запада. Он и должен был стать вашим проводником, хотя часто противился этому, как вы, без сомнения, не раз замечали. Но это объясняется тем, что Инь не может бросить человека в беде. Он будет вашим проводником и дальше и проводит вас, пока это будет в его силах.

Лама опять сделал паузу и посмотрел на меня, словно ожидая вопроса.

— А как же быть с китайской администрацией? — спросил я. — Что им надо от нас?

Почему они проявляют к этому такой интерес?

Лама опустил глаза.

— Этого я не знаю. Похоже, они тоже чувствуют, что в Шамбале что-то происходит. Китайцы ведь всегда стремились подавлять духовную культуру тибетцев, а теперь они, видимо, сумели раскрыть нашу школу. Вы должны быть очень осторожны. Китайцы действительно боятся нас.

Я отвел глаза, продолжая напряженно думать о китайцах.

— Ну как, вы решились? — спросил лама.

— Вы имеете в виду продолжать путь?

Он утвердительно улыбнулся:

— Да, именно.

— Даже не знаю. Я сомневаюсь, хватит ли мне мужества продолжить путь, рискуя потерять все...

В ответ лама посмотрел на меня и кивнул.

— Вы очень интересно говорили о миссии моего поколения, — произнес я. — Но я не совсем понял, что вы имели в виду.

— Вторая мировая война, а также «холодная война», — начал лама, — были миссией предыдущего поколения. Невиданные успехи в области развития» техники дали в руки политиков грозные средства массового уничтожения. В националистическом угаре силы тоталитаризма и тирании пытались завоевать демократические государства. И эта угроза вполне могла оправдаться, если бы незаурядные личности не сражались и не отдали свои жизни во имя победы демократии во всем мире.

И тем не менее ваша миссия отличается от миссии ваших родителей. Миссия вашего поколения по самой своей природе отлична от миссии поколения, пережившего Вторую мировую войну. Им пришлось с оружием в руках сражаться против тирании и мирового зла. Вам же предстоит бороться с самой концепцией войны и вражды. Для этого требуется мужество и даже героизм. Вы меня понимаете? Ваши родители, следуя своей миссии, сделали все, что было в их силах, и передали эстафету вам. Настал ваш черед. Силы тоталитаризма и тирании еще далеко не побеждены. Они просто отказались от попыток создания национальных империй. Сегодня силы тирании приобрели международный размах. Они используют нашу зависимость от достижений технического прогресса и естественное стремление к комфорту. Эти силы любыми средствами стремятся сосредоточить ключевые факторы технического прогресса в руках элиты, чтобы гарантировать ее экономическое благополучие и взять под контроль эволюционные процессы в мире.

Противостоять им силой невозможно. Демократию должны защищать те, кто уже достиг следующей ступени мирной эволюции человечества. Мы должны использовать всю мощь своего предвидения и все свои надежды, превратив их в непрерывную молитву. Эта сила гораздо действеннее, чем мы можем себе представить. Мы должны овладеть ею и начать ее использовать, пока еще не поздно. Есть знаки, свидетельствующие о неких переменах, происходящих в Шамбале. Возможно, она откроет себя миру. Лама устремил на меня долгий испытующий взгляд. — Вы должны ответить на зов Шамбалы. Это единственный способ сохранить все то, что создали ваши предки, жившие прежде вас. Его убежденность вызвала во мне тревогу.

— С чего же мне лучше начать? — спросил я.

— С максимального развития своего энергетического поля, — отвечал лама. — Для вас это будет нелегко, так как вас обуревают страхи и гнев. Но если вы справитесь с ними, врата сами появятся перед вами...

— Врата?

— Да, именно, Наши легенды рассказывают о том, что в Шамбалу ведут несколько врат: одни из них — в Восточных Гималаях, в Индии, другие — на северо-востоке, у границы с Китаем; и третьи — далеко на севере, в России. Знамена укажут вам верный путь. И когда вам будет казаться, что все пропало, вспомните о дакини.

Пока лама говорил, во двор вышел Инь. В руках он держал наш багаж.

— Что ж, ладно, — проговорил я, чувствуя все увеличивающийся страх, — я попробую. — Но, даже произнося эти слова, я сам не вполне верил, что они слетают с моих губ.

— Не беспокойтесь, — сказал лама Ридждэн. — Инь вам поможет. Но помните, что прежде чем вы сможете найти путь в Шамбалу, вам необходимо расширить энергетическое поле, которое вы излучаете в окружающий мир. Без этого вы попросту ничего не добьетесь. Вы должны научиться управлять энергией своих надежд.

Я взглянул на Иня. В ответ он слегка улыбнулся.

— Пора, — сказал он.

3

РАЗВИТИЕ ЭНЕРГИИ

Когда мы вышли за ворота монастыря, я заметил коричневый, прослуживший уже лет десять джип с крытым верхом, стоявший у обочины дороги. Подойдя поближе, мы обнаружили, что он буквально ломится от каких-то ящиков, коробок с сухой провизией, спальных мешков и тяжелых курток. Над задним бампером красовалось несколько запасных бензобаков.

— Откуда же все эти припасы? — удивленно спросил я.

Инь обернулся ко мне:

— Мы очень давно готовились к этой поездке.

От монастыря ламы Ридждэна Инь повернул на север, но уже через несколько миль джип свернул с широкой, мощенной гравием дороги на узкую тропинку, едва заметную между камнями. Мы проехали еще несколько миль, не проронив ни слова.

Правду сказать, я толком и не знал, о чем говорить. Я согласился отправиться в эту поездку исключительно из-за слов ламы и в знак благодарности за все, что когда-то сделал для меня Уил. Но теперь во мне начал просыпаться страх. Я попытался отбросить опасения и сосредоточить все свое внимание на том, о чем говорил со мной лама Ридждэн. Что он имел в виду, говоря об умении управлять энергией своих надежд?

Я перевел взгляд на Иня. Он, как нарочно, неотрывно смотрел вперед, на дорогу.

— Куда же мы едем? — наконец спросил я. Даже не взглянув в мою сторону, Инь отвечал:

— Это самый короткий путь на шоссе Дружбы. Нам надо держать курс на юго-восток, к Тенгри, что неподалеку от Эвереста. Дорога туда займет, пожалуй, весь день. Нам придется миновать перевалы.

— А там не опасно? Инь посмотрел на меня:

— Мы будем очень осторожны. Нам нужно встретиться с мистером Ханем.

— А кто это?

— Ему известно очень многое о Первой ступени развития молитвенной энергии, которую вам предстоит освоить. Родом он из Таиланда, человек весьма образованный.

Я кивнул и оглянулся.

— Я не вполне понимаю, что означают эти ступени развития. Что это такое?

— Вам известно, что у вас есть энергетическое поле, верно? Точнее, поле молитвы, постоянно излучаемое вами.

— Ну, допустим.

— А знаете ли вы, что это поле оказывает влияние «а окружающий мир и на все происходящее в нем? Вы, наверное, знаете, что такое поле бывает либо небольшим и слабым, либо обширным и сильным.

— Да, догадываюсь.

— Так вот, существуют надежные и проверенные способы совершенствования энергетического поля, позволяющие человеку развивать свои творческие и прочие потенции. Легенды утверждают, что со временем все люди научатся управлять своей энергетикой. Но вы должны научиться этому уже сейчас, если, конечно, хотите попасть в Шамбалу и встретиться с Уилом.

— А ты уже сумел развить их? — спросил я. Инь вздрогнул.

— Я бы не сказал.

Я смерил его взглядом. Да, ничего не скажешь. Так как же я могу рассчитывать овладеть этой практикой, если даже Иню это оказалось не по силам?

Мы проехали еще несколько часов, не проронив ни слова и подкрепившись на ходу орехами и овощами. Остановивались мы всего раз, чтобы заправить джип бензином. Когда уже совсем стемнело, мы проехали через перевал Тенгри.

— Мы должны здесь быть особенно осторожными, — произнес Инь. — Мы находимся недалеко от монастыря Ронгпху и лагеря у подножия Эвереста, и здесь могут дежурить китайские солдаты, обыскивающие туристов и альпинистов. Зато мы сможем полюбоваться сказочной панорамой северной стороны Эвереста.

Через несколько поворотов джип доставил нас в квартал старых деревянных домиков. Среди них был и невзрачный дом из необожженного кирпича.

Двор перед жилищем Ханя был на удивление чистым; его украшали клумбы и небольшой сад камней. Как только мы подъехали, на крыльцо вышел высокий мужчина в красочном, украшенном ручной вышивкой одеянии. На вид ему, пожалуй, было уже за шестьдесят, но двигался он на удивление легко и быстро. Голова у него была обрита наголо.

Когда он обернулся в нашу сторону, Инь помахал ему рукой. Узнав Иня, мужчина так и расплылся в улыбке и направился к нам. Мы тем временем вышли из джипа.

Хозяин перекинулся с Инем парой слов по-тибетски. Затем Инь, указав на меня, произнес:

— Это наш американский друг.

Я назвал Ханю свое имя; в ответ он слегка поклонился и пожал мою руку.

— Добро пожаловать, — произнес он. — Милости прошу в дом.

Повернувшись, Хань вошел в дом, а Инь тем временем вернулся к джипу и достал свой пакет.

— Я захвачу и вашу сумку, — сказал он.

Внутреннее убранство дома оказалось скромным. Выделялись лишь красочные тибетские картины и ковры. Мы прошли в небольшую гостиную, из которой было видно большинство остальных комнат. Слева от меня находились крохотная кухня и спальня, справа была еще одна комната, напоминающая своего рода кабинет. В центре этой комнаты стоял несколько необычный массажный стол, а вдоль стены — шкафы и комоды. В углу виднелась раковина.

Инь сказал Ханю еще несколько слов по-тибетски, и я услышал, как он упоминает мое имя. Хань с живостью поклонился. Затем он посмотрел на меня и глубоко вздохнул.

— Вас мучает страх, — проговорил Хань, пристально глядя на меня.

— Только без насмешек, — возразил я. Хань пропустил мой сарказм мимо ушей.

— Нам надо что-то с этим делать, если, конечно, вы хотите продолжить свое путешествие.

Он обошел вокруг меня, внимательно изучая мое тело.

— Обитатели Шамбалы, — начал он, — живут совершенно по-иному, чем большинство

обычных людей. Они достигли всего. На протяжении тысячелетий между уровнем энергетики простых смертных и энергетикой обитателей Шамбалы зияла пропасть. Однако в последнее время благодаря эволюции человечества и развитию его сознания пропасть между ними заметно уменьшилась, но она еще достаточно велика.

Пока Хань говорил это, я посмотрел на Иня. Казалось, он нервничал не меньше меня. Тем временем Хань тоже заметил это.

— Инь так же боится, как и вы, — проговорил он. — Но он сознает, что этот страх необходимо преодолеть. А вот относительно вас я не могу сказать, что вы сознаете это. Вам необходимо начать действовать и мыслить так, как поступают обитатели Шамбалы. Вы должны сначала развивать, а затем стабилизировать свою энергетику.

Хань замолк и сосредоточил все внимание на осмотре моего тела. Затем он улыбнулся.

— Вы бывали в разных переделках, — сказал он. — По-видимому, вы человек сильный.

— Может быть, я не вполне верно понимаю сущность энергии, — возразил я.

— Да нет, прекрасно понимаете. — Хань широко улыбнулся. — Просто вам не хочется менять привычный образ жизни. Вас увлекают всевозможные мысли и идеи, и вы бессознательно следуете по более или менее знакомому пути.

Наша беседа явно клонилась совсем не туда, куда мне хотелось, и страх во мне уступил место раздражению.

Я по-прежнему стоял, а Хань обошел вокруг меня еще несколько раз, с прежним вниманием изучая каждый дюйм моего тела.

— На что это вы так долго смотрите? — спросил я наконец.

— Если я хочу оценить чей-нибудь уровень энергетики, я прежде всего смотрю на его осанку, — важным тоном произнес Хань. — Ваша, кстати, в этом смысле совсем не плоха, но вам пришлось немало поработать над ней, не так ли?

Его вопрос попал в самую точку. В юности я очень вырос за один год и, как следствие этого, ужасно сутулился. Моя спина всегда была скрюченной и усталой. Мне удалось немного поправить положение, когда я начал заниматься по *утрамгимнастикой* йогов, принимая некоторые основные асанны.

— И все же энергия до сих пор распределяется в вашем теле недостаточно равномерно, — продолжал Хань.

— И вы определили это, всего лишь осмотрев меня? — спросил я.

— И осмотрев вас, и ощутив ваше поле. Мощь и уровень вашей энергетики оцениваются по степени вашего присутствия в комнате. Вам явно приходилось встречаться с человеком, привносящим с собой сильно выраженную харизму.

— Да, разумеется, — отвечал я, вспомнив черноволосого человека у бассейна в отеле в Катманду.

— Чем выше энергетика человека, тем ощутимее для других его присутствие. Часто эта энергия проявляется через посредство личности, эго; поначалу она кажется очень мощной, но затем быстро рассеивается. Но у некоторых наблюдается устойчивый, постоянно высокий уровень энергетики.

Я кивнул.

— Ваша открытость явно приносит вам пользу, — продолжал Хань. — Вы ведь уже испытывали прежде мистическую открытость, ощущали прилив Божественной энергии, не правда ли?

— Да, конечно, — отвечал я, вспомнив опыт состояния, испытанного мной на вершине в Перу. Он сразу же возник в моей памяти. Я едва держался на конце каната, меня чудом не убили перуанские солдаты, и тем не менее я вдруг почувствовал необычайное спокойствие, даже

эйфорию и странную легкость. Тогда я впервые испытал то, что мистики различных религий называли состоянием преображения, просветления и т.п.

— Каким же образом энергия наполнила вас? — спросил Хань. — Как конкретно это произошло?

— Это было как волна умиротворенности, и все мои страхи куда-то исчезли.

— А как она двигалась?

Об этом я и сам, по правде сказать, никогда не задумывался, но теперь вдруг быстро вспомнил...

— Она поднялась по позвоночнику вверх и вышла из меня через макушку, оставив в теле ощущение легкости. Мне казалось, что я плыву. Затем возникло ощущение, будто кто-то тянет меня вверх за тонкую нить, идущую из моей макушки.

Хань понимающе кивнул, а затем посмотрел мне в глаза:

— И как долго это продолжалось?

— Очень недолго, ~ отвечал я. — Но я научился как бы дышать красотой, разлитой вокруг меня, чтобы заново испытать это чувство.

— Вашей технике, — проговорил Хань, — недостает умения вдыхать энергию и осознанно поддерживать ее на высоком уровне. Это и есть первая ступень, которой вам необходимо овладеть. Вы должны значительно расширить идущий через вас поток энергии. Делать это надо осторожно, следя за тем, чтобы прочие ваши действия и поступки не причинили вреда вашему энергетическому полю, когда вам удастся развить его.

На мгновение Хань сделал паузу.

— Вы меня понимаете? Всю оставшуюся жизнь вы будете обязаны поддерживать собственную энергетику на высоком уровне. Вы должны проявлять осмотрительность. — Он многозначительно поглядел на меня. — Вы должны жить как мудрец. А теперь давайте поедим.

Он исчез в кухне и вскоре вернулся с блюдом овощей, приправленных каким-то особым соусом. Он пригласил нас с Инем к столу, и разложил овощи в три небольшие мисочки. Вскоре мы поняли, что пища тоже была составной частью информации, которую Хань хотел передать нам.

Мы принялись за еду, а он тем временем продолжал:

— Но поддержание собственной энергетики на высоком уровне невозможно, если мы подкрепляемся лишь мертвой материей, например пищей.

Я только посмотрел на него и отвернулся. Если нам предстоит выслушать нечто вроде лекции о диете, то это мне скоро надоест.

Мое поведение ужасно рассердило Ханя.

— Вы что, с ума сошли? — почти закричал он. — Да ведь от этих знаний зависит сама ваша жизнь, а вы не желаете хоть немного познакомиться с ними. Вы что думаете? Неужели вы считаете, что можно жить как попало и при этом совершать великие деяния?

Немного успокоившись, он как-то искоса взглянул на меня. Я понял, что его гнев был вполне искренним и в то же время являл собой одно из звеньев его учения. У меня сложилось впечатление, что он стремится дать мне информацию одновременно на нескольких уровнях. Взглянув на него, я не смог сдержать улыбки. Хань явно был мне симпатичен.

В ответ он тоже улыбнулся мне и коснулся моего плеча.

— Большинство людей, — продолжал он, — в юности преисполнены энергии и энтузиазма, но в зрелом возрасте начинают медленно соскальзывать вниз, делая вид, будто не замечают этого. С годами их друзья также замедляют темп жизни, уступая активную роль детям, а сами проводят все больше времени в покое, поглощая всевозможную вкусную пищу.

Постепенно у них начинают развиваться всевозможные недуги и хронические болезни,

например, заболевания желудка или экземы и сыпи, которые они любят списывать на возраст. И вот однажды возникает серьезная болезнь, которая не проходит сама собой. Тогда они обращаются к врачу, но он уже не может предотвратить стресс, и они начинают принимать всевозможные лекарства, которые иногда помогают, а чаще — нет. А через несколько лет у них возникает недуг, который быстро прогрессирует, и они с ужасом понимают, что умирают. Им остается лишь одно утешение — мысль о том, что умирают все и что это неизбежно.

Самое страшное, что такой распад энергетического поля происходит даже с людьми, достигшими высокой духовности. — Хань слегка наклонился ко мне и обвел глазами комнату, словно проверяя, не подслушивает ли нас кто-нибудь. — Это относится даже к некоторым нашим особо уважаемым ламам...

Я хотел было засмеяться, но не посмел.

— Если мы стремимся достичь высокой энергии и в то же время поглощаем пищу, которая лишает нас этой энергии, — продолжал Хань, — мы ничего не добьемся. Мы должны строго оценивать любые энергии, которые впускаем в свое энергетическое поле, в особенности пищу. Надо отбирать лишь самое лучшее, помогающее укреплять наше поле. — Он опять наклонился ко мне. — Для большинства людей достичь этого очень трудно, так как мы привыкаем к нашей обычной пище, а она по большей части чрезвычайно ядовита.

Я отвернулся.

— Я понимаю, что информация, вызывающая наибольшие споры, связана именно с пищей, — продолжал он. — Но истина есть истина, и с ней ничего не поделаешь. Каждый из нас должен убедиться в этом, представив себе такую картину. Мы — существа духовного плана, пришедшие в этот мир для того, чтобы повысить свою энергетику. Однако большинство вещей, которые мы встречаем здесь, направлены на получение чисто чувственного удовольствия и наслаждения; они поглощают нашу энергию и толкают на путь физического распада. И если мы действительно признаем, что являемся существами духовного плана, мы должны идти узким путем, минуя все эти искушения.

Если вы посмотрите вспять на процесс эволюции, пройденной человечеством, вы увидите, что людям с самого начала приходилось знакомиться с пищей методом проб и ошибок, и все это затем, чтобы выяснить, какие виды пищи для нас полезны, а какие — смертельно опасны. Те, кто употреблял в пищу только что-то одно, выжили; те же, кто ел все без разбора, умирали. На том этапе истории человек понял, что для него пагубно, но лишь сегодня мы начинаем сознавать, какие именно виды пищи способствуют нашему долголетию и повышению энергетики, а какие вызывают преждевременное старение.

Хань сделал небольшую паузу, словно пытаясь выяснить, понимаю ли я его.

— Обитатели Шамбалы могут созерцать эту величественную картину, — продолжал он. — Они понимают, какова наша истинная сущность. Да, мы выглядим как сгусток материи, создания из плоти и крови, но на самом деле мы — атомы! Энергия в чистом виде! Кстати, этот факт подтверждает и ваша наука. Заглянув в недра атома, мы сначала видим частицы, а затем, еще глубже, частицы исчезают, и остается только поле чистой энергии, вибрирующей на определенном уровне. Если мы посмотрим с этой точки зрения на нашу пищу, мы убедимся, что все, чем мы наполняем желудки, влияет на уровень наших собственных вибраций. Одни виды пищи повышают нашу энергетику и уровень вибраций, другие заметно понижают. Простая истина, не правда ли?

Любые болезни — это результат снижения вибрационной энергетики. Когда наша энергетика падает до определенного уровня, силы природы, действующие в этом мире, начинают разрушать наши тела.

Он посмотрел на меня так, словно сообщил мне нечто потрясающее.

— Вы имеете в виду физическое разрушение? — спросил я.

— Именно. Представим себе такую картину. Когда кто-то умирает — все равно, собака, сбита машиной, или человек, измученный долгой болезнью, — клетки его тела мгновенно перестают вибрировать и становятся активно кислотными по химическому составу. Кислотность эта служит для всевозможных микробов, бактерий, вирусов и грибков сигналом, что настало время уничтожить эти мертвые ткани. Такова их роль в материальной Вселенной. Они должны вернуть плоть земле.

Я уже говорил, — продолжал он, — что когда энергетика нашего тела снижается под воздействием вредной пищи, это делает нас уязвимыми для болезней. Вот как это происходит. Когда мы съедаем пищу, она участвует в обмене веществ и оставляет в нашем организме вредные отходы. Эти отходы по природе своей либо кислотные, либо щелочные, в зависимости от пищи. Если они щелочные, они быстро выводятся из организма, унося минимум энергии. Напротив, если эти отходы кислотные, кровеносной и лимфатической системам очень трудно избавиться от них, и они хранятся в органах и тканях нашего тела как твердые вещества в форме кристаллов с низким уровнем вибрации, которые блокируют или даже подавляют ее на клеточном уровне. Чем больше в организме кислотных отходов и шлаков, тем выше кислотность, тканей, и происходит... Вам ясно? — Хань выразительно посмотрел на меня. — Появляются микробы того или иного вида, чувствуют кислоту и говорят: «О да, это тело уже готово к распаду!»

Понимаете? Дело в том, что когда какой-то организм умирает, его тело быстро превращается в кислотно-активную среду, и микробы быстро уничтожают его. Если в нашем теле образуются очаги кислотности, то есть отмирания, мы подвергаемся настоящей атаке со стороны микробов. Все наши болезни — следствия такой атаки.

Слова Ханя были исполнены особого смысла. Правда, несколько лет назад мне уже встречалась в Интернете любопытная информация о кислотно-щелочном балансе нашего тела. Более того, мне казалось, что на интуитивном уровне я уже знаю это.

— Вы хотите сказать, что пища, которую мы едим, — прямой путь к болезни? — спросил я.

— Именно. Вредная пища снижает у нас уровень вибраций до величины, при которой природные силы начинают возвращать наше тело земле.

— А как же быть с болезнями, которые вызваны отнюдь не микробами?

— Ошибаетесь. Все без исключения болезни — результат деятельности микробов. Это подтверждают и исследования ваших западных ученых. Как установлено, разнообразные микробы являются причиной поражения артерий при сердечно-сосудистых заболеваниях, а также источником образования метастазов при раке. Но помните, что микробы — всего лишь послушные исполнители. А истинной причиной недугов является пища, создающая кислотную среду. — Хань сделал небольшую паузу и продолжал: — Постарайтесь понять мои слова. В организме человека преобладают либо щелочи (и тогда наша энергетика высока), либо кислоты, служащие для микробов, живущих в нас или поблизости, сигналом о том, что наше тело пора разрушать. Болезнь, в сущности, это загнивание части нашего тела, ибо микробы при ее появлении получают сигнал о том, что мы уже мертвы.

Он опять многозначительно поглядел на меня.

— Извините, если я был излишне резок, — проговорил Хань. — Но дело в том, что у нас очень мало времени. Пища, которую мы едим, главным образом и обуславливает преобладание в нашем организме щелочей или кислот. Как правило, пища, оставляющая в нашем организме кислотные шлаки, — это тяжелая, переваренная и пережаренная пища, всевозможные сладости, например, мясо, мучное, макароны, спиртное, кофе и сладкие фрукты. Щелочная пища — более живая, зеленая и полезная, например, сырые овощи и соки из них, листовая зелень, побеги, а также такие плоды, как авокадо, помидоры, грейпфруты и лимоны. Она предельно проста. Мы

— существа духовного плана, живущие в мире энергии и духа. Вы на Западе с детства привыкли считать, что жареное мясо и тушеная пища очень полезны. Но мы знаем, что именно они и создают среду для медленного разрушения организма и его преждевременной смерти.

Все смертельные болезни, бич рода человеческого, такие как артериосклероз, инсульт, артриты, СПИД и особенно рак, возникают в результате того, что мы сами отравляем свой организм, и это сигнализирует микробам, обитающим в нас, что мы готовы к распаду, утрате энергетики, наконец, смерти. Мы всегда удивляемся, почему это люди, сталкивающиеся с такими же микробами, никогда не болеют. Все дело в том, что в их организме образуется иная среда. Хорошо еще, что даже если вследствие повышенной кислотности наше тело начинает распадаться на клеточном уровне, мы можем исправить ситуацию, перейдя на щелочную пищу, повышающую нашу энергетику.

Хань замахал руками, а его глаза едва не вылезали из орбит.

— Да, что касается понимания принципов вибрации и высокой энергетики тела, надо признать, что мы живем в темные времена. Человек способен прожить лет сто пятьдесят и даже больше. Но мы питаемся пищей, очень быстро разрушающей наш организм. На каждом шагу мы встречаем людей, буквально разваливающихся у нас на глазах. Но это больше не должно продолжаться! — Он опять сделал небольшую паузу, чтобы перевести дух. — Это не тот путь, который приведет в Шамбалу.

Через некоторое время Хань опять огляделся и пристально посмотрел на меня.

— А вы должны попасть туда, — заключил он. — Легенды гласят, что человечество прежде осознает истинную ценность пищи и правила питания. Тогда, говорится в легендах, мы сможем обрести полную открытость для внутренних источников энергии, еще более усиливающих наши вибрации. — Он откинулся на спинку стула и испытующе посмотрел на меня. — Вы очень хорошо адаптировались к условиям тибетского высокогорья, но мне кажется, вам необходимо отдохнуть.

— Да, это было бы неплохо, — отвечал я. — Я порядком устал.

— Я тоже, — согласился Инь. — У нас был долгий и трудный день.

— Знайте, что вам предстоит увидеть сон, — сказал Хань, провожая меня в спальню.

— Увидеть сон? Хань обернулся:

— Да-да. На самом деле сил у вас куда больше, чем вы думаете.

В ответ я рассмеялся.

Внезапно проснувшись, я увидел, что солнце поднялось уже довольно высоко. А обещанного сна я так и не увидел. Надев ботинки, я вышел в соседнюю комнату.

Хань и Инь сидели за столом и о чем-то разговаривали.

— Ну, как вам спалось? — спросил Хань.

— Нормально, — отвечал я, присаживаясь на один из стульев. — Но никакого сна я что-то не помню.

— Это потому, что вы еще не обрели достаточно энергии, — отвечал он с легким раздражением. Затем он вновь пристально оглядел мое тело. Я понял, что он наблюдает за тем, как я сижу.

— Что это вы высматриваете? — спросил я.

— Что вы делали сегодня утром, как только проснулись? — вопросом на вопрос отвечал Хань.

Я поднялся со стула.

— А что, разве что-то не в порядке?

— Проснувшись, человек должен подняться и, прежде чем приниматься за что-либо, начать воспринимать энергию. — Хань встал, пошире раздвинув ноги и опустив руки на бедра. Затем

он медленно сдвинул ноги и поднял руки. Его тело заметно вытянулось, и, поднявшись на цыпочки, он плотно прижал ладони к макушке.

Я прищурился. В его телодвижениях и жестах было что-то необычное, но я никак не мог понять — что именно. Казалось, он стремится скорее воспарить, чем напрячь свои мускулы. Когда я опять сосредоточился, на лице появилась широкая улыбка. А через миг его фигура быстро и плавно направилась в мою сторону.

— Большинство людей просыпаются очень медленно, — проговорил Хань, — и, переваливаясь с ноги на ногу, плетутся выпить чашку кофе или чаю. По пути на работу они продолжают плестись нога за ногу, так что нагрузка падает на какую-то одну группу мышц. Это входит в привычку и, как я уже говорил, блокирует свободную циркуляцию энергии в нашем теле.

Вы должны следить за тем, чтобы каждая клеточка вашего тела была открыта для восприятия энергии отовсюду. Для этого каждое утро вы должны выполнять разминку для мышц, начиная от центра. — Хань указал на точку чуть ниже пупка. — Если вы научитесь концентрироваться на движении из этой точки, ваши мышцы будут чувствовать полную свободу и смогут достичь максимальной скоординированности. Это основной принцип всех боевых искусств, а также танцев. Вы можете придумать свои собственные, индивидуальные движения.

С этими словами он исполнил целую серию движений, которых я никогда прежде не видел. В общем они напоминали перемещение груза и вращения, характерные для тай-цзи. Но Хань явно выполнял свою собственную версию классических движений.

— Ваше тело, — продолжал, он, — должно научиться избавляться от преград, мешающих циркуляции энергии.

Он встал на одну ногу и, наклонившись, вытянул руку, словно нанося удар невидимой теннисной ракеткой, а его рука, пока он выполнял это упражнение, почти коснулась пола. Затем он повернулся на месте и встал на другую ногу. Мне опять не удалось заметить, как Хань перемещает центр тяжести, а он тем временем, казалось, витал над полом.

Я тряхнул головой и попытался сосредоточиться, но Хань внезапно остановился, словно фотограф запечатлел его движения на стоп-кадре. Это казалось совершенно невозможным. Затем он столь же внезапно направился ко мне.

— Как вы смогли это исполнить? — спросил я. Он отвечал:

— Я начал в медленном темпе, помня основной принцип. Если вы начнете движение из Центра, ожидая, что поток энергии хлынет в вас, ваши движения будут все более и более легкими. Разумеется, для того чтобы достичь совершенства, вам необходимо быть открытым для всех проявлений Божественной энергии, присутствующей в вас самих. — Он на мгновение остановился и взглянул на меня. — Кстати, а насколько ясно вы помните свое мистическое преобразование?

Я опять вспомнил о Перу и том удивительном состоянии, испытанном мной на вершине горы.

— Мне кажется, очень хорошо.

— Прекрасно, — отозвался он. — Тогда пойдем. Инь как-то странно улыбнулся, и мы с ним вслед за Ханем вышли в небольшой садик и, поднявшись на несколько ступеней, оказались на площадке, поросшей бурой травой, среди которой виднелись большие валуны. Камни тут и там были изрезаны живописным» прожилками красных и коричневых слоев. Здесь Хань предложил мне повторить некоторые из тех упражнений, которые я только что наблюдал в его исполнении, а затем велел сесть прямо на землю и сам уселся справа от меня. Инь тоже сел позади нас. Утреннее солнце заливало вершины дальних гор теплым золотистым светом. Я как замороженный любовался этой дивной красотой.

— Наши легенды гласят, — начал Хань, — что открытость для более высоких уровней энергии представляет собой способность, которую со временем обретут все. Она начинается с осознания того, что такое состояние в принципе возможно. Затем мы переходим к пониманию всех факторов, влияющих на развитие и сохранение высокого уровня энергетики. — Он сделал небольшую паузу и вновь обратил на меня взгляд. — Итак, вы уже знакомы с основной техникой, но вам необходимо теперь раскрыть чувства. Как утверждают легенды, для начала вы должны успокоить сознание и как бы заново посмотреть на свое окружение. Большинство из нас редко обращают внимание на происходящее вокруг нас. Такие вещи служат нашему сознанию своего рода фоном, на котором оно раскрывается. Однако мы должны помнить, что все во Вселенной живет только благодаря духовной энергии и во всем присутствует частица Божественного. Поэтому мы должны сознательно стремиться к соединению с искрой Божественного, заложенной в нас самих.

Как вам известно, критерием нашей связи с этой энергией является наше чувство прекрасного. Всегда задавайте самому себе вопрос: «Красиво ли, прекрасно ли это?» Независимо от первого впечатления мы всегда сможем отыскать прекрасное во всем, если только захотим. Чем более прекрасным видится нам то или иное явление, тем больше Божественной энергии мы сможем получить от него.

Хань умолк, давая мне возможность внимательно окинуть взглядом окружающий пейзаж.

— Когда мы начнем укреплять эту связь, — продолжал он, — и ощутим в себе самих источник Божественной энергии, наше восприятие неизмеримо расширится. Мы как бы заново увидим окружающий мир, научимся любоваться его уникальными цветами и формами. Достигнув такого уровня восприятия, мы сможем вдыхать гораздо больше энергии.

Видите ли, на самом деле энергия, конечно, не исходит в таких громадных количествах от окружающих вещей, хотя мы и можем получать ее непосредственно от растений или религиозных святынь. Сакральная энергия возникает в результате нашего соединения с Божественным началом, заложенным в нас. Буквально все вокруг нас, будь то творения природы или рук человеческих — цветы, камни, травы, горы, произведения искусства, — исполнено сказочной красоты и выходит за пределы восприятия обычного человека. Открываясь для этой Божественной энергии, мы тем самым повышаем уровень своих вибраций и способность восприятия, благодаря чему можем созерцать мир таким, каков он на самом деле. Вы меня понимаете? Человечество живет в мире сказочно прекрасных форм и красок. Небо, в сущности, уже снизошло на землю. Чтобы осознать и увидеть это, нам недостает лишь открытости для внутренней энергии.

Я с увлечением слушал Ханя. Теперь мне многое стало гораздо яснее, чем когда-либо прежде.

— Сконцентрируйтесь на красоте, — наставлял Хань, — и старайтесь дышать энергией, заложенной в вас самих.

Я сделал глубокий вдох.

— А теперь поглядите, насколько более прекрасным стал окружающий мир, — тоном наставника произнес Хань.

Я опять устремил взор на скалы и горы и, к величайшему моему изумлению, увидел далеко-далеко величественные очертания вершины. Да, это был Эверест. Почему же прежде я не замечал и не узнавал его?

— Да, да, посмотрите на Эверест, — сказал Хань.

Взглянув на великую гору, я заметил, что заснеженные уступы на ее склоне образуют как бы некие ступени, ведущие к вершине, напоминающей корону. Этот вид странно изменил мое восприятие, и высочайшая вершина мира внезапно показалась мне совсем близкой, почти

частью меня. Казалось, стоит мне протянуть руку — и я прикоснусь к ней.

— Задержите дыхание, — произнес Хань. — От этого ваши вибрации и способность восприятия достигнут еще более высокого уровня. Все вдруг станет сияющим, словно начнет светиться изнутри.

Я опять сделал глубокий вдох и ощутил легкость. Моя спина как-то странно выпрямилась. Сам тому не веря, я ощутил точно такое же состояние, как тогда, на вершине горы в Перу.

Хань кивнул:

— Ваша способность воспринимать прекрасное — важнейший показатель того, что Божественная энергия втекает в вас. Важнейший, но не единственный, ибо существуют и другие.

У вас появится ощущение легкости, — продолжал Хань. — Энергия, которой вы переполнены, приподнимет вас, словно канат, тянущийся вверх из вашей макушки, о котором вы упоминали. Вы сможете проявлять больше мудрости в оценках себя самого и своего предназначения. Вы будете получать интуитивные прозрения и сны о том, каким станет ваш следующий шаг.

Сделав некоторую паузу, Хань оценивающе оглядел мое тело. Я сидел теперь с какой-то странной легкостью.

— А теперь мы переходим к наиболее важной составляющей, — сказал он. — Вы должны научиться воспринимать энергию и привлекать ее поток к себе. Для этого вам следует воспользоваться силой своих ожиданий, силой молитвенной энергии.

Здесь опять прозвучало слово «ожидания». Но я никогда прежде не слышал его в таком контексте.

— Ожидания? Что же » должен делать? — спросил я, испытывая смущение, и сразу же ощутил отток энергии. Цвета и краски вокруг померкли.

Хань выпучил глаза и громко расхохотался. Несколько раз он пытался побороть смех, но упал на землю и начал кататься по ней, умирая со смеху. Он уже совсем было перестал, но, взглянув на меня, опять и опять начинал хохотать. Я услышал, что и Инь посмеивается за моей спиной.

Наконец Хань сделал несколько глубоких вдохов и немного успокоился.

— Прощу извинить меня, — едва выговорил он. — Но ваш вопрос был таким смешным. Вы действительно не верите, что обладаете недюжинной силой, не так ли?

— Не совсем так, — запротестовал я. — Я просто не вполне понимаю, что вы имеете в виду под словом «ожидания».

Хань только улыбнулся.

— Вы подумали, что это ожидания каких-то событий в жизни, не правда ли? Например, ожидание восхода солнца. Ожидание биения крови в жилах. Верно?

— Разумеется.

— Ну вот, а я просил вас всего лишь перевести эти ожидания в сознательный план. Это единственный способ сохранить и повысить уровень энергетики, которого вы уже достигли. Вы должны научиться ожидать в своей жизни выхода на этот уровень энергетики, делая это добровольно и вполне осознанно. Это единственная возможность расширить молитвенное поле. Почему бы вам не попытаться еще раз?

Вместо ответа я слегка улыбнулся, и мы посвятили минут пять дыханию и поглощению энергии И когда мир опять предстал предо мной во всей своей красе, я кивнул Ханю.

— А теперь, — произнес он, — вы должны активно ожидать притока энергии, которая наполнит вас и начнет изливаться во всех направлениях. Представьте себе, как это происходит.

Как Хань и просил меня, я попытался сосредоточиться на собственной энергии.

— Энергия начнет изливаться? А как я узнаю, что это действительно происходит?

— Вы сразу же почувствуете это. А пока просто представьте себе этот поток.

Сделав глубокий вдох, я зримо представил себе поток энергии, втекающий в меня и изливающийся в окружающий мир во всех направлениях.

— Я все еще не уверен, насколько реально все происходящее, — проговорил я.

Хань в упор посмотрел на меня, и в его взгляде я заметил легкое беспокойство.

— Вы узнаете, что энергия изливается из вас. Вы же видите, что ваша энергетика высока, цвета и краски все так же яркие, и не можете не ощущать, что энергия заполняет вас, а затем изливается во все стороны.

— А как я почувствую это? — спросил я. Хань недоверчиво покосился на меня:

— Да вы сами прекрасно знаете ответ.

Вновь устремив взор на горные вершины, я наглядно представил себе поток энергии, изливающийся от меня к ним. Горы были все так же прекрасны и даже казались мне еще живописнее. Меня захлестнула волна глубоких эмоций, и я сразу вспомнил ощущения, пережитые мной в Перу.

Хань кивнул.

— Да, правда! — воскликнул я. — Главное мерило этого потока энергии — чувство любви.

На лице Ханя появилась широкая улыбка.

— Да, верно, любовь — то самое фоновое чувство, не покидающее вас, пока ваша молитвенная энергия изливается в мир, Вы должны сохранять это чувство любви ко всем и вся.

— Для обычных людей все это похоже на жуткий идеализм, — проговорил я.

Хань кашлянул.

— А я и не собирался учить вас тому, что составляет жизнь обычного человека. Я говорил вам, как достичь вершины эволюции. Я учил вас, как стать героем. А пока просто не забывайте о том, что вы должны активно ожидать, что поток Божественной энергии на более высокой ступени заполнит вас, словно чашу, и, перелившись через края, изольется обратно в мир. Утратив связь с источником энергии, вспомните это чувство любви. Попробуйте сознательно вернуться к этому состоянию. — Его глаза вновь засверкали. — Ваши ожидания — ключ к достижению этого опыта. Вы должны представить себе, как это происходит, и уверить себя в том, что этот процесс будет доступен для вас в любых ситуациях. Это ожидание необходимо развивать и укреплять ежедневно.

Я понимающе кивнул.

— А теперь, — произнес Хань, — скажите мне, поняли ли вы суть процессов, о которых я рассказывал вам? — И прежде чем я успел ответить, он сказал: — Ключ к успеху — то, как вы просыпаетесь утром. Вот почему я отправил вас спать, чтобы узнать, как вы просыпаетесь поутру. Здесь необходима строгая дисциплина. Проснувшись, сразу же обратите свое тело к потоку энергии, как я уже показывал вам. Движения начинайте из центра, ощущая приток энергии. Ожидайте ее пополнения.

Питайтесь только живой пищей. Помимо всего прочего, это поможет воспринимать всем вашим существом внутреннюю Божественную энергию, присутствующую в вас. Каждый день выбирайте время, чтобы подпитаться этой энергией, а просыпаясь, сделайте движение навстречу ей. Представьте, что поток энергии заполняет вас, и почувствуйте, как он переливается через край и изливается в мир. Выполняя эти упражнения, вы проникнетесь учением Первой ступени. Вы сможете не просто произвольно воспринимать энергию, но сознательно развивать и поддерживать ее на высоком уровне.

Хань низко поклонился и, не говоря более ни слова, направился к своему дому. Мы с Инем последовали за ним. Войдя в дом, Хань стал собирать продукты и укладывать их в большую корзину.

— А как же насчет ворот? — спросил я Ханя Он внимательно посмотрел на меня.

— Да ведь их много, — отвечал он.

— Я хотел сказать, не знаете ли вы ворота, ведущие прямо в Шамбалу?

Лицо Ханя приняло строгое выражение:

— Вы познакомились лишь с Первой ступенью развития молитвенной энергии. Теперь вам надо научиться управлять энергией, исходящей от вас. А вы, к сожалению, очень своевольны и к тому же не избавились от страха и гнева. Вам необходимо преодолеть в себе эти наклонности, и лишь после этого вы сможете приблизиться к Шамбале.

Сказав это, Хань кивнул Иню и передал ему корзину, а затем вышел в другую комнату.

4

ОСОЗНАННАЯ ГОТОВНОСТЬ

Выйдя из дома, я направился к джипу в прекрасном расположении духа. Веял прохладный ветерок, и горы вокруг нас излучали какую-то неземную красоту. Усевшись в машину, мы поехали. За рулем сидел Инь.

— Не скажешь, куда мы направляемся теперь? — спросил я.

— Я знаю только то, что нам надо держать курс на северо-запад Тибета. Легенды говорят, что ближайшие от нас ворота Шамбалы находятся где-то там. Но как сказал лама Ридждэн, нам укажут путь. — Он сделал паузу и пристально посмотрел на меня. — Пришло время рассказать вам мой сон.

— Не тот ли это сон, о котором упоминал лама Ридждэн? — спросил я. — Сон, в котором ты видел меня?

— Да. Мне приснилось, что мы с вами странствуем по Тибету в поисках ворот. Нам никак не удается отыскать их. Мы забрались очень далеко, описали не один круг, и все впустую. Но в минуту сильнейшего отчаяния нам встретился человек, знавший, куда мы должны пойти.

— А что было потом?

— Сон оборвался.

— И что же это за человек? Уж не Уил ли?

— Нет, не думаю.

— И что же, по-твоему, означает этот сон?

— Он означает, что нам надо быть наготове. Несколько минут мы проехали в полном молчании, затем я спросил:

— А что, на северо-западе Тибета много китайских войск?

— Да нет, не особенно, — отозвался Инь, — за исключением приграничной полосы и военных баз. Проблема состоит в том, как преодолеть ближайшие три-четыре сотни миль, за горой Кайлаш и озером Манаса-ровар. Там на дороге несколько армейских блокпостов.

Следующие четыре часа мы ехали спокойно, без всяких происшествий по мощенной гравием дороге, время от времени сворачивая на грязные проселки. Без помех добравшись до Саги, мы выбрались на шоссе, ведущее на Западный Тибет — о нем мне и говорил Инь. По пути нам встречались большие транспортные грузовики, а также старенькие повозки и машины местных жителей. Несколько иностранцев, поджидавших попутной машины, стояли у обочины.

Спустя еще примерно час езды Инь круто свернул с шоссе на проселок, похожий скорее на конскую тропу. Джип так и запрыгал на бульжниках и ухабах.

— Там, впереди, на шоссе китайский армейский блокпост, — пояснил Инь. — Нам лучше объехать его.

Когда мы по крутой тропе добрались до перевала холма, Инь остановил джип и подвел меня к краю пропасти. Внизу, в нескольких сотнях футов под нами, мы увидели два огромных

армейских грузовика с китайскими опознавательными знаками. На дороге стояли десятка полтора солдат.

— Это не к добру, — проговорил Инь. — Обычно у китайцев на перекрестке стоят трое-четверо солдат. Может быть, они высматривают нас...

Я старался не поддаваться страху и сохранять высокую энергетику. Мне показалось, что несколько солдат смотрят на вершину холма прямо в нашу сторону. Я быстро пригнулся.

— Что-то случилось, — прошептал Инь.

Вновь взглянув на перекресток, я увидел, что солдаты обыскивают фургон, подъехавший к блокпосту. У обочины дороги стоял светловолосый мужчина средних лет, отвечавший на вопросы офицера. В фургоне, видимо, был еще кто-то. До нашего слуха едва долетали обрывки слов мужчины. Кажется, он говорил по-голландски.

— А почему их задержали? — спросил я Иня.

— Даже не знаю, — отозвался он. — Возможно, у них не в порядке документы, или они задали какой-нибудь неуместный вопрос.

Я остановился, искренне желая помочь им.

— Прошу вас, — сказал Инь. — Нам пора уезжать. Мы уселись в джип, и Инь медленно поехал по склону

холма и, миновав перевал, начал спускаться. У подножия холма мы наткнулись на другую тропу, которая шла вправо, в обход шоссе, но вела на северо-запад. Про-

ехав по этой тропе добрых пять миль, мы увидели, что она сворачивает обратно на шоссе, ведущее в Чжонг-ба — маленький городок с несколькими гостиницами и магазинчиками. По его улочкам шагали пешеходы, брели яки и другие домашние животные. Промелькнуло несколько «лендроверов».

— Мы теперь всего лишь паломники, направляющиеся к горе Кайлаш, — усмехнулся Инь. — Так мы будем привлекать меньше внимания.

А я сильно сомневался в этом. И действительно, не успели мы проехать и полумили, как на дороге прямо позади нас показался китайский армейский грузовик. Новая волна страха так и обдала меня с головы до ног. Инь тем временем свернул в переулок, а грузовик промчался по улице и скрылся из виду.

— Вы должны сохранять твердость, — сказал Инь. — Видно, вам самое время изучить Вторую ступень развития.

И он принялся вновь пересказывать мне учение Первой ступени, пока я не представил себе и не почувствовал поток энергии, протекающий прямо перед нами и теряющийся вдали.

— А теперь, для того чтобы привести свою энергию в движение, вы должны расположить свое энергетическое поле так, чтобы добиться определенного эффекта.

— Расположить мое поле?

— Да. Мы можем располагать свое молитвенное поле так, чтобы по-разному воздействовать на мир. Мы достигаем этого посредством ожиданий. Вы уже сталкивались с таким опытом, помните? Хань учил вас активно ожидать, как поток энергии будет протекать через вас. Теперь же вам предстоит расположить свое поле посред-

ством других ожиданий, соблюдая при этом особую дисциплину. Иначе вся ваша энергия быстро улетучится вследствие страха и гнева.

Он посмотрел на меня с печальным выражением, которого я прежде никогда не видел.

— Что случилось? — спросил я.

— Когда я был еще подростком, я видел, как китайский солдат убил моего отца. И я яростно ненавидел и одновременно боялся этого солдата. При этом я всегда помнил, что в моих жилах тоже течет китайская кровь. Увы, это худшая часть моей крови. Именно эта память и вина

исказили мою энергетику, и я всегда склонен видеть в людях худшее. Со временем вы узнаете, что на этих высоких уровнях энергетики наши молитвенные поля действуют очень быстро, принося нам именно то, чего мы ожидаем. Если мы испытываем страх, нам посылается именно то, чего мы боимся. Если же питаем ненависть, то нам приходится чаще сталкиваться с теми, кого ненавидим.

К счастью, в то время, когда мы оказываемся во власти этих негативных эмоций, наше молитвенное поле быстро сужается, так как мы утрачиваем связь с Божественным началом и теряем способность излучать любовь. Вот почему вы должны научиться управлять своими ожиданиями и уметь осмысленно располагать свое поле. — Инь с улыбкой посмотрел на меня и продолжал: — Так как вы не питаете к китайским солдатам такой же ненависти, как я, у вас есть определенное преимущество. Но вы по-прежнему испытываете страх и, вероятно, способны на сильный гнев... как и я. Может быть, именно поэтому мы сейчас вместе.

Я сосредоточенно смотрел вперед, на дорогу, размышляя о том, что сказал Инь, и не особенно веря тому,

будто наши мысли обладают такой страшной силой. Но тут мои размышления прервались. Инь остановил машину и поставил ее прямо напротив пыльных серых зданий.

— Почему ты остановился? — спросил я. — Разве мы тем самым не будем привлекать больше внимания?

— Да, конечно, — отвечал Инь. — Но мы вынуждены рискнуть. У китайских солдат на каждом шагу шпионы, но у нас нет выбора. Ехать на Западный Тибет на одном стареньком джипе, мягко говоря, опасно. Там ведь ремонтных мастерских нет. Нам надо подыскать себе попутчиков.

— А что, если они выдадут нас? Он испугался:

— Нет, этого не должно быть, если нам удастся найти честных людей. Следите за своими мыслями. Я же говорил вам, что мы должны создавать вокруг себя положительное поле. Это очень важно! — Инь совсем было собрался выйти из джипа, но затем остановился. — Знаете, а ведь вам удастся это куда лучше, чем мне. Иначе у нас просто нет шансов. Сосредоточьте свое молитвенное поле на ртэн брель.

На мгновение я замер.

— На ртэн брель? А что это такое?

— Так по-тибетски называется синхронистичность. Вы должны расположить свое поле так, чтобы настроиться на процесс синхронистичности и актуализовать интуиции, совпадения и прочее, которые могут помочь нам.

Окинув взглядом здание, Инь решительно вышел из джипа, сделав мне знак рукой, чтобы я подождал его.

Я прождал его, наверное, больше часа, поглядывая на тибетцев, проходивших мимо нашего джипа. Случайно я заметил человека, похожего на индуса или,

возможно, европейца. На какой-то миг мне даже показалось, что вдали на улице прошел тот самый голландец, которого мы видели у китайского блокпоста. Я изо всех сил напряг глаза, но полной уверенности, что это он, не было.

«Куда же запропастился Инь? — удивлялся я. — Не хватало мне только очутиться здесь в полном одиночестве». Я представил себе, как мне придется петлять по улочкам этого городишки, понятия не имея, куда держать путь. Что же мне делать?

Наконец я увидел Иня, выходящего из какого-то домика. На мгновение он помедлил, внимательно оглядевшись по сторонам, а затем быстрым шагом направился к джипу.

— Я нашел тут двоих. Это мои знакомые, — проговорил он, садясь за руль. — Я думаю, они поедут с нами. — Он старался говорить уверенно, но тембр его голоса показывал, что он и сам

сомневается в этом.

Инь завел мотор, и мы поехали. Минут через пять мы проехали мимо крошечного ресторанчика, обитого рифленой жестью. Инь остановил джип примерно в двухстах футах от ресторана, стараясь спрятать машину за огромными нефтяными цистернами. Мы находились на окраине городка. На улице было почти безлюдно. Войдя в ресторанчик, мы оказались в комнатке с шестью шаткими столиками. Узкая, добела вычищенная стойка отделяла ее от кухни, где несколько женщин проворно готовили что-то. Одна из женщин, заметив, что мы сели за столик, направилась к нам.

Инь о чем-то переговорил с ней по-тибетски, и я смог разобрать только слово «суп». Женщина кивнула и обернулась ко мне.

— То же самое, — отвечал я, снимая куртку и вешая ее на спинку стула. — И еще воды.

Инь перевел. Женщина улыбнулась и быстро ушла. Инь поднял на меня серьезные глаза:

— Вы помните, о чем я говорил вам? Вы должны расположить свое поле так, чтобы достичь максимальной синхронистичности.

Я кивнул.

— Но как именно мне расположить поле?

— Первое, что вы должны сделать, — это сосредоточиться на соблюдении Первой ступени. Скажите себе, что энергия заполняет вас и изливается в мир. Затем ощутите это. Добейтесь, чтобы ваше ожидание притока энергии стало постоянным. А затем напряженно ожидайте, чтобы ваше молитвенное поле принесло вам именно те мысли и события, которые способствуют исполнению вами своей миссии. Чтобы расположить это поле вокруг себя, вам необходимо находиться в состоянии осознанной готовности.

— Готовности? К чему?

— К проявлению синхронистичности. Вы должны постоянно пребывать в состоянии непрекращающегося ожидания получения некой таинственной информации, которая поможет вам выполнить вашу миссию. Некая доля синхронистичности может встретиться вам и в обычных условиях, но вы можете активизировать ее, настроив свое поле на постоянное ожидание ее.

Я полез в задний карман брюк за записной книжкой. Хотя я до сих пор почти не пользовался ею, интуиция подсказала мне, что я должен записать все, о чем говорит Инь. И тут я вспомнил, что записная книжка осталась в джипе.

— Машина закрыта, — сказал Инь, протягивая мне ключи. — Только никуда больше не заходите.

Направившись прямо к джипу, я открыл дверцу, достал книжку и совсем было собрался вернуться, но услышал шум машин, подъехавших к ресторанчику. Выглянув из-за цистерн, я решил посмотреть, что там происходит. Прямо напротив ресторана стояли два китайских армейских грузовика. Пять или шесть человек в униформе, выпрыгнув из грузовика, направились в ресторан. Из своего укрытия я мог сквозь окна ресторана видеть все, что в нем происходит. Двое китайцев приказали официантам встать лицом к стене и принялись обыскивать их. Я старался отыскать взглядом Иня, но его не было. Может быть, он успел бежать?

Подъехал новенький «лендровер». Из него вышел долговзый китайский офицер в военной униформе и направился прямо к двери. Это явно был командир. Подойдя к двери, он быстро заглянул в ресторан, затем остановился и опять вышел на улицу, внимательно оглядываясь по сторонам, словно что-то предчувствуя. Когда он посмотрел в мою сторону, я спрятался за цистерной. Сердце у меня так и запрыгало.

Через минуту я рискнул опять взглянуть в сторону ресторана. Китайские солдаты вывели бедных служащих ресторана и приказали им садиться в грузовик. Иня среди них не было.

Офицер что-то сказал своим подчиненным, и один из грузовиков тронулся. Наверное, китаец приказал солдатам обыскать улицу.

Я спрятался за цистернами, едва переводя дух. Я понимал, что если я останусь здесь, то перспектива оказаться у них в плену — дело ближайшего времени. Пытаясь найти выход, я заметил узкий грязный проезд, который вел от цистерн на соседнюю улицу. Вскочив в джип, я включил зажигание и, сделав небольшой разворот по улице, свернул за ближайший поворот. Сидя за рулем, я не имел ни малейшего представления о том, куда я еду. Единственное, чего мне хотелось, — умчаться как можно дальше от этих проклятых солдат.

Через несколько кварталов я повернул налево, в узенький переулок, где виднелись редкие домики. Проехав какую-то сотню ярдов, я оказался за городской чертой. Примерно через милю я свернул с дороги и поставил джип в укромное место между каменными глыбами, каждая из которых была величиной с дом.

«И что же теперь?» — думал я. Я пребывал в полной растерянности, не имея никакого понятия о том, куда мне двигаться дальше. В моем сознании промелькнули вспышки гнева и досады. Инь должен был подготовить меня к такой ситуации. Может быть, он знал в этом городке кого-нибудь, кто мог бы помочь мне. А теперь я просто не видел выхода.

Тем временем над глыбой справа от меня показалась стая ворон. Затем вороны начали кружиться над джипом, громко крича. Я огляделся. Птиц явно что-то встревожило, но я никак не мог понять что. Через несколько минут почти вся стая с громким карканьем улетела на запад. Но одна ворона почему-то осталась на вершине глыбы, молча поглядывая в мою сторону. Это хорошо, подумал я. Пусть она послужит мне сторожем, а я пока посижу и подумаю, как мне быть дальше.

В багажнике джипа я нашел немного сушеных фруктов и орехов, а также сухое печенье. Механически жуя их, я нервно запивал скудную снедь водой из канистры.

Я понимал, что должен найти какой-то выход. Сначала мне пришло в голову, что я должен отправиться на запад, но затем я передумал. Страх угнетающе действовал на меня, и на самом деле мне хотелось только одного: забыть об этом злосчастном путешествии, словно его и не было. Поскорее добраться в Лхасу и сразу же направиться в аэропорт. Я понимал, что какую-то часть пути смогу вспомнить, а на другую мне нужен проводник. Я сомневался, что могу обратиться к кому-нибудь из монастыря ламы Ридждэна или к самому Ханю с просьбой помочь мне выбраться отсюда.

Я задумался о том, что же мне делать, и сердце у меня похолодело от ужаса. Дело в том, что я услышал рокот мотора грузовика, явно приближавшегося ко мне. Вначале я хотел было вскочить в джип и умчаться, но затем понял, что грузовик был слишком близко. Вместо этого я схватил канистру с водой и сумку с провизией и укрылся за ближайшей каменной глыбой, где меня не было видно, а сам я мог видеть все происходящее.

Грузовик замедлил ход. Когда он проехал мимо меня, я увидел, что это тот самый фургон, который уже встречался нам на шоссе. За рулем сидел тот самый светловолосый человек, которого тогда допрашивали китайские солдаты. Рядом с ним сидела какая-то женщина.

Приглядевшись, я увидел, что фургон остановился, а водитель с женщиной о чем-то оживленно заговорили. Я собрался было выйти из укрытия и обратиться к ним, но волна страха остановила меня. А что, если солдаты предупредили их о встрече с нами и велели сообщить, если они нас увидят? Неужели они выдадут меня?

Тем временем женщина, продолжая разговаривать с водителем, приоткрыла дверцу, словно намереваясь вый-

ти. Может быть, они заметили джип? Мысли так и закружились у меня в голове. Я решил, что если водитель с женщиной выйдут и направятся ко мне, я сразу же брошусь наутек. Тогда

они наткнутся на джип, остановятся, и у меня будет время скрыться, прежде чем сюда приедут солдаты.

Решив действовать так, я вновь посмотрел в сторону фургона. Водитель и женщина пристально всматривались в каменные глыбы; на их лицах читалась озабоченность. Затем они переглянулись, словно выжидая чего-то; женщина захлопнула дверцу, и фургон медленно двинулся на запад. Я видел, как он поднялся на перевал слева от меня и скрылся из виду.

Я почувствовал какое-то разочарование. Может быть, они собирались помочь мне, подумал я. Первой моей мыслью было вскочить в джип и догнать их, но я отказался от этой идеи. Лучше не искушать судьбу, решил я. Куда осмотрительнее держаться моего прежнего плана — вернуться в Лхасу и поскорее вылететь в Штаты.

Спустя примерно полчаса я вернулся к джипу и включил мотор. Ворона, все еще сидевшая на валуне, каркнула и полетела над дорогой в ту сторону, куда уехал фургон голландца. Я же повернул в другую сторону и поехал обратно к Чжонгба, петляя по узким проселкам и надеясь объехать стороной главную дорогу, проходившую мимо рестораника. Преодолев еще несколько миль, я поднялся на перевал у вершины холма. Здесь я сбросил газ. Джип медленно преодолел перевал, и передо мной открылась панорама шоссе, тянущегося до самого горизонта.

То, что я увидел впереди, вызвало у меня шок. Там, всего в полумиле отсюда, я заметил армейский блокпост и человек пятнадцать солдат. Мало того, я насчитал четыре огромных грузовика и два джипа, наполненных солдатами. Вся эта армия быстро приближалась ко мне.

Мигом развернувшись, я погнал свой джип в Обратную сторону, надеясь, что китайцы меня не заметили. Я понимал, что самое лучшее для меня — попытаться скрыться от них. Я убедился, что мне надо держать курс на запад, а затем свернуть на юг и далее — на восток. Может быть, мне удастся найти объездные пути и тропинки, по которым я смогу добраться в Лхасу.

Стрелой пронесшись по центральной улице городка и миновав несколько проселков, я направился на юг. Выписав длинную кривую, я убедился, что сбился с дороги. Поэтому мне пришлось вернуться на шоссе. Не успел я затормозить, как в каких-то ста футах перед собой увидел еще один китайский блокпост. Там дежурило множество солдат. Я отчаянно свернул на обочину, изо всех сил давя на тормоза, затем соскользнул с сиденья на пол.

«Ну и что же теперь? — подумал я. — Неужели тюрьма? Но что они могут мне еделать? Уж не считают ли они меня шпионом?»

Через несколько мгновений я заметил, что китайцы никак не реагируют на мое появление, хотя я остановился на обочине и меня было видно издалека. Мимо меня тянулась вереница старых повозок, машин, велосипедистов и пешеходов. Солдаты останавливали их, проверяли документы и пропуска; некоторых они даже обыскивали. Но на меня они не обращали абсолютно никакого внимания.

Взглянув направо, я заметил, что остановился как раз напротив проезда, ведущего к небольшому каменному домику, видневшемуся в нескольких сотнях футов от меня. Слева от домика была лужайка, поросшая некошеной травой, а позади него виднелась какая-то улица.

В этот момент меня обогнал огромный грузовик. Остановившись впереди меня, он закрыл от моих глаз блокпост. Спустя еще мгновение синий «лендровер-тойота», за рулем которого сидел белокурый мужчина, обогнал грузовик. Я услышал громкую речь (говорили по-китайски), затем — крики. Видимо, «лендровер» намеревался подъехать к блокпосту, но солдаты остановили его и окружили. Хотя я не мог видеть происходящего, я слышал, как они громко и сердито говорили что-то по-китайски, а европеец полуиспуганно отвечал им по-английски с заметным голландским акцентом.

— Нет-нет, прошу вас, — сказал он. — Извините, пожалуйста. Я турист. Вот, посмотрите, у меня есть специальное разрешение на проезд по этой дороге.

Подъехал еще один автомобиль. Сердце у меня так и запрыгало. Это был тот самый китайский офицер, которого я совсем недавно видел у ресторана. Когда его машина поравнялась с моим джипом, я пригнулся пониже на сиденье.

— Дайте-ка мне ваши документы! — обратился он к голландцу на безукоризненном английском.

Слушая их разговор, я заметил справа от себя нечто странное и выглянул из окна машины, пытаюсь понять, что же там происходит. Проезд к дому буквально утопал в слабом золотистом сиянии, точно таком же, какое я видел в горах, когда мы с Инем были вынуждены бежать из Лхасы. Да, это дакини.

Мотор джипа был включен, и мне оставалось только свернуть вправо, к этому проезду. Затаив дыхание, я подъехал к домику и, проехав прямо через лужайку, выбрался на соседнюю улицу и повернул налево. Через милью с небольшим я опять повернул влево, удаляясь от городка в северном направлении по шоссе, по которому я уже проезжал. Минут через десять я вернулся к тем же каменным глыбам, не зная, как быть дальше. В этот момент я услышал над дорогой, ведущей на запад, воронье карканье. И я не раздумывая повернул туда, решив ехать до тех пор, пока это окажется возможным.

Дорога шла круто в гору до самого перевала, а затем спускалась в длинную долину, окруженную скалистыми кручами. Проехав несколько часов, я заметил, что начинает смеркаться. Вокруг не было ни машин, ни пешеходов; даже дома по сторонам почти не попадались мне. Еще через полчаса совсем стемнело, и я заметил узкую, мощенную гравием дорогу, вьющуюся справа от меня. Я сбавил газ и огляделся. У обочины дороги мои глаза наткнулись на что-то. Это нечто напоминало одежду.

Остановив джип, я посветил фонариком из окна машины. Это была моя куртка. Та самая, которую я оставил в ресторанчике за минуту до того, как появились китайцы.

Улыбнувшись, я выключил свет. Эту куртку мог принести сюда только Инь. Выйдя из джипа, я забрал куртку, а затем сел за руль и поехал по узкой дороге, не включая фар.

Через каких-то полмили дорога, шедшая под уклон, привела меня к небольшому домику с сараем, стоявшим возле него. Несколько коз подозрительно покосились на меня из-за изгороди. На крыльце домика я заметил мужчину, сидевшего на стуле. Когда я остановил джип, мужчина поднялся. Я сразу же узнал его по фигуре. Да, это был Инь!

Выскочив из джипа, я бросился к Иню. Он обнял меня, широко улыбаясь.

— Рад видеть вас, — проговорил он. — Как видите, я был прав, говоря, что вам помогут.

— Меня едва не схватили, — отвечал я. — А как же тебе удалось спастись?

На его лице вновь появилось выражение нервозности.

— Женщины из ресторана оказались очень сообразительными. Увидев китайских солдат, они спрятали меня в печке. В нее так никто и не заглянул.

— А как ты думаешь, что случилось с этими женщинами? — спросил я.

Он посмотрел мне в глаза и ничего не ответил. Возникла пауза.

— Я не знаю, — отозвался он наконец. — Многие люди дорого заплатили за то, что помогли нам.

Инь осмотрелся и направился к джипу.

— Помогите мне внести провизию в дом. Мы приготовим что-нибудь поесть.

Разведя огонь, Инь рассказал, что после того, как полицейские уехали, он вернулся в дом своих друзей, и они предложили ему спрятаться в этом полузаброшенном домике, пока они не найдут для него машину.

— Я догадывался, что вы потеряете голову от страха и попытаетесь вернуться в Лхасу, — продолжал Инь — Но я понимал, что если вы все же решитесь продолжать путешествие, вы

непрерывно направитесь на северо-запад. А туда ведет только эта дорога. Поэтому я и повесил вашу куртку в надежде, что ее первым заметите вы, а не солдаты...

— Но это же очень рискованно, — проговорил я. Инь кивнул, укладывая овощи в тяжелый котел, до половины наполненный водой, а затем повесил его на крюк над самым огнем. Из-под дна котла вырывались язычки пламени.

Убедившись, что Инь развеял большую часть мучивших меня страхов, и усаживаясь на старый пыльный стул поближе к огню, я сказал:

— Я же говорил, что непременно попытаюсь выбраться отсюда. Мне кажется, это мой единственный шанс остаться в живых.

Затем я рассказал ему обо всем, что случилось со мной с тех пор, как мы расстались; обо всем — за исключением сияния в проезде к дому. Когда же я рассказал Иню о том, как я прятался среди глыб, и о том самом фургоне, он так и плюхнулся на стул.

— А вы уверены, что это тот самый фургон, который мы видели сверху? — растерянно спросил он.

— Да, тот самый, — отвечал я. Инь едва не лишился дара речи.

— И вы видели тех же людей, которых встречали прежде, и не переговорили с ними? — Его лицо исказила гримаса гнева. — Неужели вы забыли? Я ведь рассказывал вам, что видел во сне людей, которые могут помочь нам найти ворота, ведущие в Шамбалу?

— Я не хотел подвергать себя опасности. Они ведь могли выдать меня, — запротестовал я.

— Что? — Инь уставился на меня, а затем, нагнувшись, на несколько мгновений закрыл лицо руками.

— Я был ошеломлен, — отвечал я. — Я просто не мог поверить, что сам ввязался в эту ситуацию. Но я хотел выбраться из нее. Просто хотел спастись.

— Тогда слушайте меня внимательно, — проговорил Инь. — Ваши шансы на то, чтобы немедленно покинуть Тибет и улететь отсюда, прямо скажем, минимальны. И единственная возможность спастись для вас — это постоянно идти вперед и вперед. Действуя так, вы сможете воспользоваться элементами синхронистичности.

Я отвел глаза, сознавая, что Инь, по-видимому, прав.

— Расскажите мне обо всем, что произошло после появления фургона, — попросил Инь. — Обо всех деталях. Даже о мелочах.

Я рассказал ему, что фургон просто остановился и, едва это произошло, я испытал сильный страх. Затем я описал, как вела себя женщина, словно собираясь выйти из машины, но затем передумала, и они вскоре уехали.

Инь вновь покачал головой:

— Вы просто-напросто погубили синхронистичность неверным использованием своего молитвенного поля. Вы настроили свое поле на ожидание страха, и оно не позволило произойти всему остальному.

Я опустил глаза.

— Вспомните о том, что произошло, — продолжал Инь, — когда вы слышали шум приближающегося фургона. Вы оказались перед выбором. Вы могли думать об этом событии как об угрозе или потенциальной помощи для вас. И вы, конечно, обдумали оба эти варианта. Но как только вы взглянули на фургон, вы сразу о чем-то вспомнили. Тот факт, что это оказался тот самый фургон, который мы с вами уже видели на перекрестке, очень показателен, особенно если вспомнить, что эти же люди создали замешательство, позволившее нам ускользнуть незамеченными. С этой точки зрения они уже помогли вам, а теперь вполне могли помочь вам еще раз.

Я хмуро кивнул. Инь был прав. Ясно, что я сам испортил все дело.

Инь, погруженный в свои мысли, посмотрел по сторонам, а затем произнес:

— Вы полностью утратили свою энергетику и положительные ожидания. Помните, что я говорил вам в ресторане? Расположение своего поля для достижения синхронистичности — это способ погружения себя самого в определенное состояние сознания. О синхронистичности очень просто рассуждать на интеллектуальном уровне, но до тех пор, пока вы не достигнете такого состояния сознания, когда ваше молитвенное поле будет активно помогать вам, все ваши поступки будут казаться лишь случайными, не связанными друг с другом совпадениями. В иных ситуациях будет достаточно и этого, и вы сможете продолжать движение вперед, но со временем вы непременно сойдете с пути. Поэтому единственный способ создать постоянный поток синхронистичности — это достичь состояния, когда ваше молитвенное поле как бы направляет этот поток в вашу сторону. Такое состояние и называют состоянием осознанной готовности.

— Но я не совсем понимаю, как можно достичь такого состояния.

— Для этого необходимо остановиться и напомнить себе о необходимости пребывать в постоянной готовности. Затем надо представить себе, как в вас втекает энергия, приносящая и интуицию, и оправданные подозрения, и реальные события. Вы должны быть постоянно готовы к тому, что они могут произойти в любую минуту. Мы располагаем свои молитвенные поля так, чтобы они приносили нам факторы синхронистичности, всегда пребывая настороже, в постоянном ожидании следующего события. Всякий раз, когда вы забываете об этой постоянной готовности к исполнению ожиданий, вы должны сознавать это и вспоминать о ней.

Чем глубже вы входите в такое состояние сознания, тем активнее ваш контакт с синхронистичностью. Со временем, по мере повышения вашей энергетики, состояние осознанной готовности станет главной чертой вашего отношения к жизни. Легенды утверждают, что такое расширение молитвенного поля становится нашей второй натурой. По утрам мы будем устанавливать свое поле, и это станет для нас привычным, точно так же как привычка одеваться. Итак, вам следует стремиться достичь именно этого состояния сознания, при котором вы пребываете в постоянном ожидании.

Инь сделал паузу и пристально взглянул на меня.

— Когда вы услышали шум грузовика, приближающегося к вам, вас сразу же охватил страх. Уловив его вибрации, водитель фургона интуитивно почувствовал, что он должен остановить машину у каменных глыб, хотя он, вероятно, и сам не понимал зачем. Но когда вас охватил страх и вы подумали, что водитель и его спутница — люди опасные, ваше поле исказилось и повлияло на них, вызвав деформацию их полей и ощущение, что здесь что-то неладно. Они испытали замешательство, а затем решили уехать.

Его слова казались совершенно фантастическими, но я почувствовал, что в них немало правды.

— Расскажи-ка мне поподробнее о том, как наши поля воздействуют на других людей, — попросил я.

В ответ Инь только покачал головой: — Вы слишком торопитесь и забегаете вперед. Влияние наших полей на других людей — это уже тема Третьей ступени развития. Поэтому теперь вам лучше сосредоточиться на ориентации поля для повышения синхронистичности и не забивать голову разными опасными мыслями. Вы и так склонны всегда ожидать худшего. Вспомните, что было, когда мы направлялись в монастырь ламы Ридждэна и я ненадолго оставил вас. Вы увидели группу беженцев, которые вполне могли указать вам дорогу в монастырь ламы, стоило вам только поговорить с ними. Но вместо этого вы почему-то решили, что общаться с ними опасно, и упустили возможность, предоставленную синхронистичностью. Такой негативный образ мыслей постоянно мешает вам.

Я ощущал сильную усталость. Он улыбнулся и не стал больше перечислять моих ошибок.

Большую часть вечера мы провели в разговорах о Тибете, а когда наступила ночь, вышли полюбоваться звездами. Небо было безоблачным, и температура явно опустилась ниже нуля. Над нами сияли удивительно яркие звезды, которых я никогда еще не видел. Я сказал Иню об этом.

— Разумеется, они кажутся огромными, — отозвался он. — Вы ведь стоите на крыше мира.

Следующим утром я проснулся рано и решил выполнить вместе с Инем несколько упражнений в стиле тай-цзи. Затем мы довольно долго ждали друзей Иня, но никто из них так и не пришел. Поняв, что у нас нет другого выбора, кроме как рискнуть отправиться в путешествие на одной-единственной машине, мы перенесли в джип поклажу и в полдень отправились в путь.

— Что-то должно случиться, — проговорил Инь. Он старался казаться бодрым, но я заметил, что он чем-то взволнован.

Мы направлялись в сторону шоссе, и нам пришлось пробираться сквозь пелену густого, непроглядного тумана, который тянулся до горизонта и не позволял нам полюбоваться горами.

— В такой пелене китайцам будет нелегко заметить нас, — проговорил Инь.

— Ну и отлично, — отозвался я.

Я буквально недоумевал, откуда китайцы могли узнать, что мы зашли в ресторанчик в Чжонгба, и спросил Иня, что он об этом думает.

— Я считаю, что это моя вина, — отвечал он. — Я ведь уже говорил вам, как я ненавижу и в то же время боюсь их. И я просто уверен, что мое молитвенное поле послало мне то, о чем я невольно просил.

Я в упор посмотрел на него. Нет, это уж слишком!

— Ты хочешь сказать, — спросил я, — что из-за того, что мы опасались китайцев, наша энергетика упала и некая сила привела китайцев к нам?!

— Нет, дело здесь не только в страхе. Страх — дело привычное для всех. Я имел в виду нечто иное. Дело в том, что я рисовал в своем воображении ужасные картины того, что с нами может случиться, если мы попадем в руки китайцев. Я уже мог убедиться, как они действуют на Тибете, и хорошо знаком с их методами. Мне известно, как они подавляют и ломают личность, применяя запугивание. И я по собственной воле впустил в свое сознание эти образы и видения, не сделав ничего, чтобы воспротивиться им.

Я должен был поймать себя на этой мысли и сказать себе, что китайцы не настроены так агрессивно против

нас, а затем сохранять убеждение в этом. Мой страх носил более общий характер. Я бессознательно представил себе, что они могут схватить нас, и сосредоточил на этом свои ожидания. В этом все дело. Если в вашем сознании слишком долго живет негативный образ, он может стать реальностью.

Меня просто ошеломила эта мысль. Неужели это правда? Я и сам уже давно замечал, что с людьми, которые упорно опасаются чего-либо — например, ограбления своего дома, возможности заболеть определенной болезнью или потерять возлюбленного, — именно эти события чаще всего и случаются. Неужели Инь описывал именно такой случай?

Тут я вспомнил один жуткий образ, возникший в моем воображении в Чжонгба, когда Инь отправился на поиски попутчиков, которые согласились бы поехать с нами. Я представил себе, что я, брошенный всеми, сижу за рулем джипа, мчащегося по пустынной местности. Все это в точности и сбылось впоследствии. У меня по коже так и забегали мурашки. Я совершил ту же ошибку, что и Инь.

— Ты хочешь сказать, что все происходящее с нами в негативном плане — всего лишь результат наших собственных мыслей? — спросил я.

Инь вздрогнул.

— Да нет, разумеется. В процессе естественного течения жизни с людьми происходит

множество событий. И в этом определенную роль играют их действия и ожидания. Но дело в том, что мы, сознавая это или нет, оказываем на будущее некое творческое воздействие. И вот, проснувшись однажды, мы вдруг понимаем, что с точки зрения молитвенной энергии ожидание есть именно ожидание, независимо от того, основано оно на страхе или на вере. В данном случае я проявил недостаточное внимание к себе. Говорю вам, что причиной случившегося была моя ненависть к китайцам. Он повернулся ко мне, и наши взгляды встретились.

— Помните, я уже говорил вам, — добавил он, — что на этих высоких уровнях энергетики влияние молитвенного поля проявляется очень быстро. Там, в нашем земном мире, люди живут причудливой смесью страхов и удач, которые сводят на нет влияние друг друга, и результат обычно очень слаб. Но на высоких уровнях мы можем очень быстро влиять на происходящее, даже несмотря на то что образы страха иной раз искажают силу нашего поля.

Ключ к успеху — умение сосредоточить внимание на положительных сторонах вашей жизни, а не на испуганном ожидании неудач. Вот почему столь важна Вторая ступень. Если мы уверены, что сможем пребывать в состоянии осознанной готовности, способствующем проявлению факторов синхронистичности, наше сознание сможет сконцентрироваться на положительных аспектах, отбросив страхи и сомнения. Вы понимаете, что я имею в виду?

В ответ я лишь кивнул, не проронив ни слова. Инь опять сосредоточил все внимание на дороге. — Теперь мы должны использовать эту силу как подобает. Старайтесь соблюдать предельную готовность. В этом тумане мы легко можем не заметить фургон, но мы не хотим проглядеть его. Вы уверены, что они направились именно в эту сторону?

— Да, абсолютно, — отвечал я.

— В таком случае если они, как и мы, останавливались на ночь, они не могли уехать слишком далеко.

Все утро мы мчались по шоссе, держа курс на северо-запад. Но сколько я ни пытался, мне не удавалось достичь состояния осознанной готовности, о котором говорил Инь. Видимо, здесь что-то не так. Заметив мое беспокойство, Инь наконец не выдержал и сказал:

— Уверены ли вы, что действительно ожидаете проявлений синхронистичности?

— Да, — отвечал я. — Мне так кажется. Инь слетка вздрогнул.

Я понял, что он имеет в виду. Странствуя в Перу, а впоследствии в Аппалачах в поисках Десятого пророчества, я сталкивался с процессом синхронистичности. Перед каждым из нас в определенный момент возникают главные вопросы о сущности жизни, а иногда мы сами задаем их, оказавшись в некой жизненной ситуации. В нашем случае вопрос заключался в том, как нам найти фургон того голландца, а потом встретиться с Уилом и отыскать врата Шамбалы.

В идеале после того, как мы осознаем главный вопрос своей жизни, в поисках ответа на него мы можем полагаться на водительство свыше или на интуицию. Мы можем создавать некие ментальные образы, которые будут указывать нам путь, толкать на определенные действия, кажущиеся порой весьма странными. И вновь, опять же в идеале, если мы будем следовать интуиции, произойдут некие совпадения, которые дадут нам информацию, служащую ответом на наш вопрос. Так синхронистичность ведет нас дальше и дальше по дороге жизни... и, в свою очередь, ставит перед нами новый вопрос.

— А что говорят об этом легенды? — спросил я.

— Они говорят, — отвечал Инь, — что люди со временем поймут, что сила их молитв способна оказывать большое влияние на ход их жизни. Научившись пользоваться ожиданием, мы можем придать процессу синхронистичности более регулярный характер. Но мы должны проявлять осознанную готовность по отношению ко всему процессу, начиная с ближайшего проявления интуиции. Кстати, вы умеете осознанно ожидать проявления интуиции?

— У меня пока что это не получается, — отвечал я.

— Но вам удалось дожидаться хотя бы одного ее случая? — настаивал Инь.

— Даже не знаю. По правде сказать, я не слишком часто задумывался об интуиции.

Инь кивнул.

— Вы должны помнить о том, что это составная часть ориентации вашего молитвенного поля для достижения синхронистичности. Вы обязаны проявлять готовность и ожидать совершения всего процесса в целом. Я имею в виду вопрос, обретение интуиции и следование ей, а затем — поиск совпадений. Помните, что вы должны быть готовы ко всему, ожидать всего, и если вы действительно будете поступать так, ваша энергетика повысится и направит в вашу сторону поток совпадений. — Он выразительно улыбнулся мне, чтобы поднять мое настроение.

Я сделал несколько глубоких вдохов, чувствуя, как энергия начинает возвращаться. Инь опять оказался прав. Моя готовность заметно обострилась.

Теперь уже я улыбнулся ему. Я впервые задумался о том, кто же такой Инь на самом деле. Временами он испытывал такой же страх, как и я, часто бывал слишком безучастным, но он всем сердцем отдал себя путешествию, и больше всего на свете он хотел достичь намеченной цели. Размышляя обо всем этом, я задремал и увидел сон. Мы с Инем идем по каменистым песчаным дюнам, где-то неподалеку от реки. Вдали мы видим какой-то свет, похожий на свет костра того самого лагеря, куда мы хотим попасть во что бы то ни стало. Инь идет первым, я с радостью следую за ним.

В этот момент я вздрогнул. Инь смерил меня строгим ВЗГЛЯДОМ;

И я сразу понял, что произошло.

— Я немного задремал, — проговорил я. — Мне представилось, что мы с тобой направляемся прямо к лагерному костру. Как ты думаешь, что бы это могло значить?

— Это можете понять только вы, — отозвался он.

— Мне никак не удастся. Как же мне понять его значение?

— Если ваш сон был проявлением интуиции, значит, с нами во время поисков фургона должно что-то случиться. А кто сидел у костра? Каковы ваши ощущения?

— Я не помню. Кто-то незнакомый. Но мы очень медленно продвигались к лагерю. Кстати, а здесь есть поблизости песчаные дюны?

Инь резко свернул с дороги и остановил джип на обочине. Туман начинал медленно подниматься.

— Здесь на добрую сотню миль повсюду лишь камни да песок, — отозвался он.

Я пожал плечами.

— А как насчет реки? Нет ли здесь поблизости какой-нибудь речки?

Инь сощурил глаза.

— Да, есть, в окрестностях ближайшего города, Парианга. Примерно милях в полутора отсюда.

Он немного помолчал, а затем широко улыбнулся.

— Мы должны быть готовыми ко всему, — произнес он. — Это наш единственный провожатый.

Дорога шла по живописной местности, и когда мы приехали в Парианг, солнце уже садилось. Мы проехали через этот тихий городок, преодолели еще миль пятнадцать, и Инь свернул с шоссе на каменистый проселок. Было уже почти совсем темно, но в полумиле прямо перед собой мы заметили реку.

— Впереди на шоссе блокпост, — пояснил Инь. — Нам лучше миновать его стороной.

Подъехав к реке, мы заметили, что дорога стала совсем узкой и на ней то и дело встречались рывины.

— Да что там такое? — воскликнул Инь, остановил машину и выскочил из кабины.

Впереди, справа от нас, среди скал и валунов едва виднелись очертания какой-то машины. Чтобы лучше разглядеть ее, я опустил стекло в окне.

— Нет, это не фургон, — сказал Инь. — Это синий «лендровер».

Я изо всех сил напряг зрение.

— Подожди минутку, — отозвался я. — Эту машину я видел у ресторана, где мы с тобой расстались.

Инь выключил фары, и нас со всех сторон окутала тьма.

— Давайте подведем чуть поближе, — произнес он, и джип, преодолевая глубокие ухабы, проехал еще несколько сот футов.

— Смотри-ка! — воскликнул я, указывая рукой налево. Там, посреди скал, стоял наш знакомый фургон. Вокруг не было ни души.

Я уже совсем, было собрался выйти из джипа, как вдруг Инь резко прибавил газу и поставил джип футов в трехстах к востоку от фургона.

— Машину нам лучше спрятать, — пояснил он, оглядываясь по сторонам, как только мы вышли из джипа.

Вернувшись к фургону, мы оглядели все вокруг.

— Следы ведут в этом направлении, — проговорил Инь, указывая жестом на юг. — Пойдемте посмотрим.

Я пошел следом за ним. Нам пришлось пробираться между большими валунами, а наши ноги вязли в песке. Почти полная луна освещала нам путь. Минут через десять Инь обернулся ко мне и понюхал воздух. Я тоже ощутил знакомый запах: пахло костром.

Пройдя в темноте еще ярдов пятьдесят, мы увидели костер. Возле него, скорчившись, сидели мужчина и женщина. Да, это была та самая голландская чета, которую я видел в фургоне. За их спиной виднелась река.

— И что же нам теперь делать? — прошептал я.

— Для начала мы должны представиться, — отвечал Инь. — У вас это получится лучше, вас они не так испугаются.

— Но мы же не знаем, кто они, — уклончиво проговорил я.

, — Ступайте и представьтесь им. Скажите, что мы приехали.

Я еще раз взглянул на голландцев. Они были в дорожных костюмах и плотных хлопковых куртках. По виду они смахивали на туристов, путешествующих по Тибету.

— Привет, — громким голосом произнес я. — Мы Очень рады вас видеть.

Инь подозрительно покосился на меня.

Голландцы мигом вскочили на нош и уставились на меня, а я тем временем вышел из тьмы к костру. Широко улыбаясь, я произнес:

— Нам нужна ваша помощь.

Следом за мной Инь тоже приблизился к костру и сказал:

— Просим извинения, что напугали вас. Мы ищем нашего друга Уилсона Джеймса. Может быть, вы поможете нам найти его?

Голландцы по-прежнему пребывали в шоке, не в силах поверить, что мы смогли разыскать их лагерь. Затем женщина понемногу пришла в себя, поняв, что мы не причиним им никакого вреда, и предложила нам сесть поближе к огню.

— Нет, с Уилсоном Джеймсом мы не знакомы, — отвечала женщина. — А вот человек, которого мы встретили здесь этой ночью, наверняка знает его. Я слышала, как он упоминал это имя.

Ее спутник кивнул. Он заметно нервничал.

— Надеюсь, Якоб сумеет найти нас. Он будет здесь через час, — проговорил он.

Я хотел было сказать ему, что неподалеку отсюда мы видели «лендровер», стоявший возле скалы, но заметил, что выражение лица мужчины резко изменилось. Он казался насмерть перепуганным. Его глаза так и уставились в какую-то точку за моей спиной. Я быстро обернулся. Позади нас, недалеко от наших машин, как из-под земли показались сразу несколько машин с включенными фарами. Мы слышали десятка полтора голосов, разговаривавших по-китайски. Вся эта армада быстро приближалась к нам.

Голландец мигом подскочил к костру и затоптал его. Схватив свои сумки, он вместе со спутницей бросился прочь от костра.

— Пошли скорее, — позвал меня Инь, — может быть, мы их нагоним.

Но через какую-то пару минут голландцы исчезли в темноте. Иню пришлось вернуться. Огни машин быстро приближались, и мы спустились к самой реке.

— Мне кажется, я еще успею добежать до джипа; — прошептал Инь. — Если нам повезет, солдаты могут просто не заметить его. Вы же ступайте на север, вверх по реке, и ждите меня примерно в миле отсюда. Вы найдете там другую дорогу, идущую вдоль самой реки. Будьте настороже: я обязательно подам вам знак.

— А почему мы не можем пойти вместе? — удивленно спросил я.

— Потому что это слишком опасно. Поодиночке мы еще сможем как-нибудь проскользнуть, но вдвоем нас наверняка заметят.

Я неохотно согласился и начал пробираться между каменных глыб и груд щебня, залитых лунным светом, и включая карманный фонарик лишь тогда, когда я буквально ничего не видел. Я понимал, что план Иня граничит с безумием, но он действительно был нашим единственным шансом на спасение. По пути я с ужасом думал о том, что могло бы нас ждать, если бы мы проболтали с голландской парочкой чуть дольше или встретили кого-нибудь другого. Минут через десять напряженного пути я присел отдохнуть. Я порядком продрог и устал.

В этот момент я услышал позади себя странный шорох. Я прислушался. Впереди меня явно кто-то шел. Это могли быть голландцы, подумал я. Я медленно пошел вперед, как вдруг услышал слабые голоса. Впереди, футах в двадцати от меня, я увидел силуэт какого-то человека, мужчины. Было ясно, что я должен заговорить с ним, иначе я рискую упустить его.

— Вы голландец? — спросил я его, думая, что это тот самый человек, которого поджидала наша знакомая голландская парочка.

Он вздрогнул и ничего не ответил. Мне пришлось повторить вопрос. Он действительно звучал странно, но я подумал, что должен рискнуть.

— Кто вы? — услышал я ответ.

— Я — американец, — отозвался я. — Я недавно видел ваших друзей.

Обернувшись, незнакомец взглянул на меня, а я тем временем пробирался между камнями поближе к нему. Он был совсем молод, лет этак двадцати пяти, и выглядел сильно перепуганным.

— Где же вы видели моих друзей? — спросил он растерянным голосом.

Когда наши взгляды встретились, я понял, как сильно он перепуган. Волна страха пробежала по моему телу, и мне пришлось собраться, чтобы сохранить свою энергетику.

— Там, ниже по реке, — отозвался я. — Они говорили нам, что давно поджидают вас.

— А китайцев вы там не видели? — спросил он.

— Видели, но я надеюсь, что вашим друзьям удалось скрыться.

Мои слова еще больше перепугали его.

— Ваши друзья сказали нам, — быстро произнес я, — что вы знакомы с человеком, которого я ищу. Его зовут Уилсон Джеймс.

Он вздрогнул и отвернулся.

— Я хочу побыстрее убраться отсюда, — проговорил он наконец, собираясь уйти.

— Знаете, а я уже встречал вас, — продолжал я. — Китайцы остановили вас на блокпосту в Чжонгба.

— Да, это правда, — отвечал он. — Значит, вы тоже были там?

— Мой джип стоял чуть позади вашей машины. А вас тем временем допрашивал китайский офицер.

— Так оно и было, — отозвался он, нервно поглядывая по сторонам.

— Так как же насчет Уила? — опять спросил я, стараясь сохранять спокойствие. — Я имею в виду Уилсона Джеймса. Вы знакомы с ним? Он вам ничего не говорил о воротах?

Молодой незнакомец ничего не ответил. В его глазах сверкнул страх. Повернувшись, он бросился бежать по камням, направляясь вверх по течению. Я попытался было догнать его, но он вскоре исчез в темноте. Тогда я остановился и посмотрел в ту сторону, где стояли фургон и джип. Увы, я заметил вспышки фар и услышал возбужденные голоса.

Повернувшись, я направился к северу, с досадой понимая, что сам упустил свой шанс. Я так и не получил от незнакомца никакой информации. Но я старался не думать об этой неудаче. Куда важнее сейчас было отыскать Иня и постараться поскорее уехать отсюда. Скоро я выбрался на старую дорогу, а через несколько минут услышал знакомый рокот мотора нашего джипа.

5

ПЕРЕДАЧА НОВОГО СОЗНАНИЯ

Бросившись к джипу, я из последних сил вскочил в него. Чувствуя себя совершенно измотанным, я удивлялся, что Иню еще хватает сил управлять машиной. Я понял, что нам здорово повезло. Как Инь и предполагал, китайские солдаты были дезорганизованы и проводили обыск не слишком внимательно. Они оставили одного часового возле фургона голландцев, а весь остальной взвод со спокойным сердцем отправился в противоположную сторону, попросту не заметив наш джип. Иню удалось запустить мотор без особого шума, а затем незамеченным добраться до условленного места и забрать меня.

Даже сейчас Инь вел джип, не включая фар и напряженно глядя через лобовое стекло на петлявшую в темноте дорогу.

Через несколько мгновений он взглянул на меня.

— А тот молодой голландец, которого вы видели, ничего не сказал вам?

— Ничего, — отозвался я. — Он был слишком напуган и вскоре куда-то убежал.

Инь огорченно покачал головой:

— Это моя ошибка. Ведь это я рассказал вам о следующей, Третьей, ступени развития молитвенного поля. Вы должны были проявить больше внимания и активности в получении информации.

Я начал было расспрашивать его, что он имеет в виду, но Инь только махнул рукой.

— Помните, где вы находитесь, — наставительно произнес он. — Вы уже познакомились с Первой ступенью и должны уметь восстанавливать связь с энергией и пропускать ее поток сквозь себя, мысленно представляя себе, как вокруг вас образуется энергетическое поле. Вторая ступень, как я уже говорил, учит располагать свое энергетическое поле таким образом, чтобы оно влияло на течение жизни. Достичь этого можно благодаря постоянной готовности и ожиданию.

Третья ступень — это умение ориентировать свое молитвенное поле таким образом, чтобы способствовать повышению энергетики и уровня вибрации других. Когда ваше молитвенное поле соприкасается с полем других людей, они ощущают прилив духовной энергии, ясность, проявление интуиции, и благодаря этому повышается вероятность того, что они сообщат вам

нужную информацию.

Я сразу понял, что конкретно он имеет в виду. В Перу под руководством Уила и отца Санчеса я уже научился посылать энергию другим людям как знак нового этического отношения к окружающим. И вот теперь Инь объяснил мне, как сделать это с большей эффективностью.

— Я понял, что ты хочешь этим сказать, — отозвался я. — Я уже изучал подобные вещи и знаю, что существует более высокий уровень личного Я, присущий каждому человеку. И если мы обращаемся к такому высшему Я, наша энергия помогает человеку, с которым мы общаемся, достичь более высокого самосознания.

— Верно, — отвечал Инь, — но это эффективно лишь в том случае, если умеешь развивать свое молитвенное поле именно так, как говорится в легендах. Мы можем предполагать, что наше молитвенное поле распространяется далеко впереди нас и еще издали повышает уровень вибраций других людей, задолго до того как мы встретимся с ними лицом к лицу. Я вопросительно взглянул на него.

— Давайте посмотрим на это с другой стороны. Если вы хорошо усвоили Первую ступень, энергия будет втекать в вас и вы увидите мир как бы заново — сияющим, многоцветным, сказочно прекрасным, словно волшебный лес или дивный мираж в пустыне. Теперь же для освоения Третьей ступени вы должны мысленно представить себе, как ваша энергия перетекает в энергетические поля окружающих, повышая уровень их вибраций, чтобы и они тоже смогли увидеть мир таким, каков он на самом деле. Достигнув этого, они могут снизить уровень своих вибраций и ощутить синхронистичность. Когда мы расположим свои поля таким образом, нам будет легче замечать на лицах окружающих выражения высшего Я.

Сделав небольшую паузу, Инь обернулся ко мне: у него возникла новая мысль.

— Не забывайте о том, — продолжал он, — что существует немало ловушек, которые вам необходимо избежать, если вы стремитесь повысить уровень окружающих. Лицо человека может напоминать что угодно, ну... скажем... чернильную кляксу. Вы сами убедитесь в этом. Так, вы можете вспомнить выражение гнева на лице вашего строгого отца, выражение одиночества на лице покинутой всеми матери или лицо человека, угрожающего вам. Все это проекции из вашего прошлого, восприятия, созданные конфликтной ситуацией и окрашенные в тона ваших собственных ожиданий. И когда вы видите человека, хоть чем-то напоминающего лицо, доставившее вам неприятность, вы склонны ожидать, что и этот человек поступит с вами точно так же.

Это очень важная проблема; ее необходимо понимать и действовать с учетом этого. Мы все должны преодолеть предрассудки и ожидания, продиктованные нашим собственным опытом. Вы меня понимаете? Я кивнул, ожидая, что же он скажет дальше. — Так вот, мысленно вернитесь к тому, что произошло с вами в отеле в Катманду. Давайте повнимательнее проанализируем тот эпизод. Не показалось ли вам, что тот темноволосый мужчина у бассейна смог быстро повлиять на настроение всех окружающих?

Я опять кивнул, задумавшись над тем эпизодом. Все именно так и было. Незнакомец явно изменил настроение посетителей, отдыхавших у бассейна, задолго до того как произнес первое слово.

— Это произошло потому, что его энергия активно проникала в энергетические поля окружающих, придавая им положительный импульс. Попробуйте-ка вспомнить свои ощущения в тот момент.

Я попытался воскресить в памяти тот эпизод и наконец сказал:

— Насколько я помню, все присутствующие от состояния возбуждения и разобщенности перешли к состоянию большей открытости и даже общительности. Это довольно трудно объяснить.

— Энергия этого человека сделала вас более открытыми к познанию нового, — продолжал Инь, — позволив преодолеть замкнутость, отчаяние и прочие негативные чувства, которые испытывали окружающие.

Внезапно прервавшись, Инь пристально посмотрел на меня.

— Да, конечно, — продолжал он, — все могло сложиться совершенно иначе. Если бы незнакомец обладал недостаточно сильным энергетическим полем, то, оказавшись возле бассейна, он был бы просто ошеломлен низким уровнем энергетики окружающих, и его собственная энергетика могла мгновенно снизиться до общего уровня. Именно это и произошло с вами, когда вы беседовали с молодым голландцем. Он был насмерть перепуган, и его страх передался вам. Вы уступили ему.

Видите ли, наши энергетические поля могут интенсивно смешиваться друг с другом, и наиболее сильное всегда будет преобладать. Такова динамика бессознательного, характерная для мира людей. Уровень нашей энергетики, наши преобладающие ожидания, независимо от того, каковы они, обязательно проявляются и воздействуют на настроение и состояние окружающих. Уровень сознания окружающих и обусловленные им ожидания, образно говоря, заразительны.

Это явление во многом объясняет великую тайну поведения толпы и то, почему нормальные люди под влиянием меньшинства, обуреваемого страхом или гневом, позволяют вовлечь себя во всевозможные бесчинства, мятежи и прочие безрассудные поступки. Это объясняет также принцип действия гипноза и то, почему кино, видео и телевидение оказывают столь мощное влияние на людей со слабым интеллектом. Молитвенное поле каждого человека на Земле взаимодействует с полями других, определяя нормы и законы общественной морали, национальный менталитет и межэтническую вражду, проявления которой мы встречаем на каждом шагу. — Инь улыбнулся. — Настоящая культура заразительна. Достаточно побывать в другой стране, чтобы убедиться, что люди не только по-разному мыслят, но и по-разному воспринимают происходящее в соответствии со своими взглядами и привычками.

Такова реальность, которую мы должны учитывать, с которой вынуждены считаться. Мы должны помнить о необходимости сознательного использования Третьей ступени. Общаясь с людьми и заметив, что мы воспринимаем их настрой, обусловленный чужими негативными ожиданиями, мы должны расстаться с ними, пополнить свое энергетическое поле и позволить энергии изливаться из нас, чтобы повысить общий тонус. Если бы вам удалось сделать это по отношению к молодому голландцу, вы наверняка смогли бы узнать что-нибудь об Уиле.

Я был поражен. Инь, оказывается, блестяще владеет информацией и может мастерски излагать ее.

— Инь, да ты настоящий учитель. В ответ Инь чуть усмехнулся.

— Одно дело — знать, как поступать, — отозвался он, — и совсем другое — быть способным действовать как подобает.

Наверное, я задремал и проспал несколько часов, потому что когда я пришел в себя, солнце уже взошло и наш джип стоял на плоской обочине рядом с дорогой. Потянувшись, я опять свернулся калачиком на сиденье. Несколько минут я разглядывал каменные глыбы в стороне от дороги, которые скрывали наш джип от посторонних глаз. Мимо нас на коне, запряженном в небольшую повозку, проскакал кочевник, и дорога вновь стала пустынной. Небо было кристально чистым. В этот момент мой слух внезапно уловил крик какой-то птицы. Я перевел дух. Слава Богу, тревоги и страхи минувшего дня остались позади.

Инь тоже зашевелился, открыл глаза и сел, с улыбкой поглядывая на меня. Выйдя из джипа, он сладко потянулся, достал из багажника походную печку и поставил на нее котелок с водой, чтобы приготовить овсянку и чай. Я присоединился к нему, опять пытаюсь повторить комплекс

сложных упражнений тай-цзи.

За нашей спиной мы слышали шум машины, мчавшейся по шоссе. Спрятавшись за камнями, мы проводили взглядом «лендрровер». Мы сразу же узнали его.

— О, да это молодой голландец, — сказал Инь, бросившись к джипу.

Я быстро схватил походную печку, бросил ее в багажник и вскочил в джип, пока Инь разворачивал его.

— Если мы догоним его на такой скорости, считайте, что нам здорово повезло, — проговорил Инь, прибавляя газу.

Поднявшись на небольшой холмик, мы спустились в узкую долину и наконец заметили вдаль машину, мчавшуюся по дороге в нескольких сотнях ярдов впереди нас.

— Мы должны догнать его с помощью энергии нашего молитвенного поля, — уверенно сказал Инь.

Я сделал глубокий вдох, мысленно представив, как переполняющая меня энергия изливается на дорогу, догоняет «лендрровер» и прикасается к молодому голландцу. Я представил, как он сбрасывает ход и останавливается на обочине.

Но как только я представил все это, «лендрровер» почему-то резко увеличил скорость и оторвался от нас. Я был в замешательстве.

— Что вы сделали? — спросил Инь, полуобернувшись ко мне.

— Я использовал свое энергетическое поле, чтобы заставить его остановиться.

— Ни в коем случае не используйте свою энергию таким образом! — быстро проговорил Инь. — Это всегда дает противоположный результат.

Я растерянно посмотрел на него.

— Как вы поступаете, — спросил Инь, — когда кто-то пытается манипулировать вами и заставить вас что-нибудь сделать?

— Я сопротивляюсь, — отвечал я.

— Правильно, — продолжал Инь. — Вот и голландец на бессознательном уровне мог почувствовать, что вы хотите приказать ему остановиться. Он почувствовал, что им манипулируют, и у него возникло ощущение, что от тех, кто стремится догнать его, добра ждать не приходится. Это еще больше усилило его страх и вызвало желание убраться подальше от нас.

Все, что в наших силах, — это мысленно представить, как наша энергия изливается, и повысить общий уровень его вибраций. Это позволит ему полностью избавиться от чувства страха и довериться интуиции, продиктованной ему его высшим Я, которая, хотелось бы надеяться, подскажет ему, что нас незачем бояться, и он, возможно, вступит в контакт с нами. И все это мы можем сделать благодаря одной лишь молитвенной энергии. Чтобы добиться большего, необходимо исходить из того, что нам известна его истинная миссия и что он сознает это. Возможно, его высшая интуиция — мы ведь посылаем ему достаточно энергии — подскажет ему, что ему лучше избавиться от нас и вообще покинуть страну. Мы должны быть открытыми ко всему. Все, что в наших силах, — это помочь ему принимать решения, опираясь на максимально высокий уровень энергетики.

Мы тоже прибавили газу, но синего «лендрровера» по-прежнему нигде не было видно. Инь сбавил скорость. Справа от нас показалась неширокая дорога, уходившая в сторону.

— Туда, туда! — воскликнул я, указывая рукой.

В сотне ярдов от нас, у подножия небольшого холма, виднелась широкая, но мелкая река. Посередине ее стоял «лендрровер» голландца. Колеса машины отчаянно вращались, выбрасывая со дна ил, но сама машина не двигалась с места. Было ясно, что она застряла.

Увидев нас, молодой голландец распахнул дверцу «лендрровера» и собрался было броситься наутек. Но когда он узнал меня, он выключил мотор, спрыгнул с подножки и по колено в воде

побрел к берегу.

Когда мы подъехали к реке, Инь пристально посмотрел на меня, и, судя по выражению его лица, я понял, что он напоминает мне, чтобы я воспользовался своей энергией. Я кивнул ему в ответ.

— Мы можем помочь вам, — обратился я к голландцу.

Его глаза на мгновение подозрительно прищурились, но затем их взгляд заметно потеплел, когда мы с Инем, упершись в бампер «лендровера», изо всех сил толкали его, тогда как сам голландец пытался завести двигатель. Колеса «лендровера» яростно завертелись, обрызгав мои брюки выше колен жидкой грязью, машина качнулась и, выбравшись из ямы, выехала на противоположный берег реки. Мы, отряхнувшись, вернулись в свой джип. Голландец немного замешкался, словно раздумывая, не уехать ли ему на всякий случай, но затем выпрыгнул из машины и направился к нам. Подойдя вплотную к нам, он представился, сказав, что его зовут Якоб.

Во время разговора я пытался уловить на его лице глубокомысленное выражение.

Якоб только качал головой, понемногу преодолевая испуг, а затем минут пять расспрашивал нас, кто мы такие, пытаясь разузнать о своих отсутствующих друзьях.

— Я и сам не знаю, зачем я приехал сюда, на Тибет, — сказал он наконец. — Я ведь всегда считал, что это слишком опасно. Но мои друзья очень хотели, чтобы я отправился вместе с ними. Я и сам не понимаю, как я мог согласиться на это. Боже мой, здесь буквально на каждом шагу китайские солдаты. И откуда они только узнали, что мы отправились сюда?

— А вы не спрашивали дорогу у кого-нибудь из незнакомых? — спросил Инь.

Он встревожился.

— Спрашивал. Вы думаете, что они могли донести об этом солдатам?

Инь кивнул, и это повергло Якоба в панику. Он стал нервно оглядываться по сторонам.

— Якоб, — спросил я, — мне очень важно знать, не встречали ли вы Уилсона Джеймса?

Но Якоб по-прежнему не мог ни на чем сосредоточиться.

— Кто знает, а вдруг китайские солдаты вот-вот схватят нас? — пробормотал он.

Я пытался встретиться с ним взглядом, и вот наконец он поднял глаза на меня.

— Это очень важно, Якоб. Вспомните, может быть, вы где-то видели Уила? Он выглядит как перуанец, но говорит с американским акцентом.

Якоб выглядел заметно смущенным.

— А почему это так важно для вас? Ведь главное для нас — поскорее улизнуть отсюда.

Мы с Инем слушали его, а Якоб тем временем указал несколько мест, где мы могли бы переждать, пока китайцы не уберутся отсюда. Более того, он предложил авантюрный план бегства через Гималаи в Индию.

Я продолжал мысленно представлять себе, как моя энергия перетекает в него, сосредоточив все внимание на его лице и пытаясь уловить на нем выражение спокойствия и мудрости. Наконец он тоже перевел глаза на меня.

— Зачем вам понадобился этот человек? — спросил он.

— Мы надеемся, что он сможет нам помочь. Дело в том, что он — тот самый человек, который пригласил меня на Тибет.

Якоб на мгновение взглянул на меня, явно пытаясь собраться с мыслями.

— Да, правда, — отвечал он наконец. — Я встречал вашего друга. Это было в холле отеля в Лхасе. Мы сидели друг напротив друга, и у нас зашла речь о китайской оккупации Тибета. Я давно испытывал неприязнь к китайцам, и мне казалось, что мой приезд сюда связан с тем, что мне хотелось действовать, бороться против них. Уил же сказал мне, что в тот день он трижды видел меня в разных залах отеля и что это отнюдь не случайно. Я же не совсем понимал, о чем

он говорит.

— А не упоминал ли он некое место, именуемое Шамбала? — спросил я.

Якоб с любопытством посмотрел на меня.

— Не совсем так. Он много говорил о свободе и о том, что Тибет не сможет освободиться от оккупации до тех пор, пока люди не постигнут мудрость Шамбалы. Что-то в этом роде.

— А он ничего не говорил о вратах?

— Кажется, нет. Я не слишком запомнил подробности нашего разговора. К тому же он был довольно коротким.

— А как насчет его миссии? — спросил Инь. — Уил не говорил вам о том, куда он направляется?

Якоб отвел глаза, задумался и наконец ответил:

— Мне кажется, он говорил о месте, называемом Дормар — так, кажется, — и о каких-то развалинах старого монастыря, находящихся там.

Я обернулся к Иню.

— Я знаю те места, — проговорил он. — Это в четырех-пяти днях пути отсюда. Туда очень трудно добраться, и... там очень холодно.

Одна только мысль о путешествии куда-то в ледяную тибетскую глушь вызвала у меня спад энергии.

— Не хотите ли отправиться вместе с нами? — спросил Инь, обратившись к Якобу.

— О нет, — отвечал тот. — Я хочу поскорее выбраться из этих краев.

— В самом деле? — настаивал Инь. — А вам известно, что китайцы как раз сейчас проявляют особую активность?

— Я просто не могу, — отвечал Якоб. — Я хотел бы как можно скорее связаться с нашим посольством и повидаться с друзьями. Может быть, они смогут мне помочь.

Инь написал что-то на клочке бумаги и передал эту записку Якобу.

— Постарайтесь разыскать телефон и позвоните по этому номеру, — сказал Инь. — Назовите мое имя, а затем скажите им номер-пароль. После того как они проверят его, они подскажут вам, как быть дальше. — Затем Инь принялся объяснять Якобу, как ему лучше вернуться в Сага, а потом мы проводили голландца к его «лендроверу».

Усевшись за руль, Якоб сказал:

— Удачи вам... Желаю вам поскорее найти вашего друга.

Я кивнул.

— И если вы его отыщете, — продолжал он, — то, может быть, окажется, что я приезжал на Тибет именно для того, чтобы помочь вам найти его, а?

Отвернувшись, он включил двигатель своей машины, еще раз оглянулся на нас и отправился в путь. Мы с Инем поспешили к своему джипу. Когда мы выбрались на шоссе, я заметил, что Инь улыбается.

— Ну что, теперь-то вы усвоили Третью ступень? — спросил он. — Вспомните, о чем в ней говорится.

Я покосился на него, размышляя над этим вопросом. Ключом к этой ступени, казалось мне, была мысль о том, что наши энергетические поля способны воздействовать на окружающих, помогая им достичь более высокого уровня сознания, на котором они смогут руководствоваться своей собственной интуицией. Помимо всего того, о чем я слышал в Перу, развитию этой мысли во мне способствовала концепция о том, что наше молитвенное поле распространяется вокруг нас и что мы можем воздействовать им на окружающих, даже если не разговариваем с ними и не смотрим им прямо в лицо. Мы можем воздействовать на них, мысленно представляя себе это и активно ожидая, что оно действительно произойдет.

Разумеется, эту энергию необходимо держать под контролем, иначе это даст противоположный результат, в чем я мог убедиться, когда пытался заставить Якоба остановить машину. Я поделился своими мыслями с Инем.

— То, о чем вы подумали, представляет собой «заразительный» аспект человеческого сознания, — пояснил Инь. — В известном смысле мы все обмениваемся мыслями. Поэтому мы должны держать свои помыслы под контролем, должны уметь подавлять и отсекаать их и думать независимо от других. Но как я уже сказал, преобладающая картина представлений человека о мироздании — это поистине необъятное поле мнений и ожиданий. Ключевым фактором прогресса человечества является некая критическая масса людей, способных направлять вектор ожидания любви в это общечеловеческое поле. Это позволит нам достичь более высокого уровня энергетики и вдохновить друг друга на раскрытие нашего громадного потенциала.

Сделав небольшую паузу, Инь перевел дух и, улыбнувшись, посмотрел на меня.

— Культура Шамбалы, — произнес он, — как раз и основана на развитии такого поля.

Мне так и не удалось заставить себя улыбнуться ему в ответ. Наше путешествие начинало обретать такой смысл, к которому у меня пока что не было ключей.

Следующие два дня прошли спокойно; китайские солдаты, к счастью, не появлялись. Описав длинную дугу в южном направлении и направляясь на северо-запад, мы пересекли еще одну реку у подножия высокогорного перевала Майун-Ла. Панорама вокруг была удивительно живописной, по обеим сторонам высились заснеженные горные вершины. В первую ночь мы переночевали в Хор-Цю, в маленьком домике без номера возле дороги, где жили знакомые Иня, а на следующее утро отправились к озеру Манасаровар.

Подъезжая к озеру, Инь сказал: — Здесь нам опять надо быть очень осторожными. Это озеро и гора Кайлаш за ним издавна являются местом паломничества для верующих со всего региона: из Индии, Непала, Китая и, конечно, Тибета. Здесь нам встретится множество паломников и масса китайских армейских блокпостов.

Проехав несколько миль, Инь свернул с шоссе, и мы благополучно миновали один из блокпостов, а затем увидели вдали сверкающее озеро. С лица Иня не сходила улыбка. Нашим глазам открылся сказочной красоты вид: огромная бирюзовая жемчужина так и сверкала на фоне буро-оливковых берегов, окаймленных величественными кручами с заснеженными пиками. Одна из гор, на которую указал Инь, и была легендарным Кайлашем.

Миновав окрестности озера, мы заметили бесчисленные группы паломников, стоящих возле столбов, на которых развевались флаги.

— Что это такое? — спросил я.

— Молитвенные флажки, — отвечал Инь. — Повесить здесь флажок, символизирующий наши молитвы, — традиция, веками бытующая на Тибете. Молитвенные флажки, развеваясь по ветру, постоянно возносят написанные на них молитвы к Богу. Молитвенные флажки принято преподносить в подарок.

— А что за молитвы на них написаны?

— Молитвы о том, чтобы во всем человечестве воцарилась любовь.

Я замолчал.

— Ирония судьбы, не правда ли? — продолжал Инь. — Вся культура Тибета обусловлена исключительно его духовной жизнью. Мы, тибетцы, без сомнения, самый религиозный народ в мире. И вот мы подверглись нападению со стороны самого атеистического режима на Земле — китайского. Право, нигде в мире не встретишь такого контраста. Но одержать верх может лишь какая-то одна система ценностей...

Не проронив больше ни слова, мы проехали через какой-то маленький городок, лежавший на нашем пути, а затем направились в Дарчен — город, раскинувшийся в окрестностях горы

Кайлаш. В этом городе жили два знакомых Иня — механики, обещавшие отремонтировать наш джип. Затерявшись в толпе местных жителей, мы подошли вплотную к подножию горы, не вызывая никаких подозрений. Завороженный красотой вершины, я не мог оторвать глаз от ее заснеженного пика.

— Отсюда Кайлаш чем-то напоминает пирамиду, — произнес я.

Инь кивнул.

— Кто это сказал вам? Кайлаш обладает могущественной силой.

Когда солнце опустилось за линию горизонта, нашим глазам открылась удивительная панорама. Лучи заката озарили нежно-розовым сиянием многослойные кучевые облака на западе, а солнце из-за горизонта по-прежнему заливало своим сиянием передний склон Кайлаша, подчеркивая его причудливые очертаний желтыми и оранжевыми бликами.

— На всем протяжении истории, — сказал Инь, — великие императоры преодолевали тысячи миль верхом, в колеснице или на носилках для того, чтобы полюбоваться видами Тибета. Считалось, что первый утренний луч и последнее сияние на закате обладают великой омолаживающей и провидческой силой.

Пока он говорил, я в ответ только кивал, не в силах отвести глаза от величественного сияния, струившегося вокруг меня. Я действительно чувствовал себя помолодевшим и почти спокойным. Прямо перед нами у подножия Кайлаша плоские луговины и невысокие холмы утопали в волнах светотени и буро-коричневых пятен, создававших живописный контраст с залитыми солнцем гранями склонов, которые, казалось, светились изнутри. Зрелище было совершенно сюрреальным, и я впервые понял, почему все тибетцы наделены такой высокой духовностью. Такое сказочное сияние просто не могло не пробудить в них особого сознания.

На следующий день мы отправились в путь рано утром и через несколько часов достигли окраин Али. Небо

было затянуто облаками, температура быстро снижалась. Инь то и дело сворачивал на малолюдные улочки, стараясь миновать центральную часть города,

— Сегодня здесь живут в основном китайцы, — сказал Инь, — для солдат работают бары и стрип-шоу. Нам надо постараться проехать здесь незамеченными.

Когда он вновь выехал на шоссе, мы находились уже к северу от города. В одном месте я обратил внимание на совсем новое здание офиса, у подъезда которого стояло несколько новеньких грузовиков. Вокруг него не было никакого движения.

Инь тоже заметил это здание и сразу же свернул на старый объездной путь, а затем остановился.

— Это какая-то новая китайская постройка, — проговорил он. — Я даже не знал, что ее возвели здесь. Надо выяснить, не наблюдает ли кто-нибудь из окна за нами.

В это мгновение на нас обрушился резкий порыв ветра и пошел густой снег, что помогло нам остаться незамеченными. Когда мы двинулись в путь, я опять посмотрел на здание. Большинство окон в нем было плотно завешено шторами.

— Где это мы находимся? — спросил я.

— Да это вроде бы нефтеперегонная станция. А впрочем, кто знает?

— Какая ужасная погода!

— Похоже, приближается буря. Это нам на руку.

— Ты думаешь, они все еще разыскивают нас, не так ли? — настороженно спросил я.

Инь взглянул на меня с заметной досадой, граничившей с откровенной злостью.

— Именно в этом городе китайцы убили моего отца, — проговорил он.

Я покачал головой:

— Просто ужасно, что это произошло у тебя на глазах.

— Эта участь ожидала многих тысяч тибетцев, — продолжал он, глядя вперед, на дорогу. Я понял, как ему тяжело. Затем он покачал головой:

— Самое главное — стараться не думать об этом. Мы должны избегать таких зрелищ. Особенно вы. Как я уже говорил вам, я не в силах сдерживать гнев. Вы же можете справиться с этой задачей успешнее меня, и если возникнет такая необходимость, вам придется продолжать путь одному.

— Что такое?

— Послушайте меня внимательно, — произнес Инь. — Вы должны ясно сознавать, где вы находитесь. Вы уже, кажется, освоили учение первых трех ступеней развития. Вы научились повышать свой энергетический уровень и создавать мощное поле, но вы, как и я, подвержены страху и гневу. И я могу и должен рассказать вам о том, как надо держать на приколе излучаемую вами энергию.

— Держать на приколе? Что ты имеешь в виду?

— Вы должны придать потоку энергии большую стабильность, чтобы он изливал вашу энергию в окружающий мир ничуть не сильнее, чем того требует ситуация. Если вы научитесь этому, то три освоенные вами ступени войдут в ваше сознание и послужат руководством к действию.

— Так, значит, это Четвертая ступень? — спросил я.

— Начало Четвертой. То, что я намерен рассказать вам, — это самая последняя информация о ступенях, которой мы располагаем. Остальную часть учения Четвертой ступени знают лишь обитатели Шамбалы.

В идеале все эти ступени должны работать следующим образом. Ваша молитвенная энергия должна исходить из источника Божественного начала и распространяться вокруг вас, способствуя проявлению ожидаемой синхроничности и помогая всем, с кем она соприкасается, достичь уровня своего высшего Я. За счет этого ступени делают максимально активной таинственную эволюцию нашей жизни, а также помогают осознать и исполнить нашу миссию на этой планете.

К сожалению, на нашем пути встречаются всевозможные препятствия, повергающие нас в состояние страха, что, как мы уже говорили, вызывает сомнения и тем самым искажает наши поля. Более того, страх вызывает всевозможные негативные образы и дурные ожидания, способствующие тому, что в нашей жизни появляется именно то, чего мы опасаемся. Вот почему вы должны уметь держать на приколе свою высокую энергетическую, чтобы оставаться открытым потоком положительных состояний.

Самая большая беда, которую приносит страх, — продолжал Инь, — заключается в том, что он возникает мгновенно и очень быстро парализует нас. Дело в том, что образы, порожденные страхом, всегда ведут к нежелательным последствиям. Так, мы боимся упасть, стать обузой для себя самих и своих близких, лишиться свободы, потерять любимого человека или даже жизнь. Главная трудность заключается в том, что, начиная испытывать страх, мы впадаем в гнев, который вскоре лишает нас реальных сил и способности бороться с тем, в чем чувствуем угрозу для себя.

Испытывая чувство страха или гнева, мы вынуждены признать, что эти эмоции исходят из одного источника. Об этом аспекте мы всегда должны помнить.

Как гласят наши легенды, так как страх и гнев вызваны опасением потерять что-то или кого-то, то единственным способом избежать этих эмоций является отказ от заботы об их последствиях.

Мы отъехали уже достаточно далеко к северу от города. Снег пошел густыми хлопьями. Инь

напряженно следил за дорогой, почти не глядя на меня, но мы продолжали разговаривать.

— Взять хотя бы наш случай, — продолжал он. — Мы стараемся отыскать Уила и врата Шамбалы. Легенды сказали бы, что одновременно с ориентацией наших полей таким образом, чтобы путь нам указывали верная интуиция и совпадения, мы должны совершенно преодолеть любые эмоции. Именно это я имел в виду, когда предостерегал вас, чтобы вы не заикливались на том, остановится Якоб или нет. Важность такого избавления от эмоций — величайшая весть Будды и его сокровенный дар человечеству, хранящийся во всех религиях Востока.

Это учение было мне знакомо, но я затруднялся определить его истинную ценность.

— Инь, — возразил я, — да разве возможно совершенно избавиться от эмоций? Мне эта мысль всегда казалась своего рода башней из слоновой кости. Ведь то, сумеем ли мы помочь Уилу, является для него вопросом жизни и смерти. Как же мы можем не беспокоиться об этом?!

Инь круто свернул с дороги и остановил джип. Видимость на шоссе упала до нуля.

— А я не говорил «не беспокоиться», — продолжал он. — Я говорил, что мы не должны заботиться о последствиях. То, что мы получаем в жизни, всегда несколько отличается от наших пожеланий по этому поводу. Избавиться от эмоций — это значит помнить, что во всем происходящем, за любым результатом всегда кроется некая высшая цель. Мы должны стремиться к сути, к положительному смыслу, создаваемому нашими же усилиями.

Я кивнул. Это была идея, знакомая мне еще со времени пребывания в Перу.

— Я понимаю, — отвечал я, — всю важность взгляда на вещи в целом, но не несет ли такой взгляд определенных ограничений? Что, если мы погибнем или попадем в тюрьму? Согласись, что не так-то просто отрешиться от мыслей об этом.

Инь пристально посмотрел на меня:

— А что, если тюремное заключение и есть результат того, что мы не вполне избавились от эмоций в ходе событий, приведших нас к критической ситуации? Как гласят наши легенды, когда мы избавляемся от эмоций, наша энергия достигает высокого уровня, помогая нам избежать этих крайне негативных событий. Если мы остаемся сильными и всегда ожидаем только положительного исхода, независимо от того, каким окажется конкретный результат, с нами могут происходить настоящие чудеса.

Я просто не мог поверить этому.

— Ты говоришь, что все зло, происходящее с нами, случается именно потому, что нам недостает некой синхронистической возможности избежать его?

Инь улыбнулся:

— Да-да, именно это я и хотел сказать.

— Но ведь это же ужасно. Разве это не означает возлагать на больного всю тяжесть вины за его болезнь, думая, что он сам виноват в том, что не воспользовался возможностью вылечиться?!

— Нет, никакой вины в этом нет. Мы просто должны следовать лучшему, насколько это в наших силах. Но все, что я сказал вам, — истина, которую необходимо принять, если, конечно, мы хотим достичь высшего уровня молитвенной энергии. Мы обязаны сохранять максимальную энергетику своего поля, а для этого мы должны всегда с абсолютной убежденностью верить в то, что нас спасут в любой ситуации.

Иной раз нам чего-то недостает, — продолжал он. — Человеческие знания далеко не полны, и вследствие недостатка информации мы можем оказаться в тюрьме или даже умереть. Но истина заключается в том, что если бы мы располагали всеми необходимыми знаниями, нам всегда указали бы выход из опасной ситуации. Вера в то, что нам помогут, придает нам дополнительные силы. Таким образом мы можем избавиться от эмоций и развить мощное поле ожиданий.

Все это представлялось мне не лишенным смысла, Инь говорил о том, что мы должны

исходить из предположения о том, что синхронистический процесс всегда выведет нас с опасного пути, что мы должны заранее знать, как поступить в том или ином случае, так как этот дар и есть наша судьба. Если мы поверим в это, то рано или поздно это станет реальностью для всего человечества.

— Все великие мистики, — продолжал Инь, — утверждают, что очень важно действовать, опираясь на абсолютную веру. В вашей западной Библии апостол Иоанн описывает действие такой сильной веры. Враги бросали праведников в чан с кипящим маслом, и те оставались невредимыми. Других праведников бросали в логово к голодным львам, и звери не трогали их. Неужели это всего лишь мифы?

— Но как конкретно вера помогает достичь такой высокой неуязвимости? — спросил я.

— Мы должны достичь уровня развития, близкого к уровню обитателей Шамбалы, — сказал Инь. — Знаете, как добиться этого? Если наши постоянные молитвенные ожидания достаточно сильны, мы одновременно ожидаем синхронистичности и посылаем свою энергию окружающим, с тем чтобы они также ожидали проявлений синхронистичности. Это способствует повышению энергетики. И как правило, дакини...

Он быстро взглянул на меня, испугавшись, что опять заговорил об этих существах.

— Так как насчет дакини? — спросил я. Инь не отвечал.

— Инь, — настаивал я, — ты должен объяснить мне, что ты имел в виду. Каким образом это касается дакини?

Наконец Инь вздохнул и проговорил:

— Я уже рассказывал вам все, что мне известно о них. Как утверждают наши легенды, сущность дакини могут знать только обитатели Шамбалы, а нам лучше быть осторожными. Больше я ничего не могу сказать вам.

Я рассердился на него:

— Ладно, мы сами разберемся с этими дакини, когда попадем в Шамбалу, не так ли?

Инь с досадой проговорил:

— Я ведь уже говорил, что мне доводилось сталкиваться с китайскими солдатами. Гнев и ненависть к ним исказили мою энергетику. И если в какой-то момент я замечу, что мешаю и сковываю вас, я буду вынужден уйти, и вам придется продолжать путь одному.

Я вовсе не желал думать об этом.

— Помните, — продолжал Инь, — что я говорил вам об избавлении от эмоций и о необходимости верить в то, что вам всегда помогут выбраться из любой беды.

Немного помолчав, он включил двигатель джипа, и мы поехали, пробиваясь сквозь снежную пелену.

— Молитесь, — сказал Инь наконец, — чтобы вам было послано испытание вашей веры.

6

ПЕРЕВАЛ

Проехав в северном направлении еще минут сорок, Инь свернул на наезженную дорогу, и мы поехали по направлению к гряде высоких гор, видневшейся вдали, милях в двадцати или тридцати отсюда.

Услышав какие-то странные звуки, мы с Инем переглянулись.

— Вертолеты, — сказал он, круто свернув с дороги по направлению к пещере между скал. Джип сильно тряхнуло. — Знаю я их. Они способны летать даже в такую погоду.

— Что это значит «знаю я их»?

Между тем звуки становились все резче, и я услышал рокот двух вертолетов. Один из них завис прямо над нами.

— Это моя вина! — воскликнул Инь, стараясь перекричать шум винта. — Вам надо спастись! Скорее!

— Что-о? — отозвался я. — Ты что, рехнулся? Куда я пойду в такую непогоду?

Наклонившись ко мне, Инь прокричал:

— Помните, что вы должны быть наготове. Вы меня слышите? Держите путь на северо-восток, к Дормару. Вы должны отправиться в горы Куньлунь!

Резким движением распахнув дверцу джипа, он велел мне выйти.

Выбравшись из машины, я сделал несколько шагов и попал ногой в сугроб. Кое-как сев на снег, я попытался отыскать взглядом джип, но он уже умчался по дороге, и густой снегопад застилал мне глаза. Меня охватила волна панического страха.

В этот момент мое внимание привлекло нечто, двигавшееся справа от меня. Сквозь снегопад футах в десяти от меня я с трудом разглядел высокую мужскую фигуру, одетую в черные штаны из шкуры яка, пастушеский тулуп из овчины и такую же шапку. Незнакомец стоял, в упор глядя на меня. Его лицо было наполовину закрыто шерстяным шарфом. Но я сразу же узнал его глаза. Откуда? Через несколько мгновений незнакомец перевел взгляд на вертолет, который еще раз пролетел у нас над головами и скрылся из виду.

Внезапно в той стороне, куда умчался на джипе Инь, раздались три или четыре сильных взрыва, обрушив на

меня лавину камней и снега и наполнив воздух удушливой гарью. Поднявшись на ноги, я бросился в противоположную сторону, а вокруг меня прогремело еще семь взрывов, правда, не таких сильных. В воздухе от угарного дыма было буквально нечем дышать. Перед глазами у меня все закружилось, и я потерял сознание.

Еще толком не придя в себя, я услышал в полузабытьи какую-то музыку. Это была мелодия китайского классика, которую мне уже доводилось слышать. Оглядевшись, я увидел, что нахожусь в изящной спальне, убранной в китайском стиле. Сев на богато украшенной кровати, я откинул шелковое одеяло и оглядел себя. Меня, оказывается, помыли и облачили в больничный халат. Размеры комнаты составляли как минимум двадцать на тридцать футов, и на каждой из панельных стен красовались росписи. Какая-то китайка внимательно наблюдала за мной сквозь дверную щель.

И вот дверь распахнулась, и в комнату вошел, блистая выправкой, китайский офицер в униформе. У меня по спине так и забегали мурашки. Это был тот самый офицер, которого я видел уже несколько раз. Сердце у меня учащенно забилось. Я пытался восстановить свою энергетику, но один вид офицера поверг меня в полнейшую прострацию.

— Доброе утро, — вежливо произнес офицер. — Как вы себя чувствуете?

— Если вспомнить, что я едва не задохнулся от газов, то вполне хорошо.

Офицер улыбнулся:

— Я надеюсь, это скоро пройдет.

— Где я?

— Вы находитесь в Али. Доктора осмотрели вас и сказали, что с вами все в порядке. Но я вынужден задать вам несколько вопросов. С какой целью вы путешествовали вместе с Инем Дулу и куда вы направлялись?

— Мы хотели побывать в некоторых старинных монастырях.

— С какой целью?

Я решил ничего больше не рассказывать ему.

— Дело в том, что я — турист. У меня есть виза. Кстати, по какому праву я подвергся нападению? Американскому посольству известно, что я задержан?

Офицер улыбнулся и многозначительно посмотрел на меня.

— Я — полковник Чань. О том, что вы здесь, не известно никому на всем свете, и если вы нарушили законы нашей страны, вам ничто не поможет. Инь Дулу — преступник, член незаконной религиозной организации, стремящейся вызвать беспорядки на Тибете.

Мои худшие опасения начинали сбываться.

— Мне об этом ничего не известно, — отвечал я. — Я хотел бы пригласить адвоката.

— С какой целью Инь Дулу и многие другие так упорно заняты поисками Шамбалы?

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Полковник сделал шаг в мою сторону.

— А кто такой Уилсон Джеймс?

— Это мой друг, — отозвался я.

— Он тоже находится на Тибете?

— Думаю, да, но я пока что не виделся с ним. Чань посмотрел на меня с чувством пренебрежения и, не говоря более ни слова, повернулся и вышел из комнаты.

«Плохо, — подумал я, — совсем плохо». Когда я уже собрался было встать с постели, вошла сестра в сопровождении полудюжины солдат. Один из них катил перед собой нечто вроде огромного стального легкого, стоявшего вертикально на высоких ножках, чтобы его можно было подкатить к человеку, лежащему в постели.

Прежде чем я успел что-либо возразить, солдаты крепко схватили меня и прокатали «легкое» по моему телу. Сестра включила прибор, в ответ раздалось мягкое жужжание, и яркий свет ударил мне прямо в лицо. Закрыв глаза, я чувствовал, что лучи света скользят по моему лицу справа налево, словно сканер копировальной машины.

Когда машина выключилась, солдаты укатали ее обратно и покинули комнату. Сестра же немного помедлила и посмотрела в мою сторону.

— Что это было?

— Всего лишь энцефалограф, — отвечала она на хорошем английском, сходяв в кабинет и принеся мою одежду. Все было вычищено, выглажено и аккуратно уложено в стопку.

— А для чего он применяется? — настаивал я.

— Для проверки, чтобы убедиться, все ли в порядке. В этот момент дверь опять распахнулась, и вошел полковник Чань. Взяв стоявший у стены стул, он поставил его около моей кровати.

— Видимо, я должен рассказать вам, с чем нам пришлось здесь столкнуться, — сказал он, усаживаясь на стул. — На Тибете существует множество религиозных сект, и последователи многих из них стремятся создать у мировой общественности впечатление, будто они — верующие, преследуемые китайцами за свои убеждения.

Я согласен, что действия наших властей в начале 1950-х годов и в годы «культурной революции» были слишком жестокими. Но в последние годы наша политика здесь изменилась. Мы стараемся проявлять предельную терпимость, хотя официальной политикой китайской администрации по-прежнему остается атеизм.

Последователи этих сект должны понять, что Тибет стал совсем другим. Сегодня в этих краях живет множество китайцев, которые всегда будут жить здесь, и большинству из них буддизм чужд. Тем не менее мы должны уживаться все вместе. Сейчас даже трудно представить себе, что Тибет когда-нибудь вернется к прежним ламаистским законам.

Вы поняли, о чем я говорю? Наш мир изменился. Даже если бы мы захотели предоставить Тибету независимость, это пойдет только во вред китайцам.

Он ожидал, что я скажу что-нибудь в ответ, а я тем временем размышлял о возможности противодействия государственной политике Китая, сводящейся к переселению на Тибет этнических китайцев, чтобы постепенно уничтожить культуру Тибета.

Наконец я ответил:

— Мне кажется, тибетцы хотят лишь, чтобы им предоставили возможность без всяких помех исповедовать свою религию.

— Мы действительно предоставили некоторым из них религиозную свободу, но беда в том, что их дела всегда расходятся с их словами. И лишь после того, как мы наконец поняли, в чем дело, ситуация изменилась. Я считаю, что нам удалось установить хорошие отношения с частью официальной буддистской иерархии, но беда в том, что немало тибетских эмигрантов перебрались в Индию. Кроме того, существует и особая группа сектантов, представителем которой является, кстати сказать, Инь Дулу. Эти люди рассказывают странные устные предания и упорно распускают всяческие слухи о Шамбале. Это очень опасно для народа. Да, на Тибете мам предстоит еще немало потрудиться. Местные жители живут в ужасающей нищете. Уровень их жизни необходимо существенно повысить. — Он взглянул на меня и продолжал: — И почему только многие принимают всерьез легенду о Шамбале? Она ведь напоминает юношеские фантазии, эта идея о детях.

У тибетцев бытует поверье, что за границами физического, материального мира незримо для нас существует некая иная, более духовная реальность и что Шамбала, находящаяся здесь, на Земле, живет уже в этой духовной реальности.

Я не мог позволить себе пойти на риск и вступить с ним в спор.

— И где же, по их мнению, расположено это место? — продолжал он. — Мы обследовали каждый дюйм Тибета и с самолетов, и со спутников и не обнаружили ровным счетом ничего.

Я упорно молчал.

— Кстати, а вам известно что-нибудь о том, где находится это злосчастное место? — настаивал полковник. — Может быть, именно ради него вы и приехали сюда?

— Мне бы очень хотелось узнать, где оно находится, или хотя бы убедиться, что оно действительно существует, но боюсь, что мне ничего не известно о Шамбале. К тому же мне совсем не хочется вступать в конфликт с китайской администрацией. — Полковник внимательно слушал, и я продолжал: — В сущности, что бы это ни было, меня это не касается, и я хотел бы поскорее уехать отсюда.

— О нет, мы очень хотим, чтобы вы поделились с нами всем, что вам известно о Шамбале, — возразил полковник. — Если такое место действительно существует, если там сохранилась некая скрытая культура, нам хотелось бы познакомиться с их знаниями. Расскажите нам все, что вам известно о Шамбале. Дайте нам возможность помочь вам. Возможно, мы сумеем прийти к разумному компромиссу.

Я на мгновение взглянул на него и сказал:

— Ну что ж, я не против. Но прежде я хотел бы поговорить с американским посольством в Пекине.

Полковник попытался скрыть раздражение, но я заметил блеск в его глазах. Смерив меня взглядом, он направился к двери и, обернувшись на пороге, процедил:

— В этом нет необходимости. Вы и так свободны.

Спустя несколько минут я уже шагал по улицам Али, поплотнее запахнувшись в куртку. Снега больше не было, но стоял сильный мороз. Меня только что заставили одеться под присмотром сестры и выпроводили из этой роскошной больницы. На ходу я любопытства ради проверил содержимое моих пакетов и сумки. К моему удивлению, все оказалось цело: и ножик, и бритва, и коробочка с лезвиями.

Голова у меня была на удивление легкая, но я ощущал сильную усталость. Неужели это от волнения? Вряд ли. Тогда что же? Последствие отравления газами? Эффект высокогорья? Я попытался встряхнуться.

Али оказался вполне современным городком, на улицах которого мне встречалось

множество китайцев и тибетцев, было на удивление много машин. Современные, ухоженные здания Али казались в этих краях странным диссонансом, если вспомнить об ужасных дорогах, по которым мы вдоволь накатались в этих краях. Оглядевшись, я не заметил никого, к кому можно было обратиться по-английски. Пройдя еще несколько кварталов, я почувствовал еще более сильную легкость, и мне пришлось даже присесть на старый цементный бордюр на обочине дороги. Мучивший меня страх все более напоминал панику. Что мне теперь делать? Что с Инем? Почему китайский полковник совершенно неожиданно отпустил меня? Это казалось мне полнейшей бессмыслицей.

Когда я собрался с мыслями, перед мои мысленным взором возник образ Иня, и я вспомнил его наставления. Я растерял всю накопленную энергию! Страх буквально ошеломил меня, и я сразу же все забыл. Сделав глубокий вдох, я попытался поднять свою энергетику.

Буквально через несколько минут мое самочувствие улучшилось, и мои глаза заметили огромное здание, высившееся в нескольких кварталах отсюда. На его боковой стене виднелась надпись, сделанная китайскими иероглифами, прочесть которую я не мог. Однако, обратив внимание на форму здания, я был почти уверен, что это гостиница или небольшой отель. Я ощущал нетерпение. Там, вероятно, есть телефон или хотя бы туристы-иностранцы, с которыми я смогу перебраться парой слов.

Поднявшись на ноги, я направился в сторону гостиницы, настороженно поглядывая за тем, что творилось

на улицах. Через несколько минут я был уже недалеко от гостиницы «Шань Шуй», но в этот момент почувствовал неуверенность и внимательно огляделся. Слежки за мной как будто не было. Но когда я уже подходил к самым дверям, я вдруг услышал странный звук. Что-то явно шлепнулось в снег. Я огляделся вокруг. Я стоял на улице, которую под прямым углом пересекал узкий переулок. Я был один, если не считать нескольких стариков, шагавших в противоположную сторону в каких-нибудь двадцати футах от меня. Звук повторился вновь уже совсем близко. Под ногами я заметил небольшой камешек. Брошенный кем-то из-за угла, он упал к моим ногам.

Сделав шаг в сторону переулка, я попытался заглянуть в подворотню. Затем прошел еще несколько шагов, пытаясь понять, в чем же дело.

— Это я, — послышался знакомый голос. Я сразу же узнал его. Это был Инь. Бросившись в переулок, я увидел его сидящим на невысокой кирпичной стенке.

— Откуда же ты узнал, где я? — воскликнул я.

— Ничего я не знал, — послышался ответ Иня. — Меня просто вели. — Спрыгнув со стенки, он сел на камень, и я заметил, что его куртка сильно обгорела на спине. Когда он поднял руку, я увидел на его рукаве пятна крови.

— Ты ранен! — воскликнул я. — Что с тобой?

— Ничего страшного. Просто они сбросили бомбу, и когда меня выбросило из джипа, я ударился о камни. Пока вертолет садился, я успел прийти в себя и убежать. Я видел, как они взяли вас и увезли куда-то на огромном грузовике. И я подумал, что если вас отпустят, вы обязательно появитесь в большой гостинице. Что же с вами случилось?

Я рассказал Иню о том, как побывал в гостях у китайцев и как меня допрашивал полковник Чань. Затем я спросил Иня:

— А зачем ты вытолкнул меня из джипа?

— Я же уже объяснял вам, — отозвался он. — Дело в том, что я не в силах контролировать свои негативные ожидания. Слишком уж велика моя ненависть к китайцам. Они могут следить за мной. — Сделав паузу, он спросил: — А почему они отпустили вас?

— Сам не знаю, — отвечал я.

Инь приподнялся, и на его лице появилась гримаса боли.

— Наверное, Чань решил, что ему удастся следить за вами.

Я отрицательно покачал головой.

— Неужели это возможно?

— Нет, конечно, он же не знает, как работает поле, — отвечал Инь, — но когда вы будете только того и ждать, что солдаты вот-вот Придут и схватят вас, ваши ожидания коснутся его Я и подскажут ему, где вы находитесь. Он, видимо, считает, что тоже обладает некоей силой. — Затем он строго сказал мне: — Вы могли бы научиться на моем горьком опыте. Вам необходимо уметь управлять своими мыслями.

Инь опять посмотрел на меня, а затем, схватив меня за руку, повел за собой в переулок, в узкий проход между двумя домами, и дальше — в какой-то барак, напоминавший заброшенный дом.

— Тебя надо отвести к врачу, — проговорил я.

— Только не это! — воскликнул Инь. — Послушайте внимательно. Со мной все будет в порядке. Есть люди, которые помогут мне. Но я не смогу пойти к развалинам старинного монастыря. Вам придется отправиться туда одному.

Я отвернулся, чувствуя сильную дрожь.

— Я не уверен, что смогу добраться туда. Инь с тревогой произнес:

— Вы должны обуздать свой страх и избавиться от эмоций. Вам обязательно помогут отыскать Шамбалу. Но идти вы должны сами.

Сморщившись от боли, он подошел поближе ко мне.

— Уж не думаете ли вы, что тибетцы изнемогают от страданий? Они только и ждут того дня, когда Шамбала явит себя всему миру. — Он поднял глаза, стараясь встретиться со мной взглядом. — Подумайте, сколько людей со всего света пытались помочь нам. Многие из них рисковали всем. Некоторые попали в тюрьму и даже были расстреляны.

Я вытянул руку и показал ее Иню. Рука заметно дрожала.

— Видишь? Я едва могу двигаться. Глаза Иня так; и засверкали.

— А вы не думали о вашем отце, когда он высадился с десантного судна на берег Франции во время Второй мировой войны? И обо всех остальных? Но он ведь не побоялся! А что, если бы побоялся? Если бы все остальные тоже не решились на это? Тогда бы мир потерпел поражение в войне. Потерпел поражение в борьбе за свободу для всех.

Мы, тибетцы, утратили независимость, но происходящее сейчас касается не только Тибета, но и всего мира. Это касается и вас, и меня. Это касается и судьбы святынь, почитавшихся многими поколениями верующих. Познание Шамбалы, овладение умением пользоваться своим молитвенным полем именно в этот исторический момент — ключевой этап в эволюции человечества. Это великий долг, возложенный на плечи всего нашего поколения. Если мы не исполним его, мы предадим всех, кто жил на Земле до нас.

Инь опять сморщился от боли и отвернулся. На глазах у него блеснули слезы.

— Я бы пошел, если бы мог, — проговорил он. — Но на сегодня наш единственный шанс — это вы.

В этот момент я услышал рокот моторов и увидел два огромных армейских грузовика.

— Я даже не знаю, в какую сторону мне идти, — пробормотал я.

— Старый монастырь находится неподалеку, — отозвался Инь. — Туда можно добраться за день пути. Я постараюсь найти для вас проводника.

— И что же я должен там делать? Ты как-то уже говорил, что мне надо подвергнуться испытанию. Что конкретно ты имел в виду?

— Для того чтобы пройти через врата, вы должны позволить энергии Божественного начала

заполнить все ваше существо и расположить свое поле так, как вы уже умеете. Помните, что это поле распространяется вокруг вас и влияет на все происходящее. И самое главное, держите под контролем негативные образы, стараясь избавиться от всех эмоций. Между тем вы все еще боитесь предстоящего. Вы не хотите лишиться жизни.

— Да, разумеется, я не желаю лишиться жизни, — отвечал я, едва сдерживаясь. — Мне хотелось бы еще пожить.

— Да, я понимаю, — мягко отвечал Инь. — Но все это очень опасные мысли. Вы сумели преодолеть мысли о неудаче. Мне это не удастся, но со временем я надеюсь справиться с ними. Вы должны твердо верить, что вас в любом случае непременно спасут и вы достигнете цели.

Он сделал паузу, чтобы убедиться, все ли я понял.

— Что-нибудь еще? — спросил я.

— Да, — отвечал Инь. — Если все это не принесет вам успеха, продолжайте твердо верить, что Шамбала вам поможет. Поглядите на меня...

Он остановился, но я понял, что он имеет в виду.

Следующим утром я сидел в кабине старого двухприводного грузовика, едва втиснувшись между пастухом и его четырехлетним сыном. Инь точно знал, что нам следует делать. Несмотря на сильную боль, он отвез нас за несколько кварталов к старому, обшарпанному кирпичному дому, где нас накормили горячей пищей и позволили переночевать. Инь допоздна просидел рядом, беседуя с местными жителями. Я мог только предполагать, что они тоже были членами его секретной организации, но решил, что лучше не задавать никаких вопросов. Проснулись мы рано, через несколько минут подъехал сельский грузовик, и я взобрался в его кузов.

Мы поехали по грязной, занесенной снегом дороге, которая извилистым серпантинном поднималась все выше в горы. Спустя некоторое время грузовик повернул за угол и выбрался на участок дороги, где нам с Инем пришлось попрощаться. Я попросил водителя сбавить ход.

К моему ужасу, все окрестности буквально кишели армейскими машинами и солдатами.

— Подождите минутку, — обратился я к водителю. — Может быть, Инь поможет нам. Давайте остановимся.

Пастух покачал головой:

— Надо ехать! Надо ехать!

Он взволнованно заговорил о чем-то по-тибетски со своим сыном, время от времени поглядывая на меня,

словно им было известно нечто такое, чего я не знал.

Затем он прибавил газу, и мы, миновав перевал, начали медленно спускаться по серпантину дороги.

В моей груди опять поднялась волна страха. Я был обескуражен происходящим. Как быть, если мне понадобится Инь, но его не окажется рядом? С другой стороны, я хорошо помнил, что Иня разыскивают. Я попытался собрать всю свою энергию, но какая-то часть моего сознания упрямо думала: а вдруг все эти толки о вратах и Шамбале окажутся мифом, вымыслом? Но даже если она и существует, почему путь в нее для меня открыт, а для других, ну хотя бы Джампы и ламы Ридждэна, — нет? Бессмыслица какая-то.

Отбросив эти мысли, я опять попытался повысить свою энергетику, любуясь бирюзовыми вершинами, покрытыми снегом. Я любовался окрестными пейзажами, а мы тем временем миновали несколько небольших городков, в том числе и Дормар. Наконец, наскоро пообедав холодным супом и сушеными помидорами, я задремал и надолго уснул. Когда я открыл глаза, день уже клонился к вечеру и опять пошел снег, пушистые хлопья которого вскоре покрыли дорогу белоснежным покрывалом. По мере нашего продвижения вперед окрестности становились все более и более гористыми, а воздух — прозрачным и разреженным. Вдали

показалась еще одна гряда гор, упирающихся в небеса.

«Наверное, это и есть Куньлунь», — подумал я, вспомнив горы, о которых упоминал Инь. Часть моего Я упорно отказывалась верить, что все это происходит наяву. Но другая часть была убеждена в реальности происходящего, напоминая, что я теперь остался один перед лицом подавляющего диктата китайцев со всеми их солдатами и атеистическим скептицизмом.

Далеко позади нас я услышал слабый рокот вертолета. Сердце у меня так и забилося, но я сохранял спокойствие и готовность ко всему.

Пастух между тем не обращал на эту опасность ни малейшего внимания. Когда мы проехали еще минут тридцать, он улыбнулся и указал вперед. Сквозь густой снег я все-таки смог различить темные очертания огромных каменных строений. Мы находились на террасе у самого их подножия. Некоторые из стен слева от нас уже обрушились. Позади монастыря высились огромные заснеженные пики скал. Монастырь состоял из трех или четырех ярусов. Крыши на зданиях давно сгнили и рухнули, и я с надеждой озирался, ожидая увидеть хоть одного живого человека. Увы, я так никого и не увидел. Видимо, монастырь был давно покинут своими обитателями.

Грузовик остановился у подножия горы, футах в пятистах ниже монастыря, и водитель знаком указал мне на развалины. Я медлил. Меня пугал сильный снегопад. Водитель опять махнул рукой, сделав настойчивый и выразительный жест.

Что мне оставалось? Я вытащил из-за сиденья мешок, приготовленный для меня Инем, вздохнул и стал подниматься по направлению к монастырю. Постепенно становилось все холоднее, но я надеялся, что палатка и спальный мешок не дадут мне замерзнуть насмерть. А как насчет солдат? Проводив глазами грузовик, скрывшийся из виду, я прислушался, но не услышал ничего, кроме воя ветра.

Оглядевшись по сторонам, я увидел старинную лестницу, вырубленную в скале, и начал подниматься по ней. Примерно через двести футов я остановился. Со всех сторон на много миль вокруг я не увидел ничего, кроме заснеженных гор.

Добравшись до монастыря, я понял, что он, оказывается, стоит не на холме, а на огромном утесе, отделившемся от горы, что возвышалась позади него. Тропинка вела прямо к отверстию в стене, которое некогда было дверью. Я осторожно вошел. На замусоренном полу всюду валялись огромные камни. От двери начиналась длинная анфилада, уходившая в глубь центрального здания.

Пройдя через передний зал, я миновал несколько помещений, имевших по два выхода. Наконец анфилада привела меня в обширный зал, дверь черного хода из которого вела уже за стены монастыря. Почти половина задней стены монастыря рухнула, и вокруг тут и там виднелись огромные каменные глыбы величиной со стол.

В этот момент краем глаза я заметил, что возле обрушившейся стены что-то движется. Я похолодел. Что это может быть? На цыпочках я вернулся к двери и, осторожно выглянув, посмотрел по сторонам. От двери до ближайшего уступа скалы было добрых сто футов. Вокруг не было ни души.

Продолжая следить за происходящим, я опять заметил (и опять краем глаза), что что-то или кто-то движется. На этот раз это было еще дальше от меня, недалеко от подножия горы. Мурашки так и забегали у меня по спине. Что же там может быть? Что именно я видел? Сначала я решил схватить мешок со своими пожитками и поскорее спуститься с холма, но потом передумал. Я был напуган, но моя энергетика оставалась достаточно сильной.

Глядя по сторонам сквозь густую пелену снега, я направился к уступу, где, как мне показалось, я заметил какое-то движение. Подойдя, я, конечно, ничего не обнаружил. Стены уступа были изрезаны вертикальными расщелинами, одна из которых была просто огромной и

напоминала небольшую пещеру. Внимательно осмотрев ее, я убедился, что ее глубина составляла всего несколько футов: слишком мало, чтобы в ней мог спрятаться человек. К тому же она была забита снегом. Я решил поискать вокруг следы, но хотя толщина снега достигала десяти — двенадцати дюймов, ничьих следов, кроме моих, вокруг не было.

Снег пошел еще сильнее, и я, возвратившись в монастырь, подыскал себе в одной из комнат укромный уголок, над которым еще держалась потолочная плита, хоть как-то защищавшая меня от снега и ветра. Меня мучил сильный голод, и я наскоро схрупал несколько морковин, а затем развел огонь на походной газовой плитке и разогрел суп из мороженых овощей, который Инь успел положить в мой мешок.

Начинало смеркаться, и я задумался, что же меня ожидает дальше. До полной темноты оставался еще примерно час, а я и сам не мог понять, зачем и почему я оказался здесь. Пошарив в мешке, я, к сожалению, не нашел в нем хоть плохонького карманного фонарика. И почему Инь не догадался положить его? Газа в плитке на ночь едва ли хватит, а дров или хотя бы навоза яков мне поблизости не попало.

Мое сознание начинает устраивать со мной забавные проделки, подумал я. Что случится, если я проведу здесь целую ночь в полной темноте? Что, если эти ветхие стены обрушатся на меня от порывов ветра?

Как только я подумал об этом, я внезапно услышал на противоположном конце монастыря какой-то грохот. Выйдя в передний зал, я увидел, что это упал огромный камень.

«Боже, — подумал я, — ведь я вполне мог оказаться на этом месте».

Выключив плитку, я мигом собрал все свои пожитки в мешок и выбежал из монастыря навстречу снегопаду. Я сразу понял, что мне необходимо найти надежное убежище, и бегом направился к склону в надежде, что, может быть, не заметил там какую-нибудь уютную расщелину или пещерку, где я смог бы расположиться на ночь.

Подбежав к склону, я принялся искать пещеру, но напрасно. Подходящих трещин не было; все они оказались слишком мелкими для меня. Ветер выл и взметал снег. В одном месте огромная снежная глыба сорвалась со скалы и рухнула перед моими ногами. Я заметил, что наверху, на уступах скал, надо мной нависают целые тонны рыхлого снега. Что, если на меня обрушится лавина? Я мысленно представил себе громадную массу снега, стекающую по склонам гор.

Едва я подумал об этом, как услышал сверху и справа от себя какой-то непонятный звук. Схватив мешок, я бегом направился к монастырю, а спустя какое-то мгновение позади меня раздался оглушительный грохот, и снежная лавина обрушилась с высоты пятидесяти футов. Я бежал изо всех сил и на полпути к монастырю, споткнувшись, покатился в снег. Почему это вдруг лавина и впрямь обрушилась, едва не задев меня?

При этой мысли в моей памяти возник образ Иня. Он как бы говорил мне: «На столь высоких уровнях энергетики эффект ваших ожиданий последует немедленно. Вам будет послано испытание».

Я сел на снегу. Ну конечно! Это было испытание. Я не справился с негативными образами страха. Подбежав к монастырю, я юркнул в дверь. Мороз быстро усиливался, и я понимал, что, оставаясь в монастыре, здорово рискую. Отложив мешок, я на несколько минут собрался, мысленно представляя себе, что все камни остаются на месте.

В этот момент меня охватила волна холода. «Нет, — подумал я, — с этой стужей надо как-то бороться». Я представил себе, что сижу у пылающего камина. Топливо! Я должен разыскать хоть немного топлива.

Я бегом осмотрел оставшиеся комнаты и двор монастыря. Вернувшись в передний зал, я так и замер от неожиданности. Мои ноздри уловили запах дыма, дыма от горящего дерева. Откуда

это?

Я внимательно осмотрел зал, обшарил каждую комнатку, но так ничего и не нашел. Оставалась только одна комната, возле самого входа. В углу ее пылал костер, а рядом лежала груда дров!

Отпрянув на шаг, я огляделся. Никого не было. В комнате был еще один выход, ведущий на улицу, а потолочные плиты в ней почти не обрушились. Здесь было заметно теплее. Но кто же развел костер? Подойдя к внешней двери, я выглянул наружу. Кругом был только снег, и никаких следов. Повернувшись, я опять направился в комнату, как вдруг заметил высокую фигуру, стоявшую возле входа. Я попытался получше разглядеть ее, но, как ни странно, мне удавалось видеть ее только краем глаза. Я догадался, что это тот самый человек, которого я видел в снегу, когда Инь вытолкнул меня из джипа. Я опять попытался взглянуть на него в упор, но он вновь ускользнул. Волосы у меня на затылке встали дыбом, по всему телу пробежала дрожь. Я не мог поверить своим глазам.

Придя в себя, я бросился к одной двери, затем к другой, внимательно оглядел зал, но так ничего и не увидел. Я подумал было, что мне лучше бежать из монастыря и спуститься к подножию горы, но вспомнил, что мороз становится все сильнее и сильнее. Если я покину монастырь, я обреку себя на верную смерть. Единственное мое спасение — сесть поближе к огню и греться, пока не кончатся дрова. Я вернулся в ту самую комнату, нервно поглядывая в ее темные углы.

Едва я присел к огню, как порыв ветра взметнул пламя и развеял по комнате тучу пепла. Минуту-другую я понаблюдал за языками пламени. Как странно! Я мысленно представил себе огонь, и вот он пылает передо мной. Но поверить, будто мое поле стало настолько сильным, — нет, это уж слишком! Оставалось только одно объяснение. Мне помогли. Фигура, которую я видел, — дакини.

Осознав это, я почувствовал какое-то облегчение, подбросил дров в огонь, подогрел суп, а затем достал спальный мешок. Через несколько минут я улегся у огня и крепко уснул.

Проснувшись, я в ужасе вскочил. Огонь давно погас, и за стенами монастыря забрезжили первые лучи рассвета. Но снег по-прежнему валил густой стеной. Видимо, что-то разбудило меня. Но что?

И тут я услышал далекий рокот вертолета, становившийся все громче. Он направлялся в мою сторону. Мигом поднявшись, я собрал вещи. А еще через миг вертолеты зависли у меня над головой, усиливая и без того яростный ветер.

Неожиданно добрая половина монастырских стен начала рушиться, подняв целые тучи пыли и снега. Я кое-как разглядел выход и опрометью выбежал из монастыря. Из-за сильного ветра снег летел почти по горизонтали, и видимость составляла всего несколько ярдов, но я знал, что должен идти именно в этом направлении. Вскоре я подошел вплотную к склону горы, который видел еще накануне вечером.

Стоя перед склоном, я оглядел его. Он находился прямо передо мной, футах в пятидесяти, и я видел его, прекрасно понимая, что евет зари для этого слишком слаб. Нет, гора была залита мягким бледно-янтарным сиянием, которое было особенно ярким возле одной из расщелин, где я проходил вечерам.

Я прекрасно понял, что это сияние означает, а затем бегом направился в его сторону, тем более что за моей спиной оглушительно рухнули уцелевшие руины монастыря. Когда я подбежал к почти отвесной стене склона, то обнаружил, что над головой у меня опять зависли вертолеты. Все, что еще оставалось от монастырских построек, с грохотом обрушилось, заставив склон вздрогнуть и взметнув снег в ближайшей от меня расщелине.

В глубине ее показался проход. Это была пещера, ни больше ни меньше!

Протиснувшись в этот проход, я оказался в полной темноте и попытался двигаться на ощупь. Наткнувшись на заднюю стену, я обнаружил в ней еще один проход, не более пяти футов в высоту. Он, изгибаясь, вел вправо, и я направился в него, заметив там, далеко впереди, крохотный лучик света. Я решительно двинулся вперед.

В одном месте, задев за выступ скалы, я упал и кувыркком покатился по сухому, посыпанному гравием полу, обдирая в кровь руки и локти, но настойчивый рокот вертолетов толкал меня вперед и вперед. Превозмогая боль, я двинулся в ту сторону, откуда блеснул свет. Пройдя, наверное, несколько сот футов, я по-прежнему видел крошечное отверстие. Казалось, я ни на шаг не приблизился к нему. Я продолжал брести вперед еще больше часа, и крошечный лучик все так же указывал мне путь.

Наконец свет стал заметно ближе, словно находился от меня в каких-нибудь десяти футах. В этот момент на меня повеяло теплым воздухом, и я ощутил то самое благоухание, которое коснулось меня у монастыря ламы Ридждэна. Где-то вдалеке я услышал громкий мелодичный человеческий голос, даже крик, который пронизал все мое тело, наполнив его внутренним теплом и эйфорией. Неужели это был тот самый зов, о котором упоминал лама Ридждэн? Неужели эта зов Шамбалы?

Преодолев последний отрезок пути, я выглянул из отверстия. В глаза мне ударил неопишимо яркий свет. Передо мной лежала большая солнечная долина и ярко синело безоблачное небо. На дальнем краю долины виднелись заснеженные вершины огромных гор. И вся эта красота буквально утопала в теплом солнечном свете. Было не жарко, но достаточно тепло. Повсюду росла сочная зелень. Прямо передо мной лежал пологий склон, который вел в долину.

Пройдя через проход и начав спускаться по склону, я был ошеломлен мощной энергетикой этого удивительного места. Но мне почему-то стало трудно сосредоточиться. Цвета и вспышки света закружились у меня перед глазами, и я, не в силах устоять на ногах, опустился на колени. Я ничего не мог с собой поделаться и медленно покатился под уклон, почти лишившись чувств.

7

У ВРАТ ШАМБАЛЫ

Я почувствовал, что ко мне кто-то прикоснулся. Человеческие руки осторожно подняли меня и куда-то понесли. Я чувствовал себя в полной безопасности, испытывая нечто вроде эйфории. Кроме того, я вновь ощутил сладкое благоухание. Но теперь оно было всеобъемлющим, заполняя все мое существо.

— Попробуйте открыть глаза, — произнес женский голос.

Стараясь сосредоточиться, я увидел фигуру стройной высокой женщины ростом добрых шесть с половиной футов. Она поднесла к моим губам чашку.

— Вот, — проговорила она. — Выпейте это. Открыв рот, я сделал глоток. Это оказался теплый, очень вкусный суп из помидоров, лука и необычных сладких брокколи. Делая глоток за глотком, я заметил, что чувство вкуса у меня очень обострилось. Я мог легко различать любые ингредиенты. Я выпил почти всю чашку, и через несколько минут голова у меня прояснилась, так что я даже смог оглядеться по сторонам.

Я находился в доме или в чем-то, похожем на дом. Было очень тепло. Я лежал на каком-то ложе, сделанном из зеленовато-синей ткани. Пол был выложен гладкой коричневатой каменной плиткой. Повсюду стояли цветы в керамических горшках. Прямо надо мной сияло лазурное небо и свешивались ветви каких-то огромных деревьев. Как оказалось, в «доме» не было ни крыши, ни внешних стен.

— Здесь вам скоро станет лучше. Но вы должны дышать как можно глубже, — проговорила

женщина на безукоризненном английском.

Я был, признаться, сильно удивлен. Она явно была уроженкой Азии; на ней красовался яркий, украшенный вышивкой церемониальный наряд тибетских женщин. На ногах у нее была простая мягкая обувь. Судя по мудрости во взгляде и уверенности в голосе, ей было лет около сорока, но движениями и всем своим обликом она напоминала молодую девушку. Несмотря на высокий рост, женщина была удивительно стройна и грациозна.

— Вы должны дышать как можно глубже, — повторила она. — Я знаю, что вы умеете дышать, иначе бы вы не смогли сюда попасть.

Я наконец понял, что она имеет в виду, и, начав вдыхать очарование окружающего мира, почти сразу же ощутил прилив энергии.

— Где я? — спросил я. — Неужели в Шамбале?

В ответ она улыбнулась, а я был просто поражен ее дивной красотой. Лицо ее слабо светилось.

— В одной из ее частей, — отвечала она. — В местах, которые мы называем кольцами Шамбалы. Священные храмы находятся далеко к северу отсюда.

Затем она сказала мне, что ее зовут Ани. Я тоже представился.

— Расскажите, как вы очутились здесь, — произнесла она.

Я подробно рассказал ей обо всех своих приключениях, начиная с краткого описания разговора с Натали и Уилом, о пророчествах и моей поездке на Тибет, о встречах с Инем и ламой Ридждэном, о легендах, которые мне довелось слышать, и, наконец, о вратах. Я упомянул даже о том, что видел сияние, вероятно, посланное мне дакини.

— А вам известно, почему вы оказались здесь? — спросила она.

— Мне известно лишь то, что меня пригласили встретиться с Уилом и что это очень важно для поисков пути в Шамбалу. Мне было сказано, что здесь я смогу найти необходимые знания.

Она кивнула в ответ, а потом надолго задумалась.

— А где вы учились английскому? Вы говорите просто безукоризненно, — спросил я, вновь ощущая слабость.

Она только улыбнулась.

— Мы здесь говорим на многих языках.

— Не приходилось ли вам встречать человека по имени Уильям Джеймс?

— Нет, — отвечала она. — Но врата на кольцах Шамбалы есть и в других местах. —

Подойдя к цветочным

горшкам, она взяла в руки один из них и поднесла поближе ко мне. — Я думаю, вам надо хорошенько отдохнуть. Попытайтесь подпитаться энергией от этих растений. Расположите свое поле так, чтобы энергия втекала в вас, и постарайтесь уснуть.

Следуя ее совету, я закрыл глаза и через несколько мгновений спокойно уснул.

Через некоторое время я услышал какой-то шум. Передо мной стояла та же женщина. Увидев, что я проснулся, она присела на край ложа.

— Что это за шум? — спросил я.

— Он доносится из внешнего мира.

— Сквозь стекло?

— Это не совсем стекло. Это — энергетическое поле, напоминающее стекло, но совершенно непроницаемое. Такого ни одна из внешних культур пока что не изобрела.

— А как его можно создать? Может быть, оно электронное?

— Отчасти да, но нам приходится постоянно поддерживать его ментальным усилием.

Я залюбовался окружающим пейзажем. Невдалеке, на пологих склонах холма и на лужайках, уходивших в глубь долины, тоже виднелись «дома». Стены в некоторых из них, как и в

«доме» Ани, тоже были прозрачными. Другие были деревянными, выстроенными в неповторимом тибетском стиле. Все они были на редкость гармонично вписаны в ландшафт.

— А что вы скажете об этих домиках столь различной архитектуры? — спросил я.

— Все они также образованы силовым полем, — отвечала она. — Мы уже больше не используем дерево и

металлы. Мы просто создаем желаемые формы с помощью энергетического поля. Я был поражен.

— А как насчет внутренних перекрытий, воды и электричества?

— Да, мы пользуемся водой, но получаем ее непосредственно из водяных паров воздуха. А энергию для всех наших нужд нам дают те же самые энергетические поля.

Я не поверил собственным глазам.

— Расскажите мне об этом селении. Ну хотя бы сколько людей живет в нем?

— Тысячи. Шамбала ведь очень велика.

Заинтригованный, я спустил ноги с ложа и попытался встать на ноги, но тут же ощутил головокружение. В глазах у меня потемнело.

Ани встала, подошла к столику и принесла мне еще чашку супа.

— Выпейте это и подышите красотой растений, — мягко произнесла она.

Я последовал ее совету, и вскоре моя энергетика восстановилась. Сделав несколько глубоких вдохов, я заметил, что краски вокруг меня стали еще ярче и сочнее, чем прежде. Это относилось и к Ани. Ее лицо засияло еще сильнее, словно излучая некий внутренний свет. Такое же сияние я несколько раз видел на лице Уила.

— Боже правый, — произнес я, оглядываясь по сторонам.

— Как видите, здесь повышать свою энергетику куда легче, чем в любых земных культурах, — пояснила Ани, — потому что здесь все посылают свою энергию всем, а свое поле ориентируют на более высокий уровень культуры. — Она подчеркнула слова «более высокий уровень культуры», словно желая указать на их особое значение.

А я не мог оторвать глаз от окружавшей меня красоты. И буквально все, от цветов в керамических горшках до красок плитки, устилавшей пол, и величественных деревьев неподалеку, светилось изнутри удивительным светом.

— Нет, это просто потрясающе! — воскликнул я. — Мне кажется, что я попал в кадр научно-фантастического фильма!

Ани очень серьезно произнесла:

— Знаете, большая часть научной фантастики — это скорее пророчества. Вы видите лишь результаты развития. Мы, обитатели Шамбалы, — такие же люди, как и вы, и мы развиваемся точно так же, как и вы в русле своих культур, если, конечно, не создаете сами себе ложных препятствий.

В этот момент в комнату вбежал мальчик лет четырнадцати, вежливо поклонился мне и произнес:

— Пима опять зовет тебя. Ани обернулась к нему:

— Да, я слышу. Не хотите ли переодеться в наши одежды и присоединиться к нашим гостям?

Я не мог оторвать глаз от мальчика. Его манеры выдавали в нем куда более зрелого человека, а его внешность была вполне обычной. Он явно напоминал мне кого-то, но я никак не мог вспомнить — кого именно.

— Вы сможете пойти вместе с нами? — спросила Ани, прервав мое оцепенение. — Это может оказаться для вас весьма важным.

— И куда же мы идем? — спросил я.

— В соседний дом. Надо кое-что проверить. Хозяйка дома думает, что она несколько дней назад зачала ребенка, и хочет, чтобы я осмотрела ее.

— Так, значит, вы врач?

— У нас в Шамбале, вообще говоря, врачей нет, потому что у нас не бывает болезней, которые преследуют вас, обитателей внешнего мира. Мы научились постоянно поддерживать свою энергетику на очень высоком уровне. Я просто помогаю людям управлять собой и подпитываться энергией, вот и все.

— А почему вы говорите, что для меня важно увидеть это своими глазами?

— Потому что вы оказались здесь именно в такой момент. — Она посмотрела на меня как на непроницаемую стену. — Вам непременно надо уяснить для себя, что такое синхронистический процесс.

Вскоре мальчик вернулся, и Ани познакомила нас. Его звали Таши. Он подал мне яркую голубую куртку. Она выглядела почти так же, как и обычная джинсовка, за исключением швов. На ней не было ни одного шва. Можно было подумать, что куски ткани просто спрессованы друг с другом. Удивительно, что хотя по виду куртка была сделана из толстой хлопковой ткани, она была почти невесомой.

— Как делается такая одежда? — изумленно спросил я.

— Это всё силовые поля, — отозвалась Ани, и они вместе с Таши почти беззвучно прошли сквозь стену. Я попытался было последовать за ними, но нечто, напоминающее толстый лист плексигласа, отбросило меня назад. Мальчик на улице рассмеялся.

Слегка скрипнув «плексигласом», Ани вернулась в комнату и улыбнулась.

— Я должна была научить вас проходить сквозь стену, — проговорила она. — Простите, пожалуйста. Вы должны представить, что силовое поле открывается перед вами. Достаточно просто захотеть этого.

Я последовал ее наставлению и подошел к стене. И тут я увидел, что поле действительно раскрылось! Это было похоже на искажение пространства, нечто вроде тепловых лучей, колеблющихся на солнце над шоссе. С легким шорохом я прошел сквозь стену и оказался на улице. Ани вышла следом за мной.

Я удивленно покачал головой. Где это я?

Следуя за Таши, мы пошли по извилистой тропинке, медленно спускаясь по склону холма. Обернувшись, я заметил, что дом Ани почти совсем скрылся за деревьями. В этот момент мое внимание привлекло еще что-то. Перед домом виднелся какой-то странный черный металлический ящик квадратной формы величиной с большой шкаф.

— Что это такое? — спросил я у Ани.

— Это наша силовая установка, — отвечала она. — Она помогает нам согреть и проветривать дом, а также регулировать силовые поля.

Я был в полнейшем замешательстве.

— Что вы имели в виду, говоря «помогает нам»?

Ани шла впереди меня, и мы продолжали спускаться по дорожке. Затем она замедлила шаг, и мы пошли рядом.

— Силовая установка, которую вы видели возле дома, сама по себе ничего не создает. Она может только усиливать молитвенные поля, о которых вам уже известно, до более высокого уровня, и благодаря этому мы можем прямо сообщать всем о своих нуждах.

Я был изумлен.

— Почему вы считаете это чистой фантастикой? — спросила Ани, улыбаясь. — Я ведь говорила вам: это всего лишь результат развития.

— Даже не знаю, — отозвался я. — Все это время, пытаясь достичь Шамбалы, я взял себе за

правило не думать о том, что я могу увидеть там. Мне казалось, что моим глазам предстанет община лам высокого посвящения, восседающих в зале для медитации. Но ваша культура, оказывается, не чуждается техники. Нет, это просто фантастика...

— Дело в том, что это не совсем техника. Это, скорее, знак того, как мы используем технику для развития наших ментальных сил, что имеет огромное значение.

— Что вы имеете в виду?

— Все, что вы видите здесь, — вовсе не столь неземное, как вам кажется. Просто мы научились извлекать уроки из истории. Если вы внимательно посмотрите на историю человечества, вы увидите, что техника всегда служила как бы предвестником того, чего можно достичь с помощью одного лишь интеллекта.

Задумайтесь об этом. На всем протяжении своей истории люди создавали различные технические средства, помогавшие им сделать свою жизнь в этом мире более комфортабельной. Поначалу это были простые горшки для пищи и мотыги для рыхления земли, затем появились более сложные здания и постройки. Для создания их мы вынуждены добывать в недрах руды и минералы и возводить из них все, что рисует нам наше воображение. Мы хотели перемещаться в пространстве и изобрели вначале колесо, а затем всевозможные транспортные средства. Мы хотели летать — и создали самолеты, заменившие нам крылья.

Мы хотели более быстро обмениваться новостями через огромные расстояния и в любое время, когда только пожелаем, — и изобрели провода и телеграф, телефоны, радио и телевидение, чтобы следить за тем, что происходит на другом конце света.

Ани вопросительно посмотрела на меня.

— Замечаете закономерность? Люди изобретали технические новшества потому, что им хотелось побывать в любой точке света и расширить свой круг общения, в глубине души сознавая, что это им по силам. Техника всегда была не более чем этапом развития нас самих и еще чего-то, чем мы обладали по праву рождения. Подлинная роль техники всегда состояла в том, чтобы помочь нам обрести веру в то, что мы способны делать всё на свете самостоятельно, опираясь на свою внутреннюю силу.

Так же было и на раннем этапе развития Шамбалы. Мы начали создавать технику, которая могла бы служить развитию человеческого сознания. Мы осознали истинный потенциал своих молитвенных полей и переориентировали технику на простое усиление этих полей. Здесь, в кольцах, мы еще используем подобные усилители, но недалек тот день, когда мы сможем совсем отказаться от них и использовать собственные молитвенные поля для сообщения обо всем, в чем мы нуждаемся и что можем предложить. Живущие при храмах уже способны достичь этого.

Я хотел было задать ей еще несколько вопросов, но тут, обернувшись, увидел широкую речку, сбегавшую по склону холма справа от нас. Эхо донесло до нас шум падающей воды.

— Что это? — удивленно спросил я.

— Там, впереди, водопад, — отвечала Ани. — Не чувствуете ли вы желания взглянуть на него?

Я не совсем понимал, что она имеет в виду.

— Вы хотите сказать — интуитивно? — переспросил я.

— Разумеется, я имею в виду интуицию, — с улыбкой отвечала она. — Мы здесь живем, руководствуясь интуицией.

В этот момент Таши остановился и обернулся в нашу сторону.

Ани спросила:

— Почему же ты не сказал Пиме, что мы придем вместе?

Он только улыбнулся и побежал в направлении дома.

А мы тем временем, поднявшись по скалистому склону, подошли к речке и, пробираясь

сквозь невысокие раскидистые деревца, остановились у самой кромки воды. Ширина речки достигала двадцати пяти футов; течение было очень быстрым. Несмотря на водоворот слева от нас, вода бежала по руслу. Ани позвала меня, и мы пошли вдоль реки. Миновав несколько поворотов, мы оказались у самого водопада. Сверху нам было хорошо видно, как вода с высоты пятидесяти футов низвергается в огромный водоем, сверкавший внизу.

В этот миг что-то привлекло мое внимание, и я, стоя на краю скалы, обернулся, чтобы узнать, что там такое. К моему удивлению, это были всего лишь брызги и туман, клубившийся над водоемом, но я все же заметил фигуры двух людей, направлявшихся навстречу друг другу. Их окружало мягкое бледно-розоватое сияние. И хотя оно было не слишком ярким, оно было достаточно плотным, особенно Вокруг плеч и бедер. Пристальнее взглядевшись в эти фигуры, я увидел, что они были обнаженными.

— Так вот зачем вы вызвали меня сюда? — смущенно спросила Ани.

А я буквально не мог оторвать глаз от этого зрелища. Я понимал, что передо мной энергетические поля мужчины и женщины. Когда они подошли вплотную друг к другу, их поля соединились и оставались едиными, пока их обладатели обнимались. Затем я увидел, что в центре тела женщины возникает какой-то новый свет. Через несколько минут они разошлись, и у женщины заметно округлился живот. Новый свет становился все ярче; чета у водоема опять обнялась и о чем-то заговорила, но из-за шума водопада я не мог слышать их голосов. Затем оба они бесследно исчезли.

Я понял, что они занимались любовью, и испытал смущение.

— Кто были эти люди? — спросил я.

— Я их не узнала, — отвечала Ани. — Наверное, они живут где-то неподалеку.

— Мне показалось, что они зачали ребенка, — проговорил я. — Что вы на это скажете?

Ани так и прыснула.

— Здесь это происходит не так, как во внешних культурах. Да, конечно, они собирались зачать. Но на столь высоких уровнях энергии и интуиции создание нового человека — тщательно продуманный процесс.

— "А каким образом они исчезли?"

— Они перемещаются в пространстве, мысленно проецируя себя в особом поле путешествий. В этом нам помогают усилители поля. Мы установили, что то же самое электромагнитное поле, которое передает телевизионное изображение, может использоваться для соединения какой-нибудь отдаленной точки и места, где мы находимся. Для перемещения в пространстве нам достаточно мысленно представить то место, куда мы хотим попасть. Можно и отправиться туда с помощью молитвенного поля. Теоретики различных земных культур уже работают над созданием таких теорий, но дело в том, что они просто не представляют себе, к чему это может привести.

Я попытался усвоить новую для меня информацию.

— У вас совсем растерянный вид, — проговорила Ани. Я только кивнул, пытаюсь улыбнуться.

— Пойдемте, я познакомлю вас с Пимой.

Придя в дом Пимы, я заметил, что он мало чем отличается от дома Ани, если не считать того, что построен он на склоне холма и в его комнатах несколько иная мебель. Возле дома я увидел такой же черный куб. В дом мы вошли, привычно раздвинув силовое поле. Нас встретили Таши и незнакомая женщина, назвавшаяся Пимой.

Пима была более высокой и худощавой, чем Ани. Волосы у нее были иссиня-черные и длинные. На ней было длинное белое платье. Она улыбалась, но я сразу понял, что она чем-то обеспокоена. Пима попросила позволения поговорить с Ани наедине, и они вышли в соседнюю

комнату, оставив нас с Таши в гостиной.

Я уже собрался было спросить его, что случилось, но почувствовал позади себя разлитое в воздухе электрическое поле. Его искаженные складки раскрылись точно так же, как силовое поле, которое я видел в доме Ани, но на этот раз оно возникло прямо посреди комнаты. Я собрался, пытаюсь понять, что же происходит. Сосредоточившись, я увидел через просвет, словно через окно, поле, на котором росли какие-то невысокие растения. К моему удивлению, прямо из отверстия в комнату вошел мужчина.

Таши вскочил и представил нас друг другу. Мужчину звали Дорджи. Он вежливо поклонился мне и спросил, где сейчас Пима. Таши указал на спальню.

— Что здесь происходит? — спросил я Таши. Он с улыбкой посмотрел на меня:

— Ничего особенного. Муж Пимы вернулся со своей фермы. Разве ваши внешние цивилизации не способны на это?

Я кратко рассказал ему о мифах и легендах, повествующих о йогах, способных проецировать себя самих в отдаленные места.

— Но самому мне никогда не приводилось видеть ничего подобного, — продолжал я, пытаюсь прийти в себя. — Как же вы это делаете?

— Мы мысленно представляем себе место, куда хотим попасть, и усилитель помогает нам создать окно в пространстве прямо перед нами. Кроме того, он создает окно и в том месте, куда мы направляемся. Вот почему мы смогли сначала увидеть поле, а затем уже появился Дорджи.

— Тот черный куб во дворе — это и есть усилитель?

— Верно.

— И вы все можете перемещаться таким способом?

— Да, конечно, но нам суждено когда-нибудь сделать то же без него. — Он на мгновение остановился, а затем попросил: — Расскажите мне что-нибудь о культуре внешнего мира, из которого вы попали сюда?

Но прежде чем я успел что-либо ответить, из спальни донесся голос, произнесший:

— Да, это действительно произошло опять. Мы с Таши посмотрели друг на друга.

Через несколько минут из спальни вышла Ани; за ней показались Пима со своим мужем. Пройдя вперед, они уселись на диван.

— Теперь мы точно знаем, что я беременна, — сказала Пима. — Я смогла увидеть энергию и мгновенно почувствовала ее, но через несколько минут она рассеялась. Видимо, это был переход.

В глазах Таши мелькнуло восхищение.

— Что же, по-вашему, произошло? — в недоумении спросил я.

— Интуиция сказала нам, — отвечала Ани, — что наступило нечто вроде параллельной беременности и где-то в другом месте тоже родится ребенок.

Дорджи и Пима обменялись долгим взглядом.

— Мы попытаемся еще раз, — произнес Дорджи. — Это почти никогда не случается дважды в одной семье.

— Ну, нам пора уходить, — сказала Ани, вставая и обнимая счастливых супругов.

Мы с Таши следом за ней прошли через силовое поле и очутились во дворе.

Я был потрясен увиденным. В каком-то отношении эта культура казалась вполне обычной, в другом — совершенно фантастической. Я пытался хоть как-то осмыслить случившееся, а Ани тем временем проводила нас к живописному, видневшемуся ярдах в пятнадцати от нас краю обрыва, с которого открывалась панорама большой зеленой долины.

— Но откуда же здесь, на Тибете, может быть столь мягкий климат? — удивленно спросил я.

Ани улыбку:

— Температуру тоже поддерживают наши поля, и для людей, обладающих низкой энергетикой, мы остаемся невидимыми. Хотя легенды утверждают, что, когда приблизится переход, все или очень многое изменится.

Я был поражен.

— Значит, вам тоже известно о легендах? — спросил я.

Ани кивнула:

— Разумеется. Ведь Шамбала — первоисточник многих легенд, а также множества пророчеств в истории человечества. Мы помогаем другим культурам обретать духовную информацию. Нам известно также, что возможность видеть нас, открытая для всех людей — всего лишь дело времени.

— И для меня тоже? — спросил я.

— Нет. Для других представителей внешних культур. Мы знаем, что, так как вы уже сумели повысить свой уровень энергетики и сознания, вы будете относиться к Шамбале более серьезно, и некоторые из вас смогут даже побывать здесь. Так гласят легенды. К моменту преобразования или явления Шамбалы сюда съедутся представители всех внешних культур. Здесь будут не только преданные адепты с Востока, которые всегда искали и ищут путей к нам, но и люди с Запада, желающие приобщиться к нашим знаниям.

— Вы говорите, что легенды предсказывают переход, или преобразование. Что это такое?

— Легенды утверждают, что когда внешние культуры придут к пониманию всех ступеней развития молитвенного поля человека, то есть научатся «подключаться» к энергии Божественного начала и посылать ее в мир посредством любви, научатся располагать свои энергетические поля так, чтобы активизировать процесс синхронистичности и помочь другим, и смогут поддерживать энергетику своего поля путем избавления от эмоций, тогда миру откроется и то, что мы еще совершаем здесь, в Шамбале.

— Вы говорите о завершении Четвертой ступени? Она с уважением посмотрела на меня:

— Да. Именно о том, что вам предстоит увидеть здесь.

— А не могли бы вы сказать мне, что это такое? Ани отрицательно покачала головой:

— Нет. В свое время вы все узнаете. Но сначала вы должны узнать, куда ведет развитие человечества. И узнать не только интеллектом, но и ощутить, и увидеть своими собственными глазами. Ведь Шамбала — это модель будущего для всего человечества.

В ответ я кивнул.

— Человечеству настало время понять, на что способен человек и куда приведет его эволюция. И лишь когда вы в полной мере осознаете это, вы сможете еще больше расширить и усилить свое поле. — Она покачала головой и продолжала: — Вы должны понять, что я не располагаю всей информацией о Четвертой ступени. Я смогу сопровождать вас на нескольких ближайших ступенях, но всей полнотой знания обладают лишь те, кто живет в храмах.

— В каких храмах? Что это такое?

— Это сердце Шамбалы. По вашим представлениям, место чисто мистическое. Место, где совершается главное деяние Шамбалы.

— И где же находятся эти храмы?

Вместо ответа Ани указала на север. Там вдали виднелась странная, почти круглая группа высоких гор.

— Там, вдали, за теми горами.

Все время, пока мы разговаривали с Ани, Таши молчал, прислушиваясь к каждому слову. Ани ласково погладила его волосы.

— Интуиция подсказывала мне, что Таши вскоре будет призван в храмы... но его, кажется,

куда более интересуется жизнь в вашем мире, — сказала она.

Проснувшись, я сел на постели, вытирая пот. Мне приснилось, что я путешествую к храмам вместе с Таши и кем-то еще, стремясь постичь смысл Четвертой ступени. Мы подошли к громадным каменным строениям, большинство из которых было облицовано бронзой, а вдали виднелся храм, стены которого были странного синеватого цвета. Перед нами появился некий человек в ритуальном тибетском одеянии. Затем мне снилось, что я пытаюсь спастись бегством от китайского офицера, которого я встречал вот уже несколько раз. Он преследовал меня даже в храмах, которые оказались разрушенными. Я испытывал ненависть к нему за эти варварские действия.

Спустив ноги на пол, я попытался собраться с мыслями, воскрешая в памяти возвращение в дом Ани. Сейчас я находился в одной из его спален. Было уже утро. Таши сидел напротив постели в большом кресле, пристально глядя на меня.

Сделав глубокий вдох, я попытался успокоиться.

— Что случилось? — спросил Таши.

— Просто мне приснился дурной сон, — отвечал я.

— Может быть, вы расскажете мне что-нибудь о внешних культурах?

— А разве ты не можешь попасть туда через окно, щель или как это у вас называется?

Он отрицательно покачал головой:

— Нет, это невозможно даже для обитателей храмов. Моя бабушка, полагаясь на интуицию, думала, что ей удастся достичь этого, но и она не смогла побывать там. Видимо, дело в резком различии уровней энергетики между двумя точками. Да, обитатели храмов могут видеть все, что творится во внешнем мире, но не более того...

— Но твоя мать, кажется, знает о внешнем мире достаточно много.

— Мы получаем информацию от тех, кто пребывает в храмах. Они часто выходят к нам, особенно если чувствуют, что кто-то уже готов войти в их круг.

— Войти в их круг?

— Почти все обитатели Шамбалы стремятся заслужить место в храме. Это ведь огромная честь и, кроме того, возможность влиять на внешние культуры.

Пока он говорил, я с удивлением заметил, что его голос и взрослая манера держаться заставляют думать, что ему лет тридцать. Но хотя он и был очень высоким, лицо у него было как у обычного четырнадцатилетнего подростка.

— А ты что скажешь? — спросил я. — Ты тоже мечтаешь когда-нибудь попасть в храмы?

Таши улыбнулся и покосился в сторону соседней комнаты, видимо, не желая, чтобы мать услышала его.

— Нет, меня больше занимает мысль о том, как бы мне побывать во внешнем мире и познакомиться с его культурами. Так, может быть, вы все же расскажете мне о них?

В течение следующего получаса я рассказал ему самое основное о современном положении в мире: об образе жизни людей, о том, чем они питаются, о борьбе за установление демократии на земном шаре, о коррупции и разлагающем влиянии денег на правительства, о проблемах экологии. И надо сказать, что Таши слушал меня с неослабевающим вниманием, не выражая ни восторга, ни особого разочарования.

Вскоре, почувствовав, что у нас завязался интересный разговор, в комнату вошла Ани. Мы замолчали. Возникла напряженная пауза. Я опустил глаза, разглядывая подушку.

— Мы хотим повысить ваш энергетический потенциал, — произнесла Ани. — Пойдемте, я провожу вас.

Наскоро одевшись, я вышел в гостиную, где ждала меня Ани, и вслед за ней покинул дом. Завернув за угол, я увидел огромные деревья, росшие на расстоянии футов тридцати друг от

друга. Между ними зеленела редкая трава, похожая на шалфей, добрая дюжина каких-то других растений, напоминающих спаржу или папоротник. Ани велела мне размяться, и я попытался воспроизвести упражнения, которые показывал мне Инь.

— А теперь сядьте здесь, — сказала Ани, когда я закончил зарядку. — И постарайтесь подпитаться энергией.

Она тоже села позади меня, и я начал дышать полной грудью, любуясь красотой окружающего мира и мысленно представляя, как энергия втекает в меня. Как и в прошлый раз, цвета и контуры вдруг стали очень яркими.

Переведя глаза на Ани, я увидел на ее лице выражение глубокой мудрости и спокойствия.

— Да, теперь лучше, — произнесла? она. — Вы ведь не были здесь со вчерашнего дня, когда мы навещали Пиму. Вы помните, что там произошло?

— Конечно, — отвечал я. — В общих чертах.

— А вы помните, что случилось, когда Пима решила, что она беременна?

— Да.

— Ей это показалось на какой-то миг, но затем все исчезло.

— А как по-вашему, что случилось на самом деле?

— Этого никто не знает. Такие исчезновения наблюдаются уже довольно давно. Со мной такое тоже бывало — четырнадцать лет назад. Тогда я была уверена, что беременна двойней: мальчиком и девочкой, но через мгновение один из них исчез. И я родила Таши, но у меня сохранилось ощущение, что его сестра родилась где-то в другом месте.

С тех пор такое нередко случалось со многими супружескими парами. Женщины чувствовали, что беременны, но затем вдруг оказывалось, что их матка пуста. Впоследствии у них у всех были еще дети, но они навсегда запомнили тот случай. В последние четырнадцать лет такие явления происходят в Шамбале достаточно регулярно. — Ани сделала небольшую паузу, а затем продолжила: — Видимо, все это, в том числе и ваше появление здесь, как-то связано с переходом.

Я отвел глаза.

— Не знаю, что и подумать.

— Может быть, вам что-нибудь подсказывает интуиция?

Я задумался на несколько минут и вспомнил свой странный сон. И я совсем было собрался рассказать Ани о нем, но никак не мог понять, что он означает, и решил промолчать.

— Да нет, интуиция пока что молчит, — отвечал я. — Зато вопросов более чем достаточно.

Ани утвердительно кивнула.

— Как устроена здешняя экономика? Чему посвящают свое время большинство жителей Шамбалы?

— Мы живем в стране, где отпала надобность в использовании денег, — пояснила Ани, — и мы в отличие от внешних культур уже не производим товаров и не строим зданий. Несколько десятков тысяч лет назад мы пришли в Шамбалу из тех культур, которые, подобно вам, тоже производили все необходимое. Но затем, как я уже говорила вам, пришли к пониманию того, что главное предназначение техники заключается в развитии наших интеллектуальных и духовных способностей.

Легкий ветерок коснулся рукава моей одежды. — Вы хотите сказать, что все, чем вы пользуетесь, создано энергетическим полем? — спросил я.

— Совершенно верно.

— Но что же соединяет отдельные элементы?

— После возникновения эти поля существуют до тех пор, пока их энергетику не исказит какое-либо негативное влияние.

— А как насчет пищи?

— Точно таким же способом можно получать и пищу, но мы считаем, что продукты питания лучше выращивать естественным образом. Съедобные растения реагируют на нашу энергию и возвращают ее нам. Разумеется, мы едим очень мало, чтобы поддерживать высокий уровень вибраций. А большинство обитателей храмов вообще обходятся без пищи.

— А как вы получаете энергию? Что служит источником питания для ваших усилителей?

— Энергии здесь целое море. Уже давно мы изобрели систему, действующую по принципу, который вы назвали бы холодной плавкой. Эта система и создает необходимую энергию для существования нашей культуры, что избавляет нас от опасности загрязнения окружающей среды и позволяет автоматизировать массовое производство всевозможных товаров. Постепенно мы получили возможность все свое время посвящать духовным занятиям, развитию элементов синхронистичности и постижению сущности бытия, а также передаче информации об этом.

Пока Ани говорила, я подумал о том, что она, в сущности, описывает будущее человечества, о котором я впервые услышал, познакомившись с Девятым и Десятым пророчествами.

— По мере духовного развития обитателей Шамбалы, — продолжала Ани, — мы пришли к пониманию того, что цель существования человека на этой планете заключается в том, чтобы создать культуру, духовную во всех своих аспектах. Затем мы осознали, что в нас самих заключена громадная сила, помогающая нам выполнить наше предназначение. Мы научились развивать молитвенное поле и использовать его для ускорения технического прогресса, который, как я уже говорила, поможет активизировать эту творческую энергию. На сегодняшнем этапе мы живем среди природы, и единственными техническими средствами, которыми мы пользуемся, остаются эти усилители, помогающие нам мысленно создавать все необходимое.

— И что же, эволюция достигла здесь свой вершины? — спросил я.

— Нет, не совсем, — отвечала она. — Шамбала прошла длительное развитие.

Слова Ани поразили меня, но, придя в себя, я опять обратился к ней с вопросами.

— Да-да, — пояснила она. — Наши легенды, происходящие из многих источников, восходят к глубокой древности. Все мифы об Атлантиде и индийские предания о Меру так или иначе восходят именно к нашей цивилизации, существовавшей в далеком прошлом, когда Шамбала только начинала свое развитие. Наиболее сложным этапом оказалось развитие техники, так как для того, чтобы поставить технику исключительно на службу индивидуального духовного развития человека, мы все должны достичь такого уровня развития, на котором духовность становится куда более важной, чем деньги и власть.

На это потребуется немало времени, так как люди, мучимые страхом — и почему-то полагающие, будто именно они в своих корыстных интересах могут манипулировать ходом эволюции человечества, — часто стремятся использовать технические открытия ради разрушения и установления собственной неограниченной власти. Во многих ранних цивилизациях узкий круг власть имущих стремился использовать усилительные системы не по назначению, пытаясь взять под контроль мысли и намерения других людей. Все эти попытки много раз приводили к войнам и массовым разрушениям, и человечеству приходилось все начинать сначала.

Именно с такой проблемой и столкнулись сегодня массовые культуры. Есть люди, которые хотели бы взять человечество под тотальный контроль с помощью слежки, вживления микрочипов и сканирования ментальных волн.

— А как же быть с материальным наследием тех древних культур? Почему ученым не удается обнаружить практически ничего?

— Множество памятников уничтожили дрейф континентов и массовое оледенение. К тому же если цивилизация достигает определенного уровня, когда большинство предметов

материальной культуры создается ментальным путем, при серьезном искажении энергетики возникает волна разрушения, уничтожающая силовые поля, все это просто исчезает.

Я перевел дыхание и покачал головой. Все, о чем говорила Ани, было исполнено глубокого смысла и в то же время звучало совершенно фантастически. Одно дело — выдвигать гипотезы о развитии человеческой цивилизации и выходе на высокий уровень духовности. И совсем другое — увидеть вокруг себя плоды культуры, основанной на такой духовности.

Ани чуть придвинулась ко мне.

— Имейте в виду, что все, чего мы достигли, — это всего лишь результат естественного развития человечества. Мы во многом опередили вас, но так как вам придется пройти тем же самым путем, для вашей и других культур он будет куда более легким.

Ани сделала паузу, а я широко улыбнулся.

— Ну вот, ваша энергетика заметно поднялась, — произнесла она.

— Мне кажется, что я никогда не испытывал ничего подобного.

Она кивнула.

— Как я уже говорила, обитатели Шамбалы живут именно на таком уровне энергии. Ее носители взаимно подпитывают друг друга. Здесь живет множество людей, умеющих генерировать энергию в себе самих и проецировать ее вовне, на окружающих, что создает эффект многократного усиления. Согласно ему каждый человек черпает энергию из своего молитвенного поля и посылает ее всем остальным. Вы заметили, как поднялась ваша собственная энергетика? Надежды и ожидания всех людей, причастных к такой культуре, объединяются, образуя единое громадное молитвенное поле!

Общий уровень, которого способна достичь та или иная культура, почти целиком зависит от того, насколько осознанно ее обитатели относятся, во-первых, к существованию молитвенных полей как таковых, а во-вторых, насколько они способны развивать их. Когда все стремятся развивать такие поля, общий уровень энергетики мгновенно повышается. Если бы все обитатели внешних культур научились развивать свои молитвенные поля и изливать энергию, они смогли бы достичь точно такого же уровня развития, на котором находимся мы, жители Шамбалы! — Ани щелкнула пальцами от волнения и продолжала: — Именно над этой задачей мы и работаем в наших храмах. Мы стремимся развить свои молитвенные поля, чтобы помочь эволюции других культур. Мы занимаемся этим на протяжении многих тысячелетий.

Я задумался над ее словами, а затем попросил:

— Расскажите мне все, что вам известно о Четвертой ступени.

Ани на мгновение замолчала, она была очень серьезна.

— Как вам известно, вы можете воспринять одновременно только один этап, — отвечала она. — В свое время вам помогут, но для того чтобы попасть сюда, вы должны были усвоить содержание первых трех ступеней и даже часть Четвертой. На этом пока и остановимся, чтобы вы лучше поняли, как действует развитие поля. Когда поле достигает полного развития, энергия распространяется дальше и становится гораздо более сильной. Это происходит в связи с тем, что когда вы посылаете свою энергию, чтобы привлечь явления синхронистичности и повысить уровень других людей, и когда вы связываете эту энергию с верой и отказом от эмоций, вы следуете Божественному промыслу, и чем больше вы сможете действовать и мыслить в гармонии с Божественным началом, тем выше станет ваша энергетика. Вы меня понимаете? Во всем этом, как вы, без сомнения, заметили, существует своего рода внутренняя система безопасности. Бог не пожелает посылать вам энергию до тех пор, пока вы не подниметесь на необходимый для этого уровень. — Она коснулась моего плеча. — Поэтому ваша задача сейчас — ясно осознать, какого уровня развития может достичь человечество и к какой цели должна привести эволюция человеческой культуры. Настало время для всего этого. Вот почему вы и

многие другие так стремитесь увидеть и постичь Шамбалу. Это и есть следующий этап Четвертой ступени. Вы должны запомнить, в какое будущее предстоит войти человечеству.

Вы уже смогли убедиться, каких высот мы достигли в технике, прежде чем поставить ее на службу нашей внутренней духовной эволюции. Размышления об этом еще более повысят вашу энергетику, ибо вы тем самым переместите ожидания и надежды в свое молитвенное поле. Очень важно четко представлять себе, как действует эта система. Вы уже научились посылать молитвенное поле перед собой, перемещаясь по миру Шамбалы, и, разумеется, умеете ориентировать его для повышения энергетики и потока синхроничности в себе и других. На следующем этапе вы сможете не только наблюдать за тем, как ваше поле способствует повышению энергетики окружающих, помогая им активизировать интуицию, но и делать это с полной убежденностью в том, к чему ведет ваша собственная интуиция и интуиция окружающих: к созданию идеальной духовной культуры, подобной той, которую вы видите у нас, в Шамбале. Такие ваши действия помогут другим осознать свою роль в процессе общей эволюции.

Я кивнул, прося у нее все новых и новых подробностей.

— Не торопитесь и не забегайте вперед, — предостерегла меня Ани. — Вы ведь еще не видели всего, что мы создали здесь. Мы не только достигли высочайшего уровня техники, но и преобразили мир таким образом, чтобы сосредоточиться исключительно на духовной эволюции... на тайнах бытия... на самом потоке жизни, наконец.

8

ПОТОК ЖИЗНИ

Свернув влево с нахоженной дороги прямо за углом домика Ани и Таши, я направился по тропинке к скалам и деревьям, видневшимся примерно в миле отсюда. Ани резко прервала нашу беседу, сказав, что ей надо кое-что приготовить и что она расскажет мне все немного позже. Тогда я решил прогуляться.

При виде сочной зелени на лужайке у меня опять возникло множество вопросов. Ани сказала, что я должен увидеть собственными глазами, как конкретно Шамбала моделирует культуру, уделяющую главное внимание течению жизни. Что именно она имела в виду?

Размышляя над этим вопросом, я заметил человека, идущего по тропинке навстречу мне. Он был уже немолод, на вид ему было лет пятьдесят. Он приближался ко мне быстрым шагом. Поравнявшись со мной, он на мгновение заглянул мне в глаза и продолжил свой путь. Краешком глаза я заметил, что, отойдя на некоторое расстояние, он обернулся.

Пройдя еще немного, я подумал, что напрасно не остановился и не заговорил с ним. Повернувшись, я скорым шагом направился в ту же сторону, в которую ушел мужчина, надеясь догнать его. В этот момент он повернул за угол и скрылся из виду. Почти подбежав к повороту, я увидел, что он бесследно исчез. Я очень расстроился, но продолжил путь к домику Ани, стараясь больше не думать о незнакомце.

Ани встретила меня у самых дверей. В руках она держала джинсы и футболку.

— Они вам могут пригодиться, — произнесла она.

— Скажите, пожалуйста, — отозвался я, — для их создания вы тоже воспользовались полем?

Она кивнула:

— О, вы начинаете понимать нас.

Мне, напротив, казалось, что я решительно ничего не понимаю.

— Вернулся отец Таши, — проговорила Ани.

— Где же он? — спросил я.

— В доме, вместе с Таши. — Она кивнула в сторону спальни.

— И откуда он прибыл?

— Из храма. Он в основном находится там. Я смутился.

— Он вернулся буквально только что?

— Да, перед самым вашим приходом.

— Тогда, наверное, это его я встретил на тропинке. Ани сделала паузу, а затем проговорила:

— Мне кажется, он пришел, чтобы подготовить нас.

— Подготовить? К чему?

— К переходу. Он полагает, что мы приближаем то время, когда Шамбала явится всему миру.

Я собрался было спросить ее о чем-то еще, но заметил, что она отвернулась и глубоко задумалась.

— Вы говорите, что встретили отца Таши на тропинке? — переспросила она.

Я кивнул.

— В таком случае весть, которую он принес, может оказаться важной и для вас. Видимо, мы должны узнать обо всем происходящем.

Она выжидательно посмотрела на меня.

— Вы упоминали о течении жизни, — проговорил я. — Не могли бы вы объяснить, что понимают под этим словом жители Шамбалы?

Ани кивнула.

— Давайте посмотрим на картину развития общества в целом после того, как оно начнет повышать свою энергетику. Первое, что из этого следует, — то, что создатели технических средств смогут сделать их еще более эффективными и автоматизированными и роботы будут выпускать все больше и больше материальных товаров для нужд общества. Это уже происходит в промышленно развитых странах внешнего мира, и такое развитие следует признать позитивным, несмотря на то что оно таит в себе немалую опасность. Дело в том, что оно способно сосредоточить слишком большую власть в руках немногих олигархов или корпораций, если они не будут подвергнуты децентрализации. Кроме того, это ведет к сокращению рабочих мест, и многие люди вынуждены искать средства к существованию.

Эту проблему отчасти смягчает тот факт, что по мере автоматизации производства товаров экономика начнет сосредоточивать основное внимание на информации и сервисе, то есть предоставлении нужной информации в нужное время, что неизбежно повлечет за собой активизацию интуиции и внимания, позволяя рассматривать восприятие синхронистичности как основную черту образа жизни.

По мере того как духовные знания заметно расширятся и люди осознают те творческие силы, которых они могут достичь благодаря молитвенному полю, техника выйдет на новый уровень развития. На этом уровне у нас и появились волновые усилители, с помощью которых люди могут интеллектуальным путем создавать все необходимое для жизни.

Когда это произойдет, культура, избавившись от забот о хлебе насущном, сможет сосредоточиться на духовных аспектах или на течении самой жизни. Это именно тот этап, на котором находимся мы, обитатели Шамбалы, и остальному человечеству еще только предстоит достичь его. Все наше общество владеет обширными познаниями в сфере духовного. На определенном этапе каждая культура должна осознать, что мы существа духовного плана и что наши тела не более чем скопления атомов, находящихся в постоянной вибрации, вибрации, уровень которой повышается по мере увеличения нашего молитвенного поля.

Мы, жители Шамбалы, сознаем это, как сознаем и то, что спустились сюда из духовного

мира для выполнения некой миссии. Наша миссия состоит в том, чтобы помочь миру — поколение за поколением — подняться до осознания реальности духовной сферы и относиться к этому с полной серьезностью. Вот почему мы участвуем в потоке жизни с самого ее начала, то есть еще до рождения. — Она пристально посмотрела на меня, словно желая убедиться, понимаю ли я ее, а затем продолжала: — Дело в том, что между матерью, отцом и еще не родившимся ребенком всегда возникает интуитивная взаимосвязь.

— И что же это за взаимосвязь? — спросил я. Ани улыбнулась.

— Всем известно, что души начинают вступать в контакт с родителями еще до зачатия. Они ясно дают почувствовать им, особенно матери, свое присутствие. Это как бы составная часть проверки, правильно ли выбраны предполагаемые родители.

Я был изумлен.

— Это явление уже иногда случается и во внешних культурах, — пояснила Ани. — Но жители Земли еще только начинают обсуждать его и развивать свое восприятие. Спросите хотя бы нескольких матерей и послушайте, что они вам расскажут.

А теперь задумайтесь над тем, что точно такая же интуиция присутствует и в процессе выбора супруга. Когда люди стремятся выбрать будущего спутника жизни сознательно, главным критерием обычно выступает страсть. Но это ведь не единственный фактор. Мы же интуитивно оцениваем, какой будет наша жизнь с этим конкретным партнером. А еще мы — сознательно или бессознательно — прикидываем, будет ли образ жизни с этим человеком шагом вперед по сравнению с образом жизни и привычками нашей жизни до вступления в брак.

Вы понимаете, к чему я клоню? Правильный выбор супруга очень важен и с точки зрения эволюции. По мере нашего духовного развития людям суждено сознательно выбирать себе супруга для создания дома и домашнего уклада, который представлял бы более прогрессивный образ жизни по сравнению с предыдущим поколением. На интуитивном уровне мы понимаем, что мы должны строить жизнь, учитывающую всю мудрость мира, в который мы входим. Непростая задача, не так ли?

Затем, когда нам посылаются интуитивные прозрения о ребенке, который хочет появиться на свет от нас, они всегда вызывают массу вопросов типа: «Почему этот ребенок хочет родиться именно в нашей семье? Кем этот ребенок намерен стать, когда вырастет? Как он сможет развить и расширить знания, полученные им от нас?»

— Подождите минутку, — произнес я. — Разве мы не должны проявлять заботу о том, во что могут превратиться наши дети? И если мы, руководствуясь самыми благими побуждениями, попытаемся навязать им какую-нибудь профессию, разве это пойдет им во благо? Моя мать, например, считала, что я должен стать сельским священником, но, как видите, жизнь сложилась иначе.

— Да, разумеется, все это только интуиция; действительность может лишь отчасти оправдывать наши ожидания. Но в точности они никогда не исполнятся. На протяжении многих и многих веков родители устраивали браки своих детей и чуть ли не силой заставляли их выбирать профессию. Видите ли, это было всего лишь неверным использованием реальной интуиции. И вот теперь мы можем учиться на их ошибках. Мы ведь не обладаем исчерпывающей информацией о наших детях и не собираемся устанавливать за ними тотальный контроль. Напротив, интуиция иногда показывает нам как бы развернутые картины из будущего наших детей, хотя я полагаю, что ваша мать если и ошиблась в отношении вас, то не слишком сильно.

Я рассмеялся. О, конечно, она почти угадала!

— Итак, вы сами видите, к чему это все приводит. Нам же между тем известно, что пока будущие мать и отец интуитивно прикидывают, как именно ребенок воспользуется их мудростью и жизненным опытом и сумеет ли развить его, нерожденная душа поступает точно

так же, получая опыт предвидения своего предназначения на Земле. И только после этого происходит зачатие.

Ани быстро взглянула на меня.

— Помните пару влюбленных, которую мы видели у водопада?

— Да, конечно.

— И что вы об этом думаете?

— Мне показалось, что все было тщательно продумано.

— Да, вы правы. Если пара решила зачать ребенка, чтобы привести в мир душу, о которой им поведала интуиция, то физический акт представляет собой слияние энергетических полей, в которых в момент оргазма как бы открываются врата неба, что позволяет душе войти в мир.

Я еще раз задумался над тем, что видел у водопада. Энергия обоих партнеров объединилась, и из нее начала развиваться новая точка энергии.

— В материалистическом, так называемом научном, мировосприятии, присущем внешним культурам, — продолжала Ани, — сексуальное соединение обычно сводится к грубой биологии, к простому физиологическому акту. Но мы, жители Шамбалы, знакомые с духовной энергией, понимаем, что происходит на самом деле. Двое влюбленных соединяют свои энергетические поля, и в результате такого слияния появляется на свет ребенок.

Впрочем, ваша наука предпочитает говорить о зачатии как о случайной комбинации генов, и порой это напоминает некие искусственные испытания в лабораторной пробирке. На самом деле гены матери и отца комбинируются друг с другом так, чтобы рожденный ими ребенок имел черты, синхронно совпадающие с главной миссией всех троих. Вы меня понимаете? Ребенок рождается для выполнения миссии, которую его душа видела в пренатальном прозрении, и гены соединяются вполне определенным образом, чтобы ребенок обладал склонностями и талантами, необходимыми для выполнения его миссии. Ученые внешних культур со временем найдут способ доказательства реальности этого процесса.

Вот почему чисто физическое комбинирование генов в лабораториях является столь опасным. Помощь в борьбе с недугом — это одно, но произвольное комбинирование генов для усиления интеллекта или таланта исходит из человеческого Я и может привести к страшным последствиям.

Я убеждена, — сказала Ани в заключение, — что мы, жители Шамбалы, относимся к родительским обязанностям с предельной серьезностью. В идеале интуиция будущих родителей и интуиция ребенка должны тесно взаимодействовать друг с другом, чтобы наилучшим образом подготовить ребенка к исполнению его главной миссии на Земле.

Ее слова заставили меня задуматься о случаях исчезновения душ сразу после зачатия, имеющих место в Шамбале.

— А как вы думаете, что происходит при исчезновении души сразу после зачатия? — спросил я.

Ани вздрогнула и посмотрела, плотно ли закрыта дверь в комнату Таши.

— Этого я не знаю. Может быть, на этот вопрос сможет ответить отец Таши.

У меня возник еще один вопрос, и я опять спросил:

— Я не вполне понимаю, кто может уйти и жить при храмах, а кто должен оставаться на кольцах?

Моя собеседница засмеялась.

— Я понимаю, это может показаться довольно странным. Наша культура делится на тех, кто учит, и тех, кого призывают в храмы. Многие из тех, кто живет в храмах, часто, иногда через каждые несколько дней, навещают свои семьи, особенно если у них есть дети. Ситуация ведь может измениться в любую минуту, и главное — положиться на интуицию. Избранники,

работающие в храмах, могут вернуться и продолжить учить, а обитатели колец могут перенестись в храмы. Во всем этом проявляется изменчивая синхронистичность.

Она сделала паузу, но я умоляюще посмотрел на нее, и она продолжила рассказ:

— Следующий этап в жизни — стремление помочь ребенку появиться на свет. Помните, что все мы в большей или меньшей мере забываем, зачем мы пришли в этот мир и какова наша главная миссия в жизни, поэтому для ребенка в момент его рождения должны быть созданы определенные исторические условия.

Очень важно вписать ребенка в конкретный контекст жизни, чтобы он знал, что происходило на Земле до его появления на свет и что происходит сейчас. Это в первую очередь хроника его собственной семьи на протяжении нескольких поколений. Все эти сведения мы записываем на устройстве наподобие вашей видеокассеты, вот только хранятся они на электронных носителях.

Так, например, Таши мог увидеть своих предков до седьмого колена, которые рассказывали ему о своей жизни, о сбывшихся и неисполнившихся снах, а также о конце своей жизни и о своих различных миссиях. Это исключительно важная информация, редкая возможность для младших узнать о своих предках. Она помогает молодым определить направление своей жизни, извлекая уроки из их ошибок и постигая мудрость людей, живших до них. Таши многому научился у своих предков, хотя самым любимым его родственником остается бабушка.

Я был в восторге.

— Записать и снять родственников — это просто замечательно. Я просто удивляюсь, почему эта прекрасная мысль нам не пришла в голову!

— У вас на это просто не остается времени; вы ведь до самой последней минуты упорно избегаете разговоров о смерти, и часто оказывается уже слишком поздно. Да, жизнь во внешних культурах очень часто сосредоточена на материальном, а не на самом течении жизни. Со временем, когда внешние культуры начнут понимать значение высоких вибраций и научатся развивать свои молитвенные поля, вы оцените важность этого. А сегодня вы в основном сводите жизнь к повседневным, сиюминутным заботам, тогда как на самом деле она представляет собой непрерывный таинственный и насыщенный информацией процесс.

Ани дала мне понять, что за ее словами таилось некое более глубокое значение.

— Вы должны непременно избежать этого и сосредоточить все внимание на происходящем с вами. Вы оказались в Шамбале в тот момент, когда начинается великое преображение. Отец Таши пришел в наш дом затем, чтобы поговорить с Таши о его будущем и ситуации, сложившейся в храмах. Но интуиция самого Таши пока что не подсказывает ему, что его место в храмах. Напротив, его куда больше увлекает идея побывать в вашем внешнем мире. И в самый разгар этих событий появляетесь вы. Во всем этом скрыт некий смысл.

Не успел я Хорошенько обдумать все сказанное Ани, как оба мы услышали вдали какой-то странный шум, который вскоре смолк.

Ани казалась смущенной.

— Это нечто такое, чего я никогда прежде не слышала.

По спине у меня забегали мурашки.

— Мне кажется, это вертолет, — проговорил я.

И я собрался было рассказать ей о моем сне, но она опять заговорила.

— Нам надо спешить, — сказала Ани. — Вы должны понять, кто мы и какую культуру создали. Мы с вами говорили о том, как важно для молодежи помнить череду поколений предков, живших до них. С историей своих предков обитатели внешнего кольца Шамбалы знакомятся очень рано, когда в них только еще просыпается индивидуальная духовность и понимание того, во имя чего они пришли в этот мир. — Ани подняла палец. — Все обитатели

Шамбалы понимают, что развитие человечества основано на череде сменяющих друг друга поколений. Одно поколение создает определенный уклад жизни и ставит некие задачи, следующее решает их и расширяет картину мира. К сожалению, представители внешних культур только еще начинают относиться к этому с должной серьезностью. Гораздо чаще случается так, что родители стремятся к тому, чтобы дети были похожи на них и придерживались их взглядов. Это желание можно считать вполне естественным, ибо мы хотим, чтобы дети следовали по выбранному нами пути. Но увы, этот процесс часто приобретает антагонистический характер. Родители критически относятся к интересам детей, а дети отвергают старомодный образ жизни родителей. Чаще всего дело обстоит так. Дети наблюдают за жизнью своих родителей и думают: «Мне их образ жизни в основном нравится, но кое-что я сделал бы по-другому». У всех детей рано или поздно возникает убеждение, что в жизни их родителей чего-то не хватает. И складывается следующая ситуация: дети стараются убедить родителей, что их жизнь нуждается в изменениях, стремятся внести в жизнь человечества нечто новое, и процесс перемен, таким образом, начинается с того, что мы испытываем неудовлетворенность своей жизнью.

И тем не менее никакого антагонизма здесь быть не должно. Поняв сущность течения жизни, мы можем поступать вполне сознательно. Родители должны с готовностью воспринимать критику со стороны детей и поддерживать их устремления. Конечно, для этого родителям необходимо расширить свой кругозор и мышление, стремясь развиваться вместе со своими детьми, что достаточно нелегко.

Это я уже слышал. Ани попыталась чуть отойти от своей точки зрения, чтобы лучше объяснить мне суть процесса эволюции. Я задал ей еще несколько вопросов, и она рассказала мне в деталях о жизни во внешних кольцах Шамбалы. Она пояснила, что после того как дети знакомятся с историей и хроникой своей семьи, следующим этапом их эволюции становится расширение созидательной силы молитвенного поля точно так же, как это делал я. Затем они выбирают один из путей деятельности во благо своей культуры, становясь либо учителями во внешних кольцах, либо развивая молитвенные поля в храмах.

— Таким же со временем станет и образ жизни во многих внешних культурах, — продолжала она. — Некоторые посвятят себя обучению детей, другие изберут одну из множества отраслей человеческой культуры, чтобы способствовать приближению ее к духовному идеалу.

Я хотел было задать ей еще несколько вопросов о Том, чем занимаются обитатели храмов, но в этот момент дверь комнаты Таши распахнулась. Появился Таши, а следом за ним вышел его отец,

— Отец хотел видеть вас, — произнес Таши, взглянув на меня.

Мужчина за его спиной слегка поклонился, и Таши представил нас друг другу, а затем они оба сели за стол. Отец Таши был одет в традиционный наряд: на нем были штаны из козьей шкуры и накидка тибетских пастухов. Правда, его одежда была удивительно чистой, так и сверкая желтовато-коричневым цветом. Он был невысокого роста, кряжистый, но в его умных глазах светилось выражение почти юношеского задора.

— Вам известно, что Шамбала сейчас находится на пороге великого преобразования? — спросил он.

Я перевел взгляд с него на Ани.

— Мне известно лишь то, что говорится о нем в легендах.

— Легенды гласят, — возразил мой новый собеседник, — что в определенный момент эволюции Шамбалы и внешних культур произойдет великое преобразование. Но такое преобразование возможно лишь тогда, когда сознание внешних культур достигнет определенного уровня. Как только это случится, Шамбала придет в движение.

— Придет в движение? — переспросил я. — Как вы это себе представляете?

Он только улыбнулся.

— Этого никто не знает.

Его слова вызвали у меня досаду и раздражение, а также странное головокружение. Несколько мгновений я никак не мог смотреть в одну точку.

— Он еще недостаточно окреп для этого, — сказала Ани.

Отец Таши обернулся ко мне.

— Я нахожусь здесь не случайно. Интуиция подсказывает мне, что очень важно, чтобы Таши перед таким преображением присоединился к нам, обитателям храмов. Легенды утверждают, что настанет эпоха великих возможностей и в то же время страшного зла. Все то, что мы создавали и создаем в храмах, на время будет уничтожено. И мы ничем не сможем помочь. — Он бросил взгляд на своего сына. — Это случится именно тогда, когда положение дел во внешних культурах станет критическим. Много раз на протяжении тайной истории человечества люди в своем духовном развитии достигали этого момента, но затем сбивались с верного пути и возвращались в ничтожество. Они начинали злоупотреблять техническими средствами, искажая естественный ход эволюции.

Например, сегодня некоторые представители внешних культур грубо нарушают естественный процесс выращивания пищи и вызывают генетические изменения, манипулируя семенами с мутантными характеристиками. Это делается прежде всего для того, чтобы запатентовать новые сорта семян и взять их производство под контроль на рынке зерна.

То же самое творится и в фармацевтической промышленности, когда известное лекарственное растение, доступное всем, изменяют на генетическом уровне с целью продажи. Плоды этих манипуляций, попадая в естественную энергетическую систему нашего тела, могут вызвать ужасные последствия для здоровья. То же относится и к продуктам питания, выращенным в зонах с повышенной радиоактивностью, повышенным содержанием хлора и других добавок, не говоря уж о так называемых биостимуляторах роста.

Одновременно с этим информационные технологии в средствах массовой информации достигли уровня, на котором они оказывают громадное влияние на жизнь общества. Если масс-медиа служат только интересам корпораций и коррумпированных политиков, они предлагают населению искаженную и ложную картину мира. По мере слияния корпораций, способных взять под контроль все больше и больше масс-медиа и размещающих заведомо ложную рекламу, эта проблема будет все более обостряться.

Особенно опасна ситуация, когда государство даже в демократических странах регулирует деятельность масс-медиа. Администрация, вынужденная бороться с террористами и торговцами наркотиками, все больше и больше вторгается в частную жизнь граждан. Уже сегодня оборот наличных денег ограничен, а Интернет взят под полный контроль. Следующим этапом станет насильственное установление режима безналичной оплаты и тотальный контроль центральной власти над обществом.

Такое стремление к централизованной, абсолютно бездуховной власти в виртуальном мире высоких технологий, оторванном от природных процессов, в котором пища, вода и исконный образ жизни искажаются и появляются искусственные заменители, неизбежно ведет к катастрофе. Когда здоровье становится заложником коммерческого отношения к пище, новых болезней и пристрастия к наркотикам, это означает, что близок Армагеддон, как это уже не раз случалось в доисторические времена. Он может случиться вновь, на этот раз в гораздо более широком масштабе. — Он улыбнулся. — Но в этом нет фатальной неизбежности. В самом деле, осознав это, мы сделали пусть маленький, но шаг к выходу из тупика. Если мы все проникнемся мыслью о том, что мы существа духовного плана, живущие в духовном мире, то пища, здоровье,

масс-медиа и проблемы государственной власти вновь займут подобающее им место в процессе эволюции и совершенствования этого мира. Но для того чтобы это произошло, внешним культурам необходимо осознать всю важность развития молитвенного поля. Они должны понять то, над чем мы работаем в храмах. Преображение Шамбалы — составная часть этого процесса, и такую возможность нельзя упускать. — Он пристально посмотрел на Таши. — Чтобы достичь этого, ваше поколение должно объединиться с двумя предыдущими и создать единое мощное молитвенное поле, включающее в себя и окончательное единение всех религий.

Таши заметно смутился, а отец тем временем подошел вплотную к нему.

— Во всем мире поколение, родившееся в первые десятилетия двадцатого века, то самое, которое наши друзья на Западе называют поколением Второй мировой войны, благодаря своему мужеству и техническому прогрессу спасло демократию и свободу от угрозы диктатуры, стремящейся к установлению новой империи. Они победили, опираясь на свою техническую мощь, и продолжали распространять передовые технические идеи по всей мировой экономике. Им на смену на Землю пришло поколение, которое в Америке называют поколением молодых бунтарей. Интуиция подсказала ему, что концентрация усилий исключительно на материальном, на развитии техники бесплодна и недостаточна. А еще она сказала, что окружающая среда страшно загрязняется, что влияние корпораций на государственную власть недопустимо велико, а контроль со стороны спецслужб излишне строг.

Столь критическое отношение к реальности было для этого поколения вполне нормальным средством, позволяющим вести мир по пути прогресса. Люди этого поколения выросли в условиях агрессивного материализма или в странах, стремившихся к материальному благополучию, и не замедлили отреагировать на это. Они провозгласили идею о том, что жизнь — это нечто большее, чем материальные блага. За внешней историей человечества проглядывала духовная цель, которую необходимо было выразить более четко.

Так вот, за всеми бурями, сотрясавшими Запад в шестидесятые и семидесятые годы, стояли отвержение системы ценностей, основанной на материальных благах, активный интерес к другим религиям, популярность философии, прорыв в области представлений о возможностях человека. Все это явилось результатом целой серии пророчеств, открывавших куда более широкие перспективы, чем те, что доступны для сторонников материалистических взглядов.

Создавалось впечатление, что ему прекрасно известно о моем отношении к пророчествам.

— Интуитивные прозрения молодых бунтарей были очень важны, — продолжал он, — так как они утратили интерес к технике и материальному благополучию, опираясь на интуитивное постижение того, что техника на нашей планете существует только ради поддержки материальной культуры, а мы, люди, должны сосредоточиться не столько на проблемах выживания, сколько на собственном духовном развитии.

Он сделал небольшую паузу.

— И вот теперь, начиная с конца семидесятых и на протяжении восьмидесятых, в мир пришло новое поколение, которому предстоит поднять человеческую культуру на новую ступень. — Он обратился к Тайши: — Ты и твои сверстники — последние представители этого поколения. Понимаешь ли ты, какую миссию вам предстоит исполнить в этом мире?

Пока Таши размышлял над ответом, я задумался, а как бы я ответил на этот вопрос. Для сыновей и дочерей поколения бунтарей характерны своеобразная реакция на идеализм и амбивалентность к технике, присущие их родителям. Они куда более прагматичны, и свойственная им страсть к технике приобрела невиданные масштабы.

Вероятно, хозяева хотели услышать мое мнение по этому поводу. Таши в знак согласия кивнул.

— Мы чувствуем, что у развития техники должна быть некая духовная цель, — сказал он.

— А теперь, — произнес отец Таши, взглянув на нас, — скажите мне, как, по-вашему, все три поколения могут объединить свои усилия? Поколение Второй мировой войны боролось против тираний и доказало, что демократия способна не только процветать в современном мире, но и распространяться по всей планете, объединяя экономические системы всех регионов мира. Затем, в эпоху процветания, в мир пришли бунтари, чтобы заявить, что существуют и другие проблемы, что мы непоправимо губим окружающий мир и утрачиваем связь с живой природой и духовной реальностью, сквозящей за всеми бурями внешней истории.

И вот теперь в мир пришло поколение, призванное опять сосредоточить свои усилия на экономике и на преобразовании техники, с тем чтобы она способствовала дальнейшему развитию наших интеллектуальных и духовных возможностей точно так же, как это происходит у нас, в Шамбале, вместо того чтобы допустить концентрацию всех достижений новейших технологий в руках тех, кто может воспользоваться ими для ограничения свободы и контроля над массами.

— Но ведь это новое поколение само не вполне сознает, во имя чего оно трудится, — возразил я.

— Да, пока еще не совсем, — отозвался отец Таши. — Но его интеллектуальные возможности и сознание расширяются с каждым днем. Мы своими молитвенными полями обязаны помочь их развитию. Это будет громадное и мощное поле. Новое поколение обязано помочь нам объединить все мировые религии.

Это очень и очень важно, ибо всегда найдутся псевдовожди, готовые манипулировать этим поколением ради негативного использования новейших технологий и стремящиеся воспользоваться разобщенностью его представителей.

Усевшись перед столом, мы вновь услышали слабый рокот вертолетов. Они были еще далеко.

— Итак, преображение начинается, — сказал отец Таши, взглянув на него. — К нему необходимо тщательно подготовиться. Мне бы очень хотелось, чтобы поколение, которое ты представляешь, способствовало нашему общему продвижению по пути эволюции. Тебе предназначена особая роль — познакомить внешние культуры с достижениями Шамбалы. Но решить, что и как тебе делать, можешь только ты сам.

Таши смущенно отвернулся.

Отец подошел к нему и положил руку ему на плечо. Затем он попрощался с Ани и вышел из дома.

Таши проводил отца взглядом, пока тот не закрыл за собой дверь, а затем убежал в свою комнату.

Я следом за Ани вышел в сад. В голове у меня созрело множество вопросов.

— Куда ушел отец Таши? — спросил я для начала.

— Он готовится к преображению, — обернувшись ко мне, отвечала она. — Это может оказаться нелегким делом. Возможно, все мы перенесемся куда-то в другое место. В храмах есть немало мудрых, готовых прийти нам на помощь.

Я покачал головой.

— А как вы думаете, что может произойти?

— Этого никто не знает, — отозвалась она. — В легендах об этом ничего не сказано. Нам известно лишь то, что преображение должно произойти.

Неопределенность вызвала у меня отток энергии, и я без сил опустился на ближайшую скамью. Ани подошла ко мне и села рядом.

— Я знаю, что вам надо делать, — произнесла она. — Вы должны продолжить поиски заключительной части Четвертой ступени. А все остальное как-нибудь уладится само собой.

Я кивнул, едва переводя дух.

— Сосредоточьтесь на том, что вы узнали здесь. Вы сами видели, какого уровня способно достичь развитие техники. Теперь вам предстоит познакомиться с тем, как наша культура относится к течению жизни, к чуду рождения и эволюции сознания. Вы сможете убедиться в том, что в этом высшее вдохновение и источник радости.

Богатства материальной культуры внешних цивилизаций — бледная тень по сравнению с этим. Мы существа духовного плана, и наша жизнь должна быть сосредоточена на постижении тайн семьи, таланта и нашей миссии на Земле. Теперь вы знаете, как выглядит такая культура.

Легенды гласят, что познание путей эволюции культур резко расширяет молитвенное поле человека и повышает его энергетiku. Теперь, когда вы приобщились ко всему и можете видеть, как ваше поле простирается перед вами, активизируя явления синхронистичности и способствуя тем самым развитию других людей, вы можете делать это с большей уверенностью, ибо вы уже убедились, что в этом процессе сможем участвовать все мы, если сохраним верность истине и сумеем избежать страха и ненависти.

Ани оказалась права. Мое поле скоро восстановилось.

— Но я ведь еще не видел всего — сказал я

— Конечно, нет. Вы должны прежде достичь заключительную часть Четвертой ступени. Этого достаточно. Ваше молитвенное поле способно стать более мощным, — ответила она.

В этот момент мы вновь услышали рокот лопастей вертолетов, и этот звук поверх меня в ужас. Вертолеты явно приближались. Но как же это возможно? Как они смогли узнать, где находится Шамбала?

— Будь они прокляты, — проговорил я. Лицо Ани исказилось от испуга.

— Вы слишком разгневаны, — отозвалась она.

— Ну, знаете ли, трудно не прийти в негодование, зная, что творит китайская военщина!

— Это ваш страх и привел их сюда. Я уверена, что вы сами и вызвали их появление.

Я мысленно вспомнил все то, что пытался растолковать мне Инь.

— Пожалуй, да. Я постоянно думал об этом. Я заметил, что она сильно обеспокоена.

— Вы должны попытаться исправить это, — сказала Ани. — Но не слишком полагайтесь на свои собственные силы. Это посылает негативный молитвенный импульс, не позволяя вам выправить положение. Наоборот, вы должны попросту игнорировать свой страх. Вам необходимо помнить об этой проблеме, сохранять бдительность и осторожность и в то же время развивать молитвенное поле, с помощью которого вы сможете разрушить прежние негативные образы.

Я понимал, что это слишком узкая тропа и движение по ней потребует активной работы сознания.

— И что мне теперь делать? — спросил я.

— А каковы ваши намерения?

— Я собирался отправиться в храмы.

Мне опять вспомнился мой недавний сон, и я наконец рассказал его Ани.

— Вам приснилось, что вы отправились в храмы вместе с Таши? — переспросила она.

— Да, — отвечал я.

— Хорошо, — проговорила она. — Не кажется ли вам, что вы должны сообщить ему об этом?

Я подошел к стене, за которой находилась комната Таши, и постучал.

— Войдите, — отвечал он, и передо мной появилось отверстие.

Таши лежал на кровати и потягивался. Увидев меня, он тотчас сел и жестом предложил мне присесть на один из стульев напротив. Я уселся на него.

Несколько мгновений Таши не решался прервать молчание, словно ощущая весомость слов. Наконец он проговорил:

— Я все еще не решил, как мне поступить...

— Чего же ты хочешь? — спросил я.

— И сам не знаю. Я в полном замешательстве. У меня из головы не выходит желание побывать там, во внешних культурах. Мама говорит, что я сам должен сделать выбор. Как жаль, что рядом нет бабушки!..

— Где же твоя бабушка?

— Вероятно, в одном из храмов.

Мы помолчали, время от времени обмениваясь взглядами. Наконец Таши произнес:

— Если бы я мог понять один недавний сон! Я вздрогнул.

— Сон? Какой сон?

— Мне снилось, что я у кого-то в гостях. Яиц окружающих я разглядеть не мог, но признавал, что одна из них — моя сестра. — Он сделал паузу и продолжал: — Я видел местность, залитую водой. Каким-то образом я очутился в чадной из внешних культур...

— Мне тоже приснился сон, — отвечал я. — Ты был со мной. Мы отправились в один из храмов... он был небесно-синим... и мы увидели в нем кого-то...

На лице Таши появилась улыбка.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он. — Что я должен отправиться в храмы, вместо того чтобы путешествовать по внешним культурам?

— Отнюдь нет, — отвечал я. — Я имел в виду совсем другое. Ты как-то сказал мне, что считается, будто, побывав в храмах, уже невозможно попасть во внешние культуры? А вдруг на самом деле это не так?

Он повернулся ко мне.

— Вы хотите сказать, что можно отправиться в храмы и попробовать оттуда отправиться во внешний мир?

Я молчал.

— Пусть будет так, — решил он, вставая. — Может быть, это действительно мое призвание.

9

ЭНЕРГИЯ ЗЛА

Не успели мы выйти из комнаты Таши, как рокот вертолетов стал еще сильнее.

Войдя в дом, Ани достала из кладовой три тяжелых рюкзака и вручила их нам вместе с двумя плащами. Я заметил, что они сделаны из обычных тканей и прошиты нитками. Я собрался было спросить ее об этом, но она поспешила выпроводить нас из дома и провела к тропинке, ведущей налево.

Пока мы шли вместе, Ани, шагая рядом с Таши, говорила о его решении отправиться в храмы. Между тем рокот вертолетов раздавался уже совсем близко, и тут голубое небо над нами затянули густые облака.

Я спросил Ани, куда мы направляемся.

— В пещеры, — отвечала она. — Вам потребуется некоторое время, чтобы подготовиться.

Спустившись по скалистому склону, мы пересекли оконечность долины и поднялись на невысокое плато с другой ее стороны. Здесь Ани провела нас в небольшой овражек, и мы замерли, прислушиваясь. Вертолеты немного покружили над скалами и направились прямо в нашу сторону. Через мгновение они зависли у нас над головами.

Ани казалась очень испуганной.

— Что случилось? — спросил я.

Ничего не ответив, Ани быстро выбралась из оврага и велела нам следовать за ней. Мы пробежали добрых полмили и оказались в какой-то холмистой местности. Здесь мы остановились, чтобы перевести дух и оглядеться. Вертолеты, как и прежде, покружили над скалами и опять зависли над нашими головами.

Порыв холодного ветра едва не сбил меня с ног. В тот же миг вся наша одежда, за исключением тяжелых плащей, соскользнула с наших тел.

— Я так и знала, что это может случиться, — сказала Ани, доставая из рюкзаков запасную одежду.

На моих ногах ботинки почему-то уцелели, а Таши и Ани остались босыми. Ани дала сыну одну пару кожаной обуви, а другую надела сама. Закончив переодевание, мы продолжили путь, поднимаясь все выше в горы, пока наконец не выбрались на плоскую площадку. Начинаясь сильный снегопад, температура быстро снижалась. Вертолеты, кажется, тоже сбились с курса. Зеленая прежде долина теперь была покрыта густым снегом, и мороз наверняка безжалостно уничтожил все растения.

— Это результат воздействия энергии китайских солдат, — грустно сказала Ани. — Их энергия разрушила наши защитные поля.

Подняв глаза на вертолеты, я ощутил новый приступ гнева. Они немедленно отреагировали и направились прямо на нас.

— Пойдем скорее! — крикнула Ани.

Я подвинулся поближе к небольшому костру, поеживаясь от утренней свежести. Мы прошагали еще целый час и провели ночь в маленькой пещере. Несмотря на несколько слоев теплой одежды, я здорово замерз. Таши сидел рядом со мной, а Ани сквозь узкое отверстие печально посмотрела на окружающий простор. Снег валил вот уже несколько часов.

— Все пропало, — произнесла Ани. — Теперь здесь не осталось ничего, кроме льда.

Я осторожно подошел к проему пещеры и выглянул. То, что еще несколько часов назад было цветущей зеленой долиной с многими сотнями домиков, превратилось в заснеженную скалистую пустыню. Тут и там виднелись сломанные деревья, но никаких красок, кроме белой и черной, не было и в помине. Все дома попросту исчезли, река, протекавшая в самом центре долины, покрылась льдом.

— Температура, вероятно, снизилась градусов на шестьдесят, — проговорила Ани.

— Что же произошло? — спросил я.

— Как только китайцы обнаружили нас, энергия их мыслей и ожидания ледяной погоды разрушили поле, созданное нами для поддержания умеренно теплого климата. Как правило, энергетика полей, создаваемых обитателями храмов, была вполне достаточной для того, чтобы отогнать китайцев, но, видимо, мудрецы сочли, что настало время преобразования.

— Что? Мудрецы сознательно допустили это?

— У них не было другого выхода. После того как вам и многим другим было разрешено войти в Шамбалу, мы потеряли способность не допускать сюда солдат. Вы еще недостаточно стойки для того, чтобы подавлять в сознании любые негативные мысли. Вот китайцы и последовали за вами.

— Вы хотите сказать, что во всем виноват я? — ошарашено спросил я.

— Не огорчайтесь. Это тоже часть преобразования.

Я был расстроен. Вернувшись к костру, я сел. Ани опустилась рядом со мной. Таши тем временем приготовил похлебку из сушеных овощей.

— Вы должны понять, — сказала Ани, — что с обитателями Шамбалы ничего не случится. Все это мы ожидали заранее. С нами все будет хорошо. К тому же из храмов пришло немало мудрецов, чтобы через особые окна в пространстве увести жителей Шамбалы в безопасное

место. Наши легенды подготовили нас к этому испытанию. — Ани указала рукой на долину. — Вы должны сосредоточить все мысли на том, что вам предстоит. Вы с Таши должны добраться до храмов и при этом не попасть в лапы военных. Человечество должно узнать о том, над чем трудились мудрецы Шамбалы.

Она замолчала, и мы опять услышали едва различимый рокот вертолета. Рокот становился все слабее и наконец исчез вдали.

— Вы должны быть крайне осторожны, — продолжала она. — Я полагаю, вы понимаете, что нельзя позволять негативным образам проникать в ваше сознание. Это в особенности относится к гневу и злобе. Рано или поздно вам придется научиться преодолевать свой гнев.

Я хотел было о чем-то спросить ее, но вдруг сквозь проем пещеры заметил, что по заснеженному склону, справа от нас, поднимаются несколько десятков человек.

Ани поднялась на ноги.

— Нельзя терять ни минуты, — решительно сказала она. — Я должна идти. Мой долг — помочь этим людям выбраться отсюда. Твой отец будет ждать меня.

— А разве ты не можешь пойти с нами? — спросил Таши, подойдя к ней.

Я заметил, что у него в глазах блеснули слезы.

— Не могу, — отвечала она, крепко обняв его — Мое место здесь; я должна помогать путникам. Но не расстраивайся. Я обязательно найду тебя.

Подойдя к проему пещеры, она обернулась, — С вами все будет в порядке, — сказала она. — Но будьте очень осторожны. Если вы поддадитесь приступу гнева, вы не сможете восстановить свою энергетику. У вас не должно быть врагов.

Она остановилась и взглянула на меня, а затем сказала то, что мне уже не раз приходилось слышать в этом путешествии.

— Помните, — с улыбкой произнесла она, — что вам помогут.

Таши, обернувшись, улыбнулся мне. Мы пробирались по глубокому снегу. Мороз быстро усиливался, и я попытался повысить свою энергетику. Чтобы подняться на вершины гор, где располагались храмы, нам надо было спуститься с кручи, на которой мы сейчас находились, пересечь ледяную долину и подняться по почти отвесной стене на одну из вершин. Мы без особых трудностей преодолели более четверти мили и теперь приближались к кромке горной гряды. Прямо под нами зиял крутой обрыв высотой добрых пятьдесят футов.

Таши обернулся и посмотрел на меня.

— Видимо, нам придется попробовать съехать с него. Другого пути нет.

— Нет, это слишком опасно, — возразил я. — Ведь под снегом могут оказаться камни. Если мы просто покатаемся вниз, мы вполне можем разбиться. — Моя энергетика заметно упала.

Таши нервно улыбнулся.

— Да все будет в порядке, — проговорил он. — Все будет хорошо. Главное — не бояться. Просто мысленно представьте себе, что все пройдет благополучно. Ваш страх может лишь вынудить дакини держаться поблизости от нас.

— Подожди минутку, — проговорил я. — Мне, никто об этом не говорил. Что ты имеешь в виду?

— Разве вам не помогали таинственным, необъяснимым путей?

— Инь говорил, что мне помогает Шамбала.

— В чем же дело?

— Я не понимаю связи. Я хотел бы понять, что заставляет дакини помогать нам.

— Об этом известно только обитателям храмов. Но я знаю, что страх всегда заставляет этих стражей держаться поблизости, если мы хоть отчасти сохраняем веру в спасение. Зато наша ненависть отпугивает их.

Таши слегка подтолкнул меня к кромке обрыва, и мы заскользили по рыхлому снегу. Нога моя наткнулась на камень, я перевернулся и кувыркком покатился по склону. Я понимал, что если на такой скорости ударюсь головой о камень, меня ничто не спасет. Но несмотря на все страхи, я мысленно представлял себе, что все закончится благополучно.

При этой мысли у меня возникло странное чувство, и все мое существо заполнило ощущение мира и покоя. Страх бесследно исчез. Через несколько мгновений я достиг подножия горы и шлепнулся в снег. Таши упал прямо на меня. Несколько мгновений я пролежал с закрытыми глазами; а затем медленно приоткрыл их, пытаясь вспомнить опасные ситуации, в которые я попадал в своей жизни и в которых меня посещало чувство покоя.

Таши тем временем выбирался из сугроба. Я с улыбкой взглянул на него.

— В чем дело? — спросил он.

— В этом и впрямь что-то есть:

Встав на ноги, Таши принялся отряхиваться, а затем произнес:

— Видите, как все обошлось, когда вы представляли себе только благополучный исход?! С этой тайной не идет ни в какое сравнение тот временный прилив сил, который дает гнев!

Я кивнул, дав себе слово всегда помнить об этом.

В последующие два часа мы пробирались по заснеженной долине, перешли через замерзшую реку и начали подниматься по отлогому склону у подножия горы. Снегопад заметно усилился.

Внезапно Таши остановился.

— Там, впереди, что-то движется, — проговорил он.

— Что же это было? — спросил он.

— Что-то похожее на человека. Пошли скорее. Мы подошли к самому подножию горы. Ее вершина возвышалась над нашими головами на добрых две тысячи футов.

— Здесь где-нибудь должен быть перевал, — произнес Таши. — Перебраться через вершину мы не сможем.

В этот момент мы услышали прямо перед собой шум падающих камней. Переглянувшись, мы с Таши медленно двинулись в сторону больших расщелин. Осмотрев последнюю из них, мы увидели человека, отряхивающего с одежды снег. Вид у него был усталый. Одно его колено было обмотано окровавленной повязкой. Я не мог поверить своим глазам, Это был Уил!

— Не беспокойся, — сказал я, обернувшись к Таши. — Я знаю этого человека. — Затем я повернулся в сторону Уила и крикнул.

Он, услышав нас, прижался к боковой стене, готовый, несмотря на раненую ногу", в любой момент броситься от нас наутек.

— Это я! — крикнул я и назвал свое имя.

Уил на мгновение выпрямился, а затем снова опустился на снег. На нем были толстый белый плащ и прочные защитные штаны.

— Ты появился как раз вовремя, — проговорил Уил, улыбаясь. — Я ждал, что ты придешь.

Таши подошел к нему и осмотрел ногу. Я познакомил их. Затем я как можно более кратко рассказал Уилу обо всем происшедшем со мной: о том, как я встретил Иня, спасался бегством от китайцев, учился развивать энергетические поля, прошел через врата и наконец достиг колец Шамбалы.

— Я уж не знал, где и искать тебя, — продолжал я, указывая рукой на заснеженную долину. — И вот теперь все уничтожено. Это результат влияния китайцев.

— Я знаю, — отозвался Уил. — Мне уже приходилось спасаться от них.

И он стал рассказывать о своих приключениях. Как и я, он научился максимально развивать свое молитвенное поле, и ему было разрешено войти в Шамбалу. Он побывал и в другой части

колец, жил в одной семье и углубился в изучение легенд.

— Попасть в храмы очень трудно, — произнес Уил. — Особенно теперь, когда всюду шныряют китайские солдаты. Мы должны убедиться в том, что в нашем молитвенном поле нет ничего негативного. — Он пристально взглянул на меня: — Вот почему твоим спутником был Инь. Неужели он не сказал тебе, что может случиться?

— Мне казалось, я и сам понимаю, как избежать активных образов страха. Видно, падение моей энергетики вызвало гнев против китайских солдат.

Уил еще больше встревожился и хотел было что-то сказать, но в этот момент мы услышали рокот вертолетов. Они явно приближались. Мы начали карабкаться на гору, пробираясь между огромными каменными глыбами и снежными сугробами. Все вокруг казалось очень хрупким и ненадежным. Мы поднимались уже минут двадцать, не проронив ни слова. Ветер стал еще сильнее, и снег так и хлестал нам в лицо.

Уил остановился и опустил на одно колено.

— Слышишь? — проговорил он. — Что это такое?

— Это опять вертолеты, — отвечал я, сам испугавшись своего волнения.

Прислушавшись, мы поняли, что вертолеты пробились сквозь нависающую пелену облаков и теперь направляются прямо к нам.

Уил, слегка прихрамывая, продолжал подниматься по заснеженному склону, а я на мгновение замер, услышав сквозь рокот вертолетов что-то еще. Это было похоже на шум товарного поезда.

— Смотри! — крикнул Уил, обращаясь ко мне. — Это лавина!

Я попытался отбежать в сторону, но было слишком поздно. Мощная снежная волна ударила мне в лицо и опрокинула навзничь. Волна понесла меня, то и дело переворачивая и засыпая с головой или, наоборот, выталкивая на поверхность грохочущей лавины.

И когда я совсем было смирился с тем, что все погибло, я почувствовал, что лавина остановилась. Я не мог пошевелиться. Мое тело было полностью завалено глубоким снегом. Я попытался сделать вдох, но воздуха не было. И я понял, что смерть близка.

Но в этот момент кто-то наткнулся на мою откинутую правую руку и принялся откапывать меня. Я почувствовал, что рядом тоже активно работали лопатами, и вскоре откопали мою голову. Я жадно вдохнул свежий воздух, смахнул снег с ресниц и открыл глаза, ожидая увидеть Уила.

Не тут-то было. Вокруг я увидел добрую дюжину китайских солдат, один из которых по-прежнему держал меня за руку. А за их спинами я увидел полковника Чаня, направлявшегося ко мне. Не проронив ни слова, он жестом приказал остальным солдатам поднять меня в вертолет, зависший у нас над головой. С вертолета спустили веревочную лестницу, и несколько солдат быстро поднялись на борт и сбросили большую сетку. Меня уложили в нее, полковник подал знак, и меня подняли на борт вертолета. Следом за мной поднялись остальные солдаты. А через несколько минут мы были уже далеко...

Я выглянул в небольшое, размером с амбразуру, окошко в палатке с теплоизоляцией размером тридцать на тридцать футов. Я насчитал семь больших палаток и три малых контейнера, которые легко можно перемещать по воздуху. В углу палатки горела бензиновая печка. Я заметил, что слева от нас садилось еще несколько вертолетов. Снегопад почти прекратился, но толщина снега достигала уже двенадцати — четырнадцати дюймов.

Я посмотрел налево. По очертаниям гор вокруг я понял, что меня увезли самое большее в центр бывшей долины. Полночный ветер яростно завывал, неистова хлопая внешними стенами палатки.

Когда меня привезли сюда, меня накормили, заставили вымыться под чуть теплым душем и

переодеться в теплую, китайскую униформу и шерстяное нижнее белье. И я наконец согрелся.

Я оглянулся на вооруженного китайского охранника, сидевшего у двери. Его глаза следили за каждым моим движением, а его холодный, колючий взгляд, казалось, проникал мне в душу. Чувствуя усталость, я отошел в угол и сел на одну из армейских кроватей. Я попытался оценить сложившуюся ситуацию, но мне никак не удавалось собраться с мыслями. Я был растерян и настолько перепуган, что никак не мог прийти в себя. Я никак не мог понять, что повергло меня в такую прострацию. Это был настоящий панический ужас, какого мне еще не доводилось испытывать.

Попытавшись собраться и хоть немного восстановить свою энергетику, я понял, что мне это никак не удастся. Тусклые лампочки, свешивающиеся на Шнуре с потолка, распространяли слабый дрожащий свет и бледные тени. Вокруг не было ни малейших признаков красоты.

Дверь палатки открылась, и охранник мигом вскочил на ноги. Вошел полковник Чань. Скинув свой плащ, он кивнул охраннику, а затем посмотрел на меня. Я отвел глаза.

— Нам надо поговорить, — произнес он, пододвигая раскладной стул и усаживаясь фугах в четырех от меня. — Мне хотелось бы получить ответы на некоторые вопросы. Итак, — он холодно посмотрел на меня, — с какой целью вы оказались здесь?

Я решил отвечать как можно правдивее.

— Я здесь изучаю и собираю тибетские легенды. Впрочем, я уже говорил вам об этом.

— Вы искали Шамбалу, не так ли?

Я промолчал.

— Не здесь ли она находится? — опять спросил он. — Не в этой ли долине?

Во мне опять зашевелился страх. Что меня ждет, если я откажусь отвечать?

— А разве вы не знаете? — спросил я. Чань слегка усмехнулся:

— Я полагаю, вы и остатки вашей незаконной секты считаете, что это и есть Шамбала. — Он казался озадаченным, как будто пытаюсь припомнить что-то. — Мы видели здесь и других людей, но им удалось в густой снегопад ускользнуть от нас. Где они? Куда они направлялись?

— Этого я не знаю, — отвечал я. — Я не знаю даже, где мы, находимся.

Полковник подвинулся поближе ко мне. — Мы обнаружили остатки растений, которые совсем недавно росли в этих местах. Как это возможно? Неужели они могли вырасти здесь, в снегах? Я не отвечал.

Полковник холодно продолжал: — Но что вам хотя бы из легенд известно о Шамбале?

— Очень немного, — отвечал я.

— А вот мне известно о ней немало. Возможно, вы мне не поверите, «о я имею доступ ко всем древним текстам, и смею вас уверить, что это удивительно интересно, но всего лишь как мифология. Вы только подумайте: идеальное общество, состоящее из просвещенных людей, достигших в интеллектуальном плане более высокой степени развития, чем все прочие культуры на нашей планете.

Мне известно и другое, например, идея о том, что обитатели Шамбалы каким-то образом получили таинственную власть творить добро, помогающее всему человечеству и толкающее его вперед по пути эволюции. Звучит фантастически, не правда ли? О, эти древние знания можно было бы даже поддерживать если бы... если бы они не были столь опасными для жителей Тибета.

Не кажется ли вам, что если бы все это было реальностью, мы непременно обнаружили бы его? Бог, дух... все это пустые детские бредни. Взять хотя бы тибетскую мифологию, рассказы о дакини или мысль о том, что ангелы — это существа, общающиеся с нами, помогающие нам.

— А во что верите вы? — спросил я, пытаюсь взвесить ситуацию.

Он поднял голову.

— Я верю в силу разума. Вот почему вы должны рассказать мне все, чтобы помочь нам. Нас более всего интересует идея психической энергии, сфера войн, испускаемых мозгом, и их влияние на людей и электронику на большом расстоянии. Но только не путайте это со спиритизмом. Сила разума — естественный феномен, который можно изучать и исследовать научным путем.

Свою речь он закончил гневным жестом руки, что вызвало у меня новый приступ страха и отчаяния. Я понимал, что этот человек крайне опасен и совершенно беспощаден.

Он посмотрел на меня, но в этот момент мое внимание привлекло что-то на стене палатки, за спиной полковника Чаня, прямо напротив двери, у которой стоял стражник. Лампочка над моей головой слабо мигнула, и я подумал, что всему виной колебания напряжения.

Полковник встал и сделал несколько шагов по направлению ко мне. Вид у него был очень сердитый.

— Неужели вы думаете, что мне доставляет удовольствие болтаться по этим смежным пустыням? Как они могли тут жить — это меня не касается. Но мы отсюда не уйдем. Мы хотим расширить этот лагерь. У нас вполне достаточно войск для того, чтобы обшарить каждый дюйм этой долины. И со всеми, кого мы поймаем, мы будем поступать с предельной жесткостью. — Он попытался улыбнуться. — Но наших друзей мы готовы поощрять. Вы меня понимаете?

В этот момент волна страха вновь охватила все мое существо, но теперь это был совсем другой страх. Страх, смешанный с презрением. Я начинал испытывать ненависть к злу, творимому человеком.

За его плечом, на стене, я увидел светлое пятно. Оно было плоским и изрезанным тенями. Затем свет исчез, и я почувствовал себя в полном одиночестве.

— По какому праву вы так поступаете? — спросил я. — Тибетский народ имеет право на сохранение своих религиозных верований. А вы пытаетесь разрушить их культуру. Зачем вы это делаете? — Я почувствовал, что гнев придает мне новые силы.

— Это ваше личное мнение, — отозвался полковник. — Беда в том, что оно слишком наивно. Вы усматриваете в наших действиях нарушение прав. Но ведь ваше собственное правительство занято поиском путей тотального контроля. Взять хотя бы чипы, вживляемые в тела солдат и ничего не подозревающих смутьянов. И это еще не все. — Он почти перешел на крик. — Нам известно, что когда человек думает, его мозг испускает особые ментальные волны. Правительства всех развитых стран работают над созданием систем, способных улавливать эти волны, особенно вызванные гневом и антиправительственными настроениями.

Его слова вызвали у меня трепет. Он говорил как раз о том ошибочном использовании мозговых волн, о котором меня предупреждала Ани и от которого погибли некоторые ранние цивилизации.

— Известно ли вам, почему правительства так называемых демократических стран тоже занимаются этим? — продолжал он. — Да потому, что они боятся своего народа куда больше, чем мы. Граждане нашей страны понимают, что задача правительства в том и состоит, чтобы управлять. Они согласны, что при этом приходится ограничивать некоторые свободы. А жители вашей страны уверены, что никто не вправе посягать на их личные свободы. Допустим, что в прошлом так оно и было, но сегодня, в мире высоких технологий, когда бомба, уместяющаяся в чемоданчике, может уничтожить огромный город, все изменилось. При таком уровне свобод человечество просто не сможет выжить. Развитие общества и ценности, признанные в нем, необходимо взять под контроль во имя общего блага. Вот почему легенды о Шамбале столь опасны. Они основаны на неограниченном саморазвитии.

Пока он говорил, мне показалось, что за моей спиной открылась дверь, но я не мог повернуться. Все мое внимание было приковано к этому человеку, в его словах звучал манифест

худшей из современных тираний, и чем больше он говорил, тем сильнее во мне закипал, гнев.

— Вы просто не способны понять, — произнес я, — что люди могут обрести внутренние мотивы для того, чтобы творить добро.

В ответ он цинично рассмеялся:

— Да неужели вы верите в эту чепуху?! История не дает никаких свидетельств того, что люди могут руководствоваться чем-то, кроме эгоизма и корысти.

— Если бы вы расшивались в духовном плане, вы смогли бы усмотреть в мире массу добра. — Мой голос буквально дрожал от гнева.

— Нет-нет, — резко отмахнулся он. — Духовность создает массу проблем. Пока существует религия, меж-

ду людьми не может быть единства. Вы меня понимаете? Каждая религиозная конфессия — это своего рода пройденный этап на пути прогресса. Все религии враждуют между собой. Христиане тратят все свое время и деньги на то, чтобы обратить всех в свою веру, провозглашающую неизбежность воздаяния за грехи. Иудеи хотят навечно остаться в изоляции в мечтах о собственной богоизбранности. Мусульмане помышляют о всеобщем братстве, объединении правоверных и священной войне. А мы на Востоке со всей нашей мистикой хуже их всех. Мы отвергаем реальный мир ради блаженной внутренней жизни, которую никто толком не понимает. И во всем этом хаосе метафизики никому нет дела до реального прогресса, до облегчения бремени нищеты, до забот о том, чтобы каждый тибетский, ребенок получил образование.

Но ничего, подождите, — продолжал он, — Мы обязательно найдем решение всех этих проблем. И вы просто обязаны помочь нам. С тех пор как Уилсон Джеймс навестил вас в Америке, мы следим за всеми вашими перемещениями, а также за действиями голландцев. Я заранее знал, что вы появитесь здесь и будете замешаны во всем этом.

Я был сильно изумлен.

— Да-да, нам известно о вас буквально все. Мы в Америке работаем куда активнее, чем вы думаете. Ваша разведка способна взять под контроль Интернет. Но неужели вы думаете, что мы не можем сделать то же самое? Вы и вся ваша секта никуда от меня не денетесь. Как вы думаете, как мы смогли отыскать вас в такую погоду? Да благодаря силе разума. Моего, естественно. Где бы вы ни очутились, я всегда найду вас. Даже здесь, в этой заснеженной глуши, вам не укрыться от меня. Я чувствую ваше присутствие. Сначала я выследил вашего дружка Иня. А теперь пришел ваш черед. В первый момент я даже не мог понять, что он имеет в виду, но затем мне вспомнилось, как я побывал в китайском доме в Али. Солдаты положили меня под какую-то установку.. Меня охватила новая волна страха, но буквально через миг она превратилась в приступ отчаянного гнева.

— Вы — сумасшедший! — воскликнул я.

— Да, конечно, по-вашему, я сумасшедший. Но будущее за мной. — Он придвинулся вплотную ко мне, его лицо так и пылало от возбуждения и гнева. — Довольно этой дурацкой невинности! Вы должны рассказать мне все. Вы меня поняли? Абсолютно все!

Я понимал, что Чань вряд ли рассказал бы мне обо всем так подробно, если бы собирался выпустить меня, но в тот момент я уже не думал об этом. Я разговаривал с чудовищем, и меня захлестнула волна ярости. И я уже совсем было собрался обрушить на него свои проклятия, как вдруг откуда-то из дальнего угла комнаты услышал голос:

— Не делай этого! Это ослабит тебя! Полковник удивленно обернулся; я посмотрел в ту же сторону. Там, у двери, стоял другой охранник, а рядом с ним, возле маленького столика, — Инь. Охранник сбил его с ног.

Я вскочил и бросился к Иню, а полковник, отрывисто сказав что-то по-китайски

охранникам, быстро вышел из палатки. На лице Иня были заметны синяки и ссадины.

— Инь, как ты себя чувствуешь? — спросил я, помогая ему подняться и сесть на постель.

— Да все нормально, — отозвался он, потянув меня за руку, чтобы я сел рядом с ним. — Они схватили «ас сразу же после того, как вы ушли. — Его глаза так и сверкали от волнения. — Ну, расскажите, что с вами случилось потом. Вам удалось найти Шамбалу?

Я предупреждающе прижал палец к губам.

— Они скорее всего оставили нас наедине именно для того, чтобы подслушать, о чем мы будем разговаривать, — прошептал я. — Наверняка всюду понатыканы подслушивающие устройства. Здесь нам нельзя говорить.

— Нет, мы должны рискнуть, — отвечал Инь. — Пойдемте поближе к печке. Тут достаточно шумно. Расскажите мне, что же с вами случилось?

В последующие полчаса я рассказал ему об удивительном мире, который я обнаружил в Шамбале, а затем, перейдя на чуть слышный шепот, упомянул о храмах.

Глаза Иня широко раскрылись от изумления.

— Значит, вам не удалось узнать всего, о чем гласит Четвертая ступень?

Я покачал головой:

— Это известно только обитателям храмов.

И я рассказал ему о Таши и Уиле, а также обо всем, что поведала мне Ани об учении, создаваемом обитателями храмов.

— И что же еще она сказала? — спросил Инь.

— Она настаивала, что у нас не должно быть врагов, — отвечал я.

На лице Иня появилась гримаса боли, и он проговорил:

— Но ведь вы держали себя с полковником как раз наоборот. Вы пытались обрести силу в гневе. Такие же ошибки допускал и я. Вам просто повезло, что он не пристрелил вас на месте.

Я опустил голову, понимая, что, мри эмоции действительно вышли из-под контроля.

— Вспомните, как ваши негативные ожидания привели к тому» что вы не побеседовали с голландской четой из грузовика и тем самым упустили важное проявление синхронистичности. Тогда у вас возникло опасение, что они могут причинить вам зло. А они восприняли ваше ожидание и, в свою очередь, почувствовали, что если они остановятся, это может плохо кончиться для них. И они решили уехать.

— Да, я помню.

— Любое негативное предположение или ожидание, — продолжал Инь, — возникающее у нас по отношению к другим людям, есть своего рода молитва, которая исходит от нас и действительно вызывает негативные реакции у человека, на которого она направлена. Помните, что наши интеллекты взаимосвязаны и наши мысли и ожидания заставляют других поступать именно так, как мы ожидаем от них. Вот почему у вас возник конфликт с полковником. Вы ведь всегда ожидали от Него только зло.

— Подожди минутку. Я просто сказал ему, кто он на самой деле.

— На самом деле? И какая же это часть его личности? Его это или его высшее Я, душа?

Увы, Инь был прав. Это было именно то, о чем говорит учение уже знакомого мне Десятого пророчества, но я действовал вопреки ему.

— Когда мне удавалось бежать от него, — сказал я, — он неизменно преследовал и находил меня. Он говорит, что в этом ему помогает разум и интуиция.

— Но вы, наверное, думали о нем? — спросил Инь. — Ждали, что он будет вас преследовать?

— Конечно, думал.

— Ну вот. Помните, со мной происходило то же самое. И тем не менее вы опять повторяете

ту же ошибку. Ваши собственные ожидания и вызвали в сознании Чаня мысли о том, где вы находитесь. Источником их было ваше эго, но Чань воспринял их, потому что вы ждали — то есть как бы молились, — что он найдет вас.

Видите ли, — продолжал Инь, — мы много раз говорили об этом. Наше молитвенное поле постоянно работает в мире, посылая наши ожидания, и в случае контакта с другим человеком эффект следует почти мгновенно. К счастью, как я уже говорил, такая негативная просьба не столь сильна, как позитивная, ибо, посылая ее, вы сразу же отсекаете себя от энергии собственного высшего Я, и результат не замедлит сказаться. Это таинственный процесс, напоминающий ваше Золотое правило.

Я ничего не мог понять. Через некоторое время я понял, что он, в сущности, ссылается на заповедь Библии поступать с другими так же, как вам хотелось бы, чтобы они поступали с вами. Но я все таки не находил здесь связи и попросил его объяснить поподробнее.

— Это правило, если ему следовать, — продолжал Инь, — способно создать благоустроенное общество. Верно? Оно является этической заповедью. Но кроме того, существует и подлинно духовная, энергетическая и даже кармическая причина, выходящая далеко за рамки благих пожеланий. Этому правилу необходимо следовать и потому, что оно влияет на нас самих. — Он сделал выразительную паузу, а затем продолжал: — Более полно это правило можно выразить так: «Воздействуйте на других так же, как вы хотели бы, чтобы они воздействовали на вас, ибо от ваших мыслей и отношения к ним зависит то, как они будут относиться к вам. Поэтому молитва-пожелание, которую вы посылаете, принесет вам именно то, чего вы ожидаете». Я кивнул. Кажется, я начал кое-что понимать.

— Взять хотя бы случай с полковником. Когда вы решили, что он — носитель зла, ваша молитвенная энергия вступила в контакт с его энергией и повлияла на его действия. И он, естественно, держал себя именно так, как вы от него и ожидали, то есть гневно и беспощадно. Так как полковник не связан с глубинной энергией Божественного начала, энергия его Я очень слаба и неактивна. Вот он и принимает ту роль, которую вы от него ожидаете. Вспомните, как происходит развитие человеческой культуры. И здесь очевиден тот же эффект. Помните, что мы, люди, постоянно обмениваемся мыслями и обычаями. Все они очень «заразительны». Когда мы смотрим на других и делаем решительный вывод о том, что они слишком толсты или худосочны, ничего не достигли, угрюмы или просто бедно одеты, мы тем самым направляем на них негативную энергию, и они начинают думать то же самое о себе самих. Мы все причастны к тому, что можно было бы назвать энергией зла. Такова заразительность негативной просьбы.

— Но что же нам тогда делать? — возразил я. — Неужто мы должны принимать все таким, как есть?

— Да, конечно, мы должны принимать всё таким, как есть, но главное — мы должны немедленно изменить наши ожидания и вместо того, что есть, воспринимать то, что может быть. Во время стычки с полковником вам следовало понять, что, даже несмотря на то что он служит злу и отрезан от всего духовного, его высшее Я иногда способно напоминать о себе. Именно к нему вам и следовало обращаться, расширяя свое молитвенное поле, чтобы повысить его энергетическую и сознательную. Вы обязаны всегда обращаться к этому состоянию сознания, независимо от того, что вы видите на самом деле.

Инь сделал выразительную паузу и улыбнулся, что показалось мне довольно странным, если вспомнить синяки и ссадины, покрывавшие его лицо.

— Неужели они били вас? — спросил я.

— Это пустяки по сравнению с тем, чего я от них ожидал, — отвечал он, сделав акцент на последних словах. — Теперь вы понимаете, как все это важно? — спросил Инь. — Пока вы не осознаете этого, вы не сможете продвинуться ни на шаг. Гнев — это всегда искушение. Он

кажется справедливым и даже заставляет наши Я думать, будто мы становимся сильнее. Вам необходимо подняться над этим. До тех пор, пока вы не научитесь избегать любых негативных ожиданий, вы не сможете достичь наивысших уровней творческой энергии. В мире и так достаточно зла, и увеличивать его неосознанными действиями совершенно незачем. В тибетском законе сострадания заключена великая истина.

Я отвел взгляд, понимая, что в словах Иня немало суровой правды. Да, я опять позволил гневу овладеть мной. И почему только это случается вновь и вновь?

Инь строгим голосом продолжал:

— Есть еще один важный момент. При попытке скорректировать собственные контрпродуктивные действия (в нашем случае гнев и проклятия) очень важно не выдвигать никаких негативных ожиданий относительно наших возможностей. Вы понимаете, что я имею в виду? Если мы будем сосредоточиваться на парализующих мыслях типа «Я не смогу справиться с этой проблемой»

или «Я всегда так поступал», мы останемся на прежнем уровне. Напротив, мы должны быть уверены, что сумеем достигнуть более высокого уровня энергетики и решить все проблемы. С помощью энергии молитвенного поля мы должны подняться на более высокую ступень. — Инь уселся поудобнее и продолжал: — Это урок, который я извлек из случившегося. Я никак не мог возвыситься до понимания того сочувствия, с которым лама Ридждэн относится к китайской администрации. Китайцы ведь разрушили нашу страну, и я горел желанием уничтожить их. Мне никогда не доводилось заглянуть китайским солдатам в глаза, чтобы понять, что они несчастные люди, пленники тиранического режима.

Но когда я задумался об их жизни и общественном строе, я наконец научился не увеличивать энергию зла моими собственными негативными ожиданиями. Я смог возвыситься до нового взгляда на них и на себя самого. И возможно, именно благодаря ему я и понял, что вам тоже необходимо научиться этому.

Я проснулся от шума, раздававшегося в лагере. Кто-то укладывал железные бочки или канистры. Мигом вскочив и одевшись, я взглянул на дверь. Охранники уступили место двоим дюжим солдатам. Они сонно уставились на меня. Подойдя к окну, я выглянул на улицу. День был хмурым и пасмурным, ветер неистово завывал. Ё соседних палатках явно что-то происходило, дверь в одну из них была открыта. Из нее вышел полковник и направился к нашей палатке.

Я быстро подскочил к койке Иня. Он потягивался, стараясь сбросить сон.

— Полковник направляется к нам, — проговорил я.

— Я постараюсь помочь вам, — отвечал Инь. — Но вы должны создать своим молитвенным полем другие ожидания, относительно него. Это ваш единственный шанс.

Откидная дверь распахнулась, и солдаты вытянулись по стойке «смирно». Войдя в палатку, полковник жестом приказал им выйти. Он взглянул сначала на Иня, а затем на меня.

Сделав несколько глубоких вдохов, я попытался как можно больше расширить свое поле. Я мысленно представил, как энергия растекается от меня, и решил относиться к полковнику не как к тюремщику, а как к душе, исполненной страха.

— Я хотел бы узнать, где находятся эти храмы, — негромким голосом произнес он, снимая плащ.

— Вы можете увидеть их только тогда, когда ваша энергия поднимется на достаточно высокий уровень, — отвечал я, высказав первую мысль, пришедшую мне в голову.

Полковник выглядел обескураженным.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сами говорили мне, что верите в силу разума. Так вот, это одна из тех сил, которые

способны повысить вашу энергетику.

— Какую энергетику?

— Вы говорили, что волны мозга реальны и ими можно манипулировать с помощью специальной машины. Но что, если ими можно управлять посредством наших намерений, сделав их более сильными, чтобы повысить нашу энергетику?

— Неужели это возможно? — спросил он. — Наука до сих пор не знала ничего подобного.

Я не мог поверить своим глазам. Сознание полковника начало раскрываться! Выражение его лица показывало, что он пытается понять смысл моих слов.

— И однако это возможно, — продолжал я. — Волны мозга или какие-то другие волны, исходящие от нас, могут быть усилены до такого уровня, когда мы сможем напрямую влиять на происходящее.

Он вздрогнул.

— Вы хотите сказать, что вам известно, как использовать волны мозга, чтобы вызвать те или иные события?

Пока он говорил это, я увидел на стене палатки за его спиной знакомое сияние.

— Да, — продолжал я. — Но только такие, которые ведут нашу жизнь в должном направлении. Иначе энергия мгновенно падает.

— В должном направлении? — переспросил он. Светящееся пятно на стене палатки становилось все ярче, и я не удержался и перевел глаза на него. Полковник это заметил.

— Что вы там видели? — спросил он. — Объясните, что вы имели в виду под словами «в должном направлении». Я считаю себя свободным человеком. Я могу распоряжаться своей жизнью, как мне угодно.

— Да, разумеется; вы совершенно правы. Но есть некое дело, которое увлекает и вдохновляет вас более всего, принося куда больше удовлетворения, чем все остальные, не так ли? — Я не сомневался, что сияние за его спиной стало еще ярче, но опасался взглянуть туда.

— Я решительно не понимаю, о чем вы говорите, — произнес полковник.

Он выглядел смущенным, и я продолжал концентрировать внимание на той части его личности, которая слушала меня.

— Да, мы свободны, — произнес я. — Но мы ведь несем в себе высшее Я, с которым мы можем вступать в контакт. Наше истинное Я гораздо обширнее, чем мы думаем.

Он внимательно смотрел на меня. Видимо, где-то в глубине сознания он начинал понимать смысл услышанного.

В этот момент нас прервали. Охранники снаружи открыли дверь палатки. Судя по свисту ветра, я понял, что началась настоящая буря. Мы услышали грохот бочек, которые ветер катил по земле и переворачивал.

Один из охранников открыл дверь и что-то громко крикнул по-китайски. Полковник быстро подошел к нему. Через окно мы увидели, что ветер сорвал несколько палаток. Полковник обернулся и посмотрел на нас с Инем. В этот момент мощный порыв ветра прорвал стену палатки слева от нас и разодрал и опрокинул саму палатку, накрыв брезентом полковника с охранником и повалив их наземь.

На нас с Инем обрушились ветер и снег, проникшие в образовавшуюся дыру.

— Инь! — воскликнул я, — Дакини! Инь мгновенно обернулся.

— Это наш шанс! — отозвался он. — Бежим скорее!

— Пойдем, — отвечал я, взяв его за руку. — Нам надо держаться вместе.

Он слегка оттолкнул меня:

— Я не могу. Я буду вам только помехой.

— Мы сможем дойти вместе, — настаивал я.

Но Инь, стараясь перекричать ветер, отозвался: — Я сделал все, что мог. Теперь вы должны сделать все остальное. Мы ведь до сих пор не знаем всего, о чем говорит Четвертая ступень.

Я кивнул и быстро обнял его, а затем накинул тяжелый плащ полковника и через прореху в палатке выбежал навстречу буре.

10

ПУТЕВОДНЫЙ СВЕТ

Пробежав добрых сто футов в северном направлении, я обернулся и посмотрел на лагерь. Мой слух различил грохот железных бочек и обломков, а также испуганные крики и вопли солдат.

Прямо передо мной расстилалась сплошная белая пелена, и мне пришлось повернуть в сторону гор. Я услышал злобный крик полковника.

— Я найду тебя! — кричал он, перекрывая вой ветра. — Я тебе покажу!

Я как можно быстрее побрел вперед, пробираясь по глубокому снегу. Чтобы пройти какие-нибудь сто ярдов, мне потребовалось минут пятнадцать. К счастью, ветер был очень сильный, и это давало мне шанс, так как китайцы не могли поднять в воздух свои вертолеты.

И тут я услышал слабый звук. Сначала я подумал, что это ветер, но звук становился все громче. Я прижался к земле. Кто-то звал меня по имени. Наконец мои глаза заметили человека, бредущего навстречу ветру. Я узнал его. Это был Уил!

Я бросился навстречу и обнял его.

— Боже, как я рад тебя видеть! Как же ты нашел меня здесь?

— Я запомнил, в какую сторону полетел вертолет, — отвечал он, — и побрел за ним, пока не увидел лагерь. Мне пришлось провести здесь, в снегу, всю ночь. Если бы со мной не оказалось походной печки, я наверняка замерз бы. Я все пытался вычислить, где же ты можешь находиться. Но буран помог мне решить и эту проблему. Пойдем скорее, мы должны попытаться добраться до храмов.

Я медлил.

— Что такое, в чем дело? — спросил Уил.

— Там Инь, — отвечал я. — Он ранен.

Уил на мгновение задумался, вглядываясь в сторону лагеря.

— Они вполне могли устроить облаву, — проговорил он. — Мы не можем вернуться. Но мы обязательно попытаемся помочь ему. Дело в том, что если мы не успеем добраться до храмов прежде, чем там побывает полковник, все погибло.

— А что случилось с Таши? — спросил я.

— Мы расстались еще до того, как обрушилась лавина, — отвечал Уил, — но потом я видел, как он в одиночку поднимался в горы.

Мы прошли добрых два часа. Странно, но как только мы вышли из окрестностей китайского лагеря, ветер почти утих, хотя снег по-прежнему валил стеной. По пути я рассказал Уилу о том, что поведал мне Инь в палатке, и о забавном происшествии с полковником.

Наконец мы добрались до того самого места, где сошла снежная лавина. Мы обогнули его с запада и начали подниматься по склону.

Не проронив больше ни слова, Уил повел меня за собой. Еще часа через два он остановился и присел на снег за огромным сугробом, чтобы немного отдохнуть.

С трудом переводя дух, мы обменялись долгим пристальным взглядом. Уил, улыбнувшись, спросил:

— Ну как, понял, о чем говорил тебе Инь?

Я молчал. И хотя я сам был очевидцем случившегося с полковником, в это было трудно

поверить.

— Видимо, я посылая негативные мольбы, — проговорил я наконец. — Вот почему полковнику удавалось преследовать меня.

— Пока мы не избавимся от этого, мы не сможем двигаться дальше, — отвечал Уил. — Наша энергетика должна быть стабильно высокой, прежде чем мы сумеем постичь остальную часть Четвертой ступени. Нам следует быть предельно осторожными, чтобы мысленно не представлять себе проявлений зла в тех, кто одержим страхом. Мы должны относиться к этому как к несомненной реальности и соблюдать меры предосторожности, но если мы будем заикливаться на их негативных свойствах или рисовать в своем воображении образы, способные причинить нам вред, это станет источником энергии для их параноидальных состояний и может навести их на мысль действовать именно так, как мы и ожидаем. Вот почему так важно не допускать, чтобы в нашем сознании возникли образы зла, которое может с нами случиться. Ведь наши мольбы способны вызвать любое событие.

Я покачал головой, понимая, что сказанное полностью относится ко мне. И если это правда, то у всех нас появляется мощный стимул следить за каждой своей мыслью. Я поделился этими раздумьями с Уилом.

В ответ он чуть не засмеялся.

— Да, конечно, мы должны следить за каждой своей мыслью. Это необходимо для того, чтобы мы не упустили важные подсказки интуиции. В конце концов, для этого достаточно вернуться к состоянию осознанной готовности и мысленно представить себе, что сознание всех людей Достигло более высокого уровня. Легенды совершенно ясно говорят об этом. Чтобы достичь более высокой энергетики молитвенного поля, мы ни в коем случае не должны использовать ее в негативных целях. Пока мы не решим эту проблему, мы не сможем продвинуться вперед ни на шаг.

— И много легенд можно отнести к тебе? — спросил я. Отвечая на мой вопрос, Уил рассказал об опыте, обретенном им во время скитаний, и рассказал куда более подробно, чем прежде.

— Когда я побывал у тебя в доме, — начал он, — я был поражен, почему моя энергетика так резко упала по сравнению с уровнем, достигнутым при изучении Десятого пророчества. Затем я стал размышлять о Тибете и очутился в монастыре ламы Ридждэна, где встретил Иня и услышал о вещих снах. Разумеется, я многого не понимал, но мне просто снились такие же сны. Я знал, что ты тоже участвуешь в происходящем и что у тебя есть некая цель. И тогда я стал более внимательно изучать легенды и развивать свое молитвенное поле. Я собирался встретиться с тобой в Катманду, но заметил, что китайцы преследуют меня, и попросил Иня встретиться с тобой в отеле. Мне же оставалось лишь верить, что мы обязательно увидимся.

Уил сделал небольшую паузу, расправил белую нижнюю рубашку и поплотнее прикрыл ею колени. Я тем временем окинул взором бескрайние цепи заснеженных гор, обступавших нас. В облаках на какой-то миг образовался просвет, и утреннее солнце контрастно подчеркнуло светлые края горных склонов и прячущиеся в тень долины и ущелья. Этот величественный вид наполнил мою душу почти благоговейным трепетом; как ни странно, я чувствовал себя здесь дома, словно некая часть моей души наконец-то вспомнила и узнала эти места.

Взглянув на Уила, я заметил, что он пристально смотрит на меня.

— Может быть, — произнес Уил, — нам предстоит пройти через все, что говорится в легендах о молитвенном поле. Мы должны понять, как все это взаимосвязано.

Я кивнул.

— Все наминается, — продолжал он, — с осознания того, что наша молитвенная энергия вполне реальна, что она истекает из нас и по-своему влияет на мир.

Осознав это, мы должны понять, что поле, и, следовательно, наше влияние на окружающий мир, должно быть расширено. Но начинать все же необходимо с Четвертой ступени. Прежде всего мы должны исследовать качество получаемой энергии в физическом плане. Тяжелая, и переваренная пища вносит в наши клеточные структуры твердые кислотные соединения, снижая уровень вибраций и со временем вызывая болезни. Живая пища, напротив, является щелочной и заметно активизирует наши вибрации.

Чем нище наши вибрации, тем легче нам установить контакт с более тонкими энергиями, присутствующими в нас самих. Легенды утверждают, что со временем мы научимся вдыхать энергию более высокого уровня благодаря активному восприятию красоты мира. И чем выше будет наш уровень энергетике, тем больше красоты мы сможем увидеть. Мы научимся мысленно представлять, как эта энергия высокого уровня изливается из нас в мир, и критерием этого должно стать эмоциональное состояние любви.

Итак, мы возвращаемся к тому, что уже изучали в Перу. Но теперь мы знаем, что в результате создания мысленного образа энергии поле, распространяющееся вокруг нас, становится гораздо сильнее.

Вторая ступень развития начинается с того, что мы создаем такое расширенное поле для активизации в нашей жизни явлений синхроничности. Этого мы достигаем, пребывая в состоянии осознанной готовности и ожидания следующего проявления интуиции или совпадения, ведущего нас по жизни. Это ожидание распространяет энергию и значительно усиливает ее, так как мы можем приводить наши намерения в соответствие с основным процессам развития и эволюции, протекающей во Вселенной.

Третья ступень включает в себя ожидание того, что наше молитвенное поле, распространяясь, повышает энергетике других, позволяя им установить контакт с их собственным внутренним источником Божественного начала и с интуицией, обусловленной их собственным высшим Я. Конечно, это повышает вероятность того, что они могут дать нам интуитивную информацию, способную еще более повысить наш уровень синхроничности. Об этом говорит межличностная этика, с которой мы познакомились в Перу, но теперь мы умеем использовать молитвенное поле для повышения ее действенности.

Четвертая ступень начинается с осознания важности постоянного излияния нашей энергии, несмотря на ситуации, провоцирующие проявления страха и гнева. Этого мы достигаем благодаря некой отрешенности от любых событий, даже если мы и ожидаем, что поток событий, принесет их нам. Мы должны всегда стремиться к позитивному результату, постоянно ожидая, что поток событий во что бы то ни стало приведет нас к спасению. Такое состояние сознания помогает нам сфокусировать внимание на потоке событий, не допуская возникновения негативных образов, способных причинить нам вред.

Вообще говоря, если мы замечаем, что в нашем сознании возникают негативные образы, мы должны задуматься, не являются ли они интуитивным предостережением, и если да, то нам следует принять необходимые меры. Но при этом мы должны вернуться к ожиданию того, что высшие проявления синхроничности всегда помогут нам решить возникающие проблемы. Это позволяет сохранить наше поле и изливающуюся из нас энергию благодаря активному ожиданию, которое принято называть верой.

Таким образом, первая часть Четвертой ступени развития гласит, что мы должны постоянно поддерживать высокую энергетике. Усвоив это, мы сможем двигаться дальше и еще более повысить свою энергетике.

Следующий этап Четвертой ступени начинается тогда, когда мы достигнем полной уверенности в том, что человечество способно приблизиться к идеалу, выраженному в Десятом пророчестве, идеалу, моделью которого служит Шамбала. Дальнейшее повышение энергетике

приносит убежденность в правильности выбора. Вот почему столь важное значение имеет постижение Шамбалы. Понимание всего того, чего смогла, достичь Шамбала, укрепляет нашу веру в то, что и культура остального человечества способна достичь того же уровня. Уже сегодня мы видим, что человечество, достигнув высокого уровня развития техники, ставит ее на службу нашему духовному развитию и начинает сосредоточивать внимание на самом процессе жизни и на главной цели нашего пребывания на Земле — создании в этом мире культуры, которая признавала бы нашу роль в духовной эволюции и сумела бы научить этому своих детей.

Он остановился и быстро взглянул на меня.

— А теперь настал черед наиболее сложного этапа, — произнес он. — Чтобы развиваться дальше, мы должны совершить нечто большее, чем просто сохранять позитивный настрой и избегать проникновения в сознание негативных образов. Мы должны тщательно избегать негативных мыслей о других людях. Как ты уже мог убедиться, если наш страх превращается в гнев и мы начинаем видеть в других только дурное, возникает своего рода негативная мольба, которая пробуждает в них именно то, чего мы опасались. Вот почему преподаватели, ожидающие от своих студентов выдающихся достижений, обычно получают их, а те, кто ожидает негативных результатов, получают негативные.

Большинство людей полагают, что говорить о других что-нибудь дурное — плохо, а думать — ничего страшного. Но теперь мы знаем, что и думать так же плохо, как и говорить.

Пока Уил говорил об этом, я подумал о последней волне терактов в школах Соединенных Штатов, а затем поделился своими мыслями с Уилом.

— Дети, — отвечал он, — всегда более восприимчивы к влияниям, и учителям не следует больше игнорировать типичные стереотипы и конфликты. Когда на некоторых детей смотрят как на дурачков и козлов отпущения, они чувствуют такое отношение куда сильнее, чем взрослые. И это провоцирует в них взрывную реакцию.

Надо сказать, что подобное явление относится не только к детям, но и ко всей культуре человечества. Ибо только осознав влияние молитвенного поля, мы можем понять смысл происходящего. Дело в том, что наша энергетика постепенно повышается, и если мы не будем постоянно следить за своими ожиданиями, мы можем причинить огромный вред окружающим. — Уил замолчал и выразительно поднял бровь. — Видимо, поэтому мы и очутились здесь. Мне так кажется.

Я кивнул, понимая, насколько я ошибался относительно него.

— И куда же, согласно легендам, мы должны теперь направиться? — спросил я.

— К существам, которые меня особенно интересуют, — отвечал Уил. — Легенды гласят, что до тех пор рока мы не поймем, что такое дакини, мы не сможем расширить наше молитвенное поле.

Я коротко рассказал ему о моем собственном опыте, когда здесь, на Тибете, мне доводилось видеть странные фигуры и светящиеся зоны.

— Но ведь ты видел их и до приезда на Тибет, — возразил Уил.

Он был прав. В ту пору, когда мы странствовали в поисках Десятью пророчества, мне не раз помогали странные пятна света.

— Да, правда, — отозвался я, — еще тогда, когда мы с тобой странствовали в Аппалачах.

— И в Перу тоже, — добавил Уил.

Я попытался вспомнить, но память упорно не подсказывала мне ничего подобного.

— Ты же сам рассказывал мне, как ты однажды стоял на перекрестке, не зная, куда направиться, — проговорил он. — Но затем одна из дорог показалась тебе более привлекательной и даже светящейся, и ты выбрал ее.

— Ах да, — отозвался я, сразу же вспомнив тот случай. — Так ты думаешь, что это были

дакини?

Уил встал на ноги и поплотнее закутался в плащ. — Да, именно, — отвечал он: — Это те самые светящиеся пятна, которые часто указывают нам путь.

Я был ошарашен. Это значит, что если мы встречаем на пути какой-нибудь светящийся объект, который выглядит более ярким и привлекает наше внимание, или если с полки сама собой падает книга, то все это—дело рук дакини.

— А что еще говорится о дакини в легендах? — спросил я.

— Что они одни и те же существа в любой культуре и религии, как бы люди ни называли их.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Мы, например, называем их ангелами, — продолжал Уил, — но независимо от того, как их именуют, ангелами или дакини, это одни и те же существа... и ведут они себя всегда одинаково.

Я хотел было задать ему еще один вопрос, но в этот момент Уил бросился вверх по склону, обходя глубокие сугробы. Я последовал за ним. В голове у меня вертелась добрая дюжина вопросов, и мне не хотелось прерывать наш незаконченный разговор...

— Легенды говорят, что эти существа всегда помогали людям еще с сотворения мира. О них говорится в мистической литературе всех религий. По утверждению легенд, мы, люди, со временем научимся общаться с ними. И когда мы осознаем реальность их существования, дакини явят себя миру.

Он сделал особое ударение на слове «осознаем», желая обратить на него мое внимание.

— Но как же мы можем достичь этого? — спросил я, минуя каменную глыбу, загораживающую путь.

Уил, поднимавшийся впереди меня, остановился и подал мне руку, а затем проговорил:

— Те же легенды гласят, что мы должны осознать реальность существования дакини. Для нашего обыденного сознания этот не так просто. Одно дело — считать, что дакини или ангелы — это некие удивительные существа. И совсем другое — ожидать от них активной помощи на нашем жизненном пути.

— И что же в соответствии с этой легендой мы должны делать?

— С предельным вниманием относиться к любому сиянию.

— Значит, если мы достигнем высокого уровня энергетики и осознаем реальность дакини, — проговорил я, — мы сможем видеть такое сияние гораздо чаще?

— Верно, — отвечал Уил. — Самое трудное— это научиться замечать вокруг даже незначительное усиление света. Но если нам удастся это, мы сможем многого достичь.

Я задумался над его словами и, кажется, понял, что он имел в виду, но у меня возник вопрос.

— А как быть с теми случаями, — спросил я, — когда дакини или ангелы непосредственно вторгаются в нашу жизнь, хотя мы не ожидаем и, естественно, не сознаем этого? Со мной такое бывало.

И я стал рассказывать Уилу о странной высокой фигуре, которую я видел, когда Инь вытолкнул меня из джипа в окрестностях Али, и которая опять предстала мне, когда я наткнулся на горящий костер в развалинах монастыря накануне моего визита в Шамбалу. Уил в ответ кивнул:

— Тогда перед тобой предстал ангел-хранитель. Легенды гласят, что у каждого из нас есть свой ангел-хранитель.

Я замолчал, задумавшись.

— Выходит, мифы говорят правду, — произнес я наконец. — И у каждого из нас есть свой ангел-хранитель.

Мысли вихрем пронеслись в моей голове. Никогда еще реальность этих существ не была для меня такой очевидной.

— Но что заставляет их иногда помогать нам, — спросил я, — а не кому-то другому?

Вместо ответа Уил поднял бровь.

— А это, — проговорил он, — тайна, которую нам и предстоит постичь здесь.

Наконец мы добрались до вершины горы. Солнце, брезжившее за нашими спинами, стало пробиваться сквозь плотную завесу облаков, и мы почувствовали, что стало заметно теплее.

— Мне говорили, — сказал Уил, остановившись в нескольких шагах от вершины, — что храмы находятся с другой стороны этого склона. — Он умолк и взглянул на меня. — Эта часть пути может оказаться самой трудной.

Его слова прозвучали для меня загадкой.

— Почему это? — спросил я. — Что ты имеешь в виду?

— Мы должны сконцентрировать все свое внимание и поддерживать энергетику на максимально высоком уровне. Легенды говорят, что мы сможем увидеть храмы лишь в том случае, если наша энергетика будет предельно высока.

В этот момент мы услышали вдалеке рокот вертолетов

— И не забывай всего того, что уже узнал, — продолжал Уил. — Если ты будешь ожидать зла от китайских военных, если поддашься гневу или отчаянию, тебе необходимо подумать о душе каждого солдата. Мысленно представь себе, как твоя энергия изливается из тебя и перетекает в их поля, помогая им подняться на более высокий уровень и обрести доступ к высшей интуиции. В противном случае ты будешь посылать мольбы, которые лишь усилят энергию зла.

Я кивнул и огляделся. Итак, мне предстояло образовать позитивное поле.

— А теперь вспомни о дакини, поверь в их реальность и жди появления света.

Я взглянул на вершину, высившуюся совсем рядом, а Уил быстро продолжил путь. Добравшись до перевала, мы не увидели на другой его стороне ничего, кроме заснеженных вершин и ущелий. Мы внимательно осмотрели открывшуюся перед нами панораму. — Вон там, — проговорил Уил, указывая налево.

Слева, на кромке откоса, мерцало какое-то светящееся пятно. Напрягая зрение, я увидел, что вся эта площадка была освещена солнцем, и только. Но когда я взглянул на нее краем глаза, я понял, что она светила.

— Пойдем скорее, — проговорил Уил. Он подал мне руку, и мы побрели по глубокому снегу в направлении светящегося пятна.

Подойдя поближе, мы заметили, что сияние стало ярче. За ним виднелась гряда огромных каменных глыб, плотно примыкавших одна к яругой. Внимательно оглядев их, мы заметили, что одна из глыб несколько отступает от других, оставляя узкий проход, изгибающийся влево и ведущий вниз по склону. Уступы перед ним тоже светились, и снега на них почему-то не было.

— Видишь, дакини указывают нам путь, — произнес Уил, таща меня за руку.

Войдя в проход, мы начали медленно спускаться. По обеим сторонам громоздились глыбы высотой, двадцать, а то и тридцать футов, закрывавшие свет. Мы шли по уступам более часа, медленно спускаясь по склону, пока наконец над нашими головами не показался просвет.

В нескольких ярдах перед нами спуск кончался, и мы увидели ровную площадку. Мы очутились на плоском выступе, огибавшем гору слева. — Вон там, — опять сказал Уил, указывая мне рукой. Ярдах в двухстах перед нами виднелся старинный монастырь, лежавший в руинах. Казалось, ему было несколько тысяч лет.

Направившись к нему, мы почувствовали, что здесь совсем тепло, и над скалами поднимался густой туман. Прямо перед монастырем уступ заметно расширялся, образуя

просторную горизонтальную площадку, прижавшуюся к склону горы, Подойдя вплотную к развалинам, мы начали осторожно пробираться между обвалившимися стенами и огромными каменными глыбами до тех пор, пока не выбрались на другую сторону уступа.

Оказавшись здесь, мы замерли от неожиданности. Каменная площадка, по которой мы шли, уступила место гладкой мостовой из плоских камней желтоватого цвета, аккуратно уложенных на землю. Я взглянул на Уила. Он изумленно смотрел вперед. Прямо перед нами высился храм! В высоту он был футов пятьдесят, а в ширину — все сто. Стены его были буро-коричневого цвета, а стыки между огромными каменными блоками — серебристо-серые. На фасаде виднелись две громадные двери высотой пятнадцать или даже двадцать футов.

В волнах густого тумана, стелившегося перед храмом, мы заметили какое-то движение. Уил кивнул мне, приглашая следовать за ним. Мы подошли поближе. До храма оставалось ярдов двадцать, не больше.

— Там что-то движется. Ты видел? — спросил я.

Уил жестом указал мне на площадку прямо перед нами. В каких-нибудь десяти футах от нас виднелось нечто странное.

Я напряг зрение — это явно была человеческая фигура.

— Наверное, это один из адептов, живущих в храмах, — проговорил Уил. — Она вибрирует на более высоком уровне, чем мы. Вот почему мы можем видеть лишь ее очертания.

Через мгновение мы увидели, что фигура двинулась в сторону дверей храма и исчезла за ними. Уил тоже направился к дверям. Как оказалось, они были сделаны из особого камня, но когда Уил потянул дверь за ручку их резного камня, она открылась очень легко, словно была совсем невесомой.

Внутри храма мы очутились в большом круглом зале, пол которого уступами спускался к центру, где виднелось нечто вроде сцены. Оглядевшись по сторонам, примерно на полпути к сцене я заметил еще одну фигуру. Когда она обернулась, мы увидели ее лицо. Это был Таши! Уил направился прямо к нему.

Но не успели мы подойти к Таши, как прямо перед нами в центре зала возникло энергетическое «окно». В нем медленно возникло изображение, которое сразу же привлекло наше внимание. Оно было настолько ярким, что закрыло от наших глаз Таши. Это была панорама Земли из космоса.

Затем в «окне», медленно сменяя друг друга, появились панорама большого, вероятно, европейского, города, панорама американского сити и вид огромного азиатского города. Всюду мы видели массы людей, спешащих по шумным улицам, и всевозможные офисы и деловые конторы. Когда картинка в «окне» поменялась в очередной раз, показывая разные регионы нашей планеты, мы заметили, что уровни энергетики у людей, занятых работой или общением, медленно повышаются.

Затем мы увидели и услышали людей, переходящих от одного рода занятий к другому, следуя своей интуиции, обретающих в этом вдохновение и творческие силы, создавая новые и более эффективные технологии. В то же самое время мы видели и людей, подверженных страху, не желающих изменяться и стремящихся захватить власть.

Затем мы Оказались в конференц-зале какого-то исследовательского центра. Большая группа мужчин и женщин вела оживленную дискуссию. Прислушавшись, мы поняли, о чем они спорили. Большинство выступало в поддержку тесного сотрудничества между крупными масс-медиа и компьютерными компаниями, с одной стороны, и международными спецслужбами — с другой. Представители спецслужб доказывали, что борьба с терроризмом требует доступа к каждой телефонной линии, в том числе и к сетям Интернета, и к секретным программам в каждом компьютере, чтобы специалисты могли входить в них и читать любые файлы.

Но это было еще не все. Они хотели создать системы универсального контроля. Некоторые даже утверждали, что если проблема компьютерных вирусов не будет решена, то весь Интернет вместе со всеми подключенными к нему коммерческими компьютерными системами должен быть взят под полный контроль спецслужб. Доступ в него может контролироваться с помощью особых идентификационных номеров, которые станут обязательными для любого электронного бизнеса.

Кто-то предположил, что для этой цели потребуются новые идентификационные системы, например, основанные на анализе радужной оболочки или отпечатков ладоней, или даже некие программы, базирующиеся на анализе мозговых волн.

Двое участников, мужчина и женщина, решительно выступили против всех этих мер. Они упомянули об Апокалипсисе и о числе зверя...

Мы продолжали смотреть и слушать, и я понял, что могу даже видеть происходящее за окнами конференц-зала. По улице мимо высокого здания проехал автомобиль. Затем я увидел кактус и пустыню, расстилающуюся на сотни миль.

Я взглянул на Уила.

— Эта дискуссия: проходит где-то именно сейчас, — сказал он, — в реальном масштабе времени. Мне кажется, это напоминает юго-запад Штатов.

Прямо перед столом, за которым сидели участники, я заметил что-то непонятное. Пространство вокруг него расширилось. Нет, оно становилось более ярким.

— Дакини! — воскликнул я, обращаясь к Уилу.

Мы продолжали слушать. Дискуссия пошла по другому руслу. Внимание всех участников было теперь сосредоточено на двух противниках максимального расширения системы слежки. Сторонники тотального контроля были в замешательстве.

Внезапно мы оторвали взгляды от «окна». Наше внимание привлекла резкая вибрация, из-за которой вздрогнули пол и стены храма. Мы бросились к другой двери, видневшейся в стене зала, стараясь не заблудиться в облаках пыли. За нашей спиной послышался грохот падающих каменных глыб. Когда до двери осталось футов тридцать, она вдруг распахнулась, и из зала быстро выбежал высокий незнакомец.

— Это, наверное, Таши, — крикнул Уил на ходу, пока мы бежали к двери.

Едва мы выбежали из храма, как позади нас опять раздался оглушительный грохот. Обернувшись, мы увидели, что на месте стен клубились облака пыли. Неподалеку мы слышали рокот вертолетов.

— Вероятно, полковник опять преследует нас, — проговорил я. — Но я удерживаю в сознании только положительные образы. Как же ему это удастся?

Уил вопросительно посмотрел на меня, и я сразу вспомнил слова полковника Чаня о том, что он обладает такой системой, от которой никто не сможет спрятаться. Значит, он читал в моем мозгу.

Я немедленно рассказал Уилу обо всем случившемся, а затем сказал:

— Может быть, мне лучше отправиться в другую сторону, чтобы отвести солдат подальше от храмов?

— Нет, не стоит, — отвечал Уил, — Ты должен остаться. Ты нужен именно здесь. Мы должны остаться здесь до тех пор, пока не найдем Таши

Пройдя по каменной тропинке, мы миновали еще несколько храмов. И тут мои глаза заметили дверной проем слева от нас.

Уил обернулся и тоже заметил его.

— Что ты уставился на эту дверь? — спросил он.

— Сам не знаю, — отвечал я. — Просто я почему-то не могу оторвать от нее глаз.

Уил смерил меня недоверчивым взглядом.

— Я серьезно, — быстро сказал я. — Пойдем посмотрим, что там такое.

Вбежав в здание, мы обнаружили еще один круглый зал, значительно больше первого, диаметром в несколько сот футов. В центре его возникло такое же «окно». Обернувшись, я увидел Таши, стоявшего в нескольких ярдах справа от нас, и указал на него Уилу.

— Я вижу, — отозвался Уил, в полумраке направляясь в сторону мальчика.

Таши тоже обернулся, увидел нас и заулыбался, а потом опять перевел, глаза на картину, возникшую в «окне». На этот раз нашим глазам предстала комната какого-то подростка. Тут были картинки, мячи, разные игры, вешалки с одеждой. В углу виднелась неубранная постель, на краю стона лежала пустая коробка от пиццы. А за другим концом стола сидел парень лет пятнадцати. Он был занят сборкой какого-то устройства. Одет он был в шорты без рубашки; на его лице отражались гнев и раздражение.

Мы продолжали смотреть В «окне» возникла другая комната, где сидел другой подросток, одетый в джинсы и свитер. Он сидел на кровати, напряженно глядя на телефон. Он встал, несколько раз прошелся по комнате, а затем опять сел на кровать. Мне показалось, что он пытается что-то решить. Наконец он поднял трубку и набрал номер.

В этот момент «окно» раздвинулось, и мы смогли одновременно увидеть обе сцены. Парень без рубашки поднял трубку и ответил. Тот, что был в свитере, пытался извиниться, но его партнер рассердился еще больше. Вскоре парень без рубашки бросил трубку, сел к столу и продолжил свою работу.

Другой подросток вскочил, накинул куртку и выбежал за дверь. Через несколько минут в дверь парня, сидевшего за столом, постучали. Он поднялся, подошел к двери и открыл ее. Оказалось, что пришел тот же парень, что только что звонил ему. Хозяин комнаты попытался захлопнуть дверь, но его приятель подставил ногу и, делая умоляющие жесты, о чем-то заговорил, указывая на устройство, стоящее на столе.

Тогда хозяин оттолкнул его, выхватил из ящика пистолет и навел его на незваного гостя, который, отступив на шаг, продолжал о чем-то просить хозяина. Но тот злобно отшвырнул гостя к стене и приставил к его виску дуло пистолета.

В этот момент мы заметили, что позади них что-то происходит. Вокруг стало гораздо светлее.

Таши, встретившись со мной глазами, ничего не сказал, продолжая наблюдать за происходящим в «окне». Мы сразу поняли, что это знак того, что дакини рядом. Глядя в «окно», мы видели, что один из парней продолжал умоляюще просить о чем-то, а другой все так же держал у его виска пистолет. Постепенно парень с пистолетом немного успокоился. Наконец он опустил пистолет, отошел в глубь комнаты и присел на край кровати. Его гость опустился в кресло напротив него.

Теперь мы могли слышать подробности их разговора, и сразу стало ясно, что парень, державший в руках пистолет, хотел, чтобы другие ученики в школе считали его своим, равней. Многие из его сверстников уже сумели преуспеть в различных увлечениях, активно развивали свои дарования, а он каким был, таким и остался. Сверстники издевались над ним, называли неудачником, и он действительно считал себя никчемным существом, что очень угнетало его. Такое положение страшно злило его, гнев придавал ему мнимые силы, и он решил показать себя. Устройство, над которым он работал, было самодельной бомбой.

В этот момент мы опять почувствовали, как у нас под ногами задрожала земля и все здание сотряслось до основания. Мы бросились к двери. Едва мы успели выскочить, как за нашей спиной обрушилась добрая половина стен храма.

Таши знаком велел нам следовать за ним. Мы бегом преодолели несколько сот ярдов и

остановились возле какой-то стены.

— Вы видели людей в храмах, — спросил он, — которые посылали молитвенную энергию этим подросткам?

Мы вынуждены были признаться, что не видели.

— А ведь их было несколько сотен, — произнес Таши, — и все они трудились над тем, чтобы помочь парню преодолеть гнев.

— И чем конкретно они занимались? — спросил я. Таши остановился и взглянул на меня.

— Они расширяли свое молитвенное поле, старались помочь парням подняться на более высокий уровень вибрации, чтобы они сумели преодолеть страх и гнев и с помощью интуиции нашли решение проблемы. И их энергия помогла одному из подростков найти выход. Что касается другого, то активная молитвенная энергия помогла ему возвыситься над своим социальным Я, которое отвергали его сверстники. У него пропало ощущение, что для того чтобы самоутвердиться, ему необходимо признание со стороны сверстников. И он сумел избавиться от гнева.

— Так вот над чем они работают в храмах, — сказал я. — Стремятся противостоять тем, кто хочет захватить власть над другими?

Уил, помедлив, ответил:

— Обитатели храмов посылают энергию молитвенного поля, которая помогает повысить уровень энергетики всех людей, а это, в свою очередь, уменьшает влияние страха перед теми, кто настаивает на установлении тотального контроля, и помогает их противникам обрести мужество для выступления в защиту свобод даже на таких собраниях.

Таши кивнул

— Надеюсь, вы все поняли. Это лишь некоторые из ключевых конфликтных ситуаций, и их необходимо решить, чтобы духовная эволюция могла продолжаться дальше, если нам удастся преодолеть этот критический момент в истории человечества.

— А что же дакини? — спросил я. — Чем заняты они?

— Они тоже помогают повышать уровень энергетики, — отозвался Таши.

— Так-так, — настаивал я, — но мы не можем понять, что заставляет их появляться и помогать нам. Видимо, обитатели храмов заняты чем-то еще, чего мы пока не знаем.

В этот момент в воздухе опять раздался грохот, словно позади нас рухнула уцелевшая половина храма.

Таши вскочил на ноги и стремглав бросился по дороге.

— Скорее! — крикнул он, — Мы должны отыскать мою бабушку!

11

ТАЙНА ШАМБАЛЫ

В следующие несколько часов мы бегом осмотрели все храмы, стараясь найти бабушку Таши и успеть побывать в них раньше китайских военных. И всюду мы наблюдали за работой обитателей храмов. В каждом храме нам непременно встречались люди, наблюдающие за ситуацией во внешних культурах, особенно когда она становилась критической.

Обитатели одного из храмов сосредоточились на решении проблем, связанных с воспитанием молодежи, в частности на тиражировании примеров жестокости и насилия в кино и всевозможных видеоиграх, что создает иллюзию, будто акты жестокости в состоянии аффекта вполне допустимы и могут обойтись без всяких последствий, то есть ту самую мнимую реальность, лежащую в основе всех случаев стрельбы в школах.

В таких ситуациях мы наблюдали, что создателям этих игр посылалась особая энергия, способная открыть перед ними новые перспективы на более высоком уровне интуиции,

благодаря чему они могут задуматься о воздействии своих творений на детей. Одновременно с этим такая же помощь оказывалась и родителям, которым помогали достичь более высокого уровня энергетики, на котором они могли оценить собственные подозрения относительно поведения своих детей и выкроить побольше времени для моделирования другой реальности.

Еще в одном храме обитатели следили за ходом дискуссий о методах альтернативной, профилактической, медицины — методах, которые доказали свою эффективность в борьбе с болезнями и увеличении продолжительности жизни, Дело в том, что столпы современной медицины — медицинские организации разных стран, главы знаменитых научно-исследовательских клиник, правительственные учреждения по охране здоровья, распоряжающиеся крупными финансовыми средствами, и фармацевтические компании — руководствуются представлениями XIX века и борются с симптомами болезни, не слишком заботясь о ее профилактике.

Темой их дискуссии были различные микробы, больные гены и опухолевые клетки, и большинство специалистов полагали, что такие проблемы — результат неизбежного старения организма. Исходя из этой концепции, громадные денежные средства направлялись в крупные исследовательские институты, занимающиеся поиском волшебных снадобий: патентованных лекарств, которые убивают микробы, разрушают раковые клетки или каким-то образом перепрограммируют дефектные гены. В то время как на развитие методов укрепления иммунной системы и профилактики таких недугов средств почти не выделяется.

Так, на одной из панорам мы видели конференцию, в которой принимали участие представители многих отраслей медицины. Некоторые ученые утверждали, что если мы хотим раз и навсегда победить такие бичи человечества, как поражения артерий, вызывающие сердечно-сосудистые заболевания, раковые опухоли, и недуги типа артритов и проказы, необходимо радикально изменить основные концепции современной медицины.

Эти ученые вслед за Ханем утверждали, что истинная причина практически всех заболеваний кроется в длительном отравлении организма нездоровой пищей и другими токсическими веществами, в результате чего организм от здорового щелочного режима, свойственного молодости и обеспечивающего хороший уровень вибраций, переходит к вредному, низкоактивному кислотному режиму, создающему идеальную среду для размножения микробов, систематически разрушающих наше тело. Любой недуг, утверждали они, — это результат медленного разрушения микробами клеток нашего тела, но сами микробы не могут без причины атаковать наше тело. Поэтому катализатором такого разрушения во многом являются пищевые продукты.

Их оппоненты на конференции не желали согласиться с этим. Здесь что-то не так, считали они. Неужели причина человеческих недугов настолько проста? Кроме того, эти люди были связаны с индустрией здравоохранения, заинтересованной в притоке клиентов, тратящих миллиарды долларов на комплексные курсы лечения и дорогостоящие операции. Чиновники министерств здравоохранения считали, что все это совершенно необходимо. Некоторые отстаивали точку зрения, бытующую во многих странах, что в тело каждого человека необходимо вживить микрочипы с информацией о состоянии здоровья и лекарствах, позволяющие осуществлять контроль за человеком, чего так добивались представители спецслужб. Они также заинтересованы в этой программе, ибо от нее зависит их власть и могущество. Более того, на карту поставлено само их существование.

Кроме того, они очень любят пищу, к которой привыкли. Как они могут рекомендовать другим изменить рацион питания и предложить им продукты, которые они просто не могут представить у себя на столе?! Нет, они этого решительно не допустят.

Однако медики нового склада мышления продолжали отстаивать свои взгляды, понимая,

что настало время пересмотреть принципиальные отношения к медицине. Достаточно вспомнить, утверждали они, как вырубались и уничтожались тропические леса ради разведения мясных стад для западного потребителя, что создало массу проблем для всего человечества.

Немаловажен и тот факт, что в наши дни поколение молодых бунтарей во многих странах уже достигло возраста, когда начинают одолевать болезни, и может теперь убедиться, насколько неэффективны лекарства их родителей. Они хотят отыскать альтернативные лекарства и принципы лечения.

Постепенно мы заметили, что острота конфликта на конференции несколько уменьшилась. Сторонники альтернативных методов сумели изменить ход дискуссии в свою пользу.

В другом храме мы стали свидетелями таких же острых дебатов по проблемам юриспруденции. Группа адвокатов настаивала на том, что будущий адвокат в начале карьеры должен поработать в полиции. На протяжении многих лет уважаемые „юристы наблюдали за тем, как многие из их коллег занимались фабрикацией судебных дел, погоней за свидетелями, измышлениями всевозможных аргументов защиты и попытками загипнотизировать судей. Сегодня повсюду возникло движение в поддержку повышения требований к юристам. Некоторые из них утверждали, что их коллеги должны решительно пересмотреть свои взгляды на юриспруденцию и осознать главную и высшую задачу юристов — устранять остроту конфликта, а не раздувать его.

В других храмах мы наблюдали за тем, как посвященные отслеживают ситуацию с политической коррупцией во многих странах мира. Мы видели заседание группы чиновников в Вашингтоне, которые за закрытыми дверями обсуждали вопрос о поддержке финансовой реформы. В повестке дня был и вопрос о праве политических партий получать неограниченную финансовую поддержку от заинтересованных корпораций и расходовать эти средства на телерекламу с заведомо ложной информацией. Зависимость всех этих избирательных фондов от крупных корпораций вынуждает политиков действовать в их интересах. И все прекрасно знают об этом.

Политики отстаивали аргументы реформаторов, утверждающих, что демократия никогда не сможет достичь своего идеала, если будет по-прежнему основываться на телевизионной лжи, а не на публичных дебатах, в которых граждане смогут более уверенно оценивать поведение, внешний облик и искренность кандидатов и выбирать лучшего, полагаясь на собственную интуицию. Переходя из храма в храм, мы поняли, что их обитатели заняты решением проблем в какой-то определенной сфере человеческой жизни. Мы наблюдали за многими лидерами репрессивных режимов, в том числе и китайского, которым посвященные посылали энергию, стремясь помочь им присоединиться к мировому сообществу и начать осуществление экономических и социальных реформ.

И в каждом случае область позади участников начинала светиться, и люди, одержимые страхом и стремящиеся захватить власть или хотя бы манипулировать другими, начинали постепенно сдавать свои непримиримые позиции.

Пока мы переходили из одного храма в другой в поисках бабушки Таши, у меня возникло несколько вопросов. Что здесь, собственно говоря, происходит? Какова взаимосвязь между действиями ангелов, или дакини, и расширением молитвенного поля? Какими еще знаниями обладают обитатели храмов?

Выйдя из одного храма, мы заметили, что вереница храмов тянется на многие мили. К ним ведут дороги, разбегающиеся во всех направлениях. Где-то вдали опять послышался рокот вертолетов. Через несколько мгновений мы увидели, как прямо у нас на глазах рухнул еще один храм, возвышавшийся футах в пятистах от нас.

— А какова судьба людей, находившихся в этих храмах? — спросил я, обращаясь к Таши.

Он посмотрел на густые облака пыли, клубившиеся над развалинами.

— Не беспокойтесь, с ними все в порядке. Они всегда успевают незаметно перебраться в другое место. Беда в том, что они более не могут посылать энергию для решения проблем. Но если они не могут помочь выправить эту ситуацию, кто же тогда делает это?

Уил подошел к Таши.

— Нам надо решить, куда идти дальше. У нас ведь времени в обрез.

— Моя бабушка находится где-то там, — отвечал Таши. — Отец говорил мне, что она живет в одном из центральных храмов.

Я обвел глазами громадную массу каменных строений:

— Но у них нет физического центра, или по крайней мере я его не вижу.

— Нет, мой отец имел в виду другое. Он хотел сказать, что бабушка находится в храме, чьи обитатели заняты решением центральных, ключевых вопросов эволюции человека. — Говоря это, Таши любовался храмами, высившимися вдалеке.

— Ты видишь здесь людей гораздо лучше, чем мы, — сказал я, обращаясь к нему. — А не можешь ли ты поговорить с ними и спросить, куда нам лучше отправиться?

— Я пытался заговорить с ними, — отвечал он, — но моя энергетика недостаточно сильна. Вот если бы я мог ненадолго остаться здесь...

Не успел Таши закончить фразу, как неподалеку от нас с грохотом рухнул еще один храм.

— Нам надо уйти из зоны действия разрушительной энергии солдат, — произнес Уил.

— Подождите, — сказал Таши. — Мне кажется, я что-то вижу.

Он устремил взгляд на скопление храмов. Я посмотрел в ту же сторону, но ничего не увидел. Взглянув на Уила, я понял, что и он ничего не видит.

— Ну, где же это? — спросил я Таши.

Но он, уже зашатал по тропинке, ведущей вправо, жестом приглашая нас следовать за ним.

Пройдя быстрым шагом минут двадцать, мы остановились прямо напротив храма, архитектура которого почти не отличалась от других храмов, за исключением того, что он был значительно больше, а стены были сложены из бурых каменных глыб с синеватым оттенком.

Таши замер, не говоря ни слова, и устремил глаза на массивную каменную дверь.

— Таши, что это? — спросил Уил.

Вдалеке за нашими спинами послышался грохот, словно обрушился еще один храм. Таши обернулся ко мне.

— Помните храм из вашего сна, тот самый, который вам удалось найти? Он ведь был синим, не так ли?

Я опять взглянул на храм

— Да, — отвечал я. — В самом деле.

Уил направился к двери и, обернувшись, посмотрел на нас.

Таши кивнул, и Уил отодвинул огромную каменную плиту, служившую дверью.

В храме было множество людей. Правда, я, как и прежде, видел лишь очертания их фигур. Люди постоянно двигались, проходя мимо нас, и у меня возникло странное чувство радости. Они двигались таким образом, что мне показалось, будто все они смотрят в направлении центра храма. Повернувшись в ту же сторону, я увидел огромное «окно». В нем поочередно появлялись панорамы Среднего Востока, Ватикана и Азии, демонстрировавшие расширение диалога между основными религиями.

Мы наблюдали сцены, показывающие возросшую веротерпимость. В христианстве, точнее, в русле католической и протестантской традиций пришли к пониманию, что опыт общения с Высшей реальностью и в христианстве, и в мистической практике восточных религий, и в Иудаизме, и в исламе, в сущности, одинаков. Просто Каждая из этих религий выделяет

различные аспекты мистического общения с Богом.

Религии Востока особо выделяли важность очищения сознания, опыта просветления, чувства единения со Вселенной, освобождения своего Я и отрешенности от страстей. Ислам на первое место ставил чувство всеединства, особенно обостренное при общении с другими людьми, и могущество, проявляющееся в коллективных действиях. Иудаизм отмечал важность традиции, основанной на соединении с Богом, на чувстве избранности и на том, что каждый из живых ответственен за дальнейшее развитие духовного начала в человеке.

Христианство на первый план выдвигало идею о том, что духовное начало проявляет себя в людях не только как осознание себя частицей божества, но и как высшее Я, в котором мы достигаем полного раскрытия своих потенций, становясь более совершенными, полагаясь на Промысел в нас самих и мудрость, побуждающую нас действовать так, чтобы сквозь нас был виден Христос — живое воплощение Бога в человеке.

В «окне», светившемся перед нами, мы наблюдали проявления этой новой веротерпимости и единения. В центре внимания все больше и больше оказывалось то, что нас объединяет, а не то, что разобщает. Отмечались возросшая готовность к решению межэтнических и религиозных конфликтов, улучшение контактов между главами религиозных конфессий и новое понимание того, насколько действенной может стать молитва, если все люди развернут свои молитвенные поля в надрелигиозном единстве.

Наблюдая за происходящим, я понял, что имели в виду лама Ридждэн и Ани, говоря о единении всех религий и отмечая, что оно станет знаком того, что тайны Шамбалы скоро будут открыты миру.

В этот момент картина в «окне» перед нашими глазами изменилась. Я увидел людей, оживленно разговаривающих и радостно отмечающих рождение ребенка. Все весело смеялись и передавали малыша по кругу. По виду они отличались друг от друга и, видимо, были представителями разных национальностей. Пока я смотрел на них, у меня возникло впечатление, что все они представляют и разные религиозные вероучения. Приглядевшись внимательнее, я увидел родителей малыша. Они показались мне знакомыми. Конечно, я не мог знать их, но их лица показались мне очень похожими на Пиму и ее мужа.

Я сконцентрировал внимание. Мне показалось, что нам должны показать нечто, имеющее огромное значение. Но что именно?

Картина в «окне» вновь поменялась, и перед нами предстала панорама какого-то тропического региона, напоминавшего Юго-Восточную Азию или, возможно, Китай. Как и прежде, нам показали комнату в доме, где собрались люди самой разной наружности. Они по очереди брали на руки новорожденного и провозглашали тосты за его родителей.

— Вы поняли, что нам только что показали? — спросил Таши. — Это и были исчезнувшие дети. Их перенесли в разные семьи по всему миру. Но между ними и Шамбалой сохранится связь. Прежде чем родиться на Земле, эти дети получили более высокую генетическую энергию Шамбалы.

Уил, опустив голову, о чем-то задумался, а затем обратился к нам:

— Это и есть преображение. Об этом и говорилось в древних легендах. Нет, Шамбала не перенесется в какое-то определенное место, но ее энергия будет направлена во многие точки по всему земному шару.

— Что-о? — спросил я. Таши взглянул на меня:

— Вам ведь знакома легенда, в которой говорится, что воины Шамбалы хлынут с востока, уничтожат силы тьмы и создадут идеальное общество. Для этого им не потребуются ни кони, ни мечи. Это произойдет благодаря развитию наших энергетических полей, ибо знания Шамбалы станут доступны миру. И если все последователи всех религий, верящие в связь с Божественным

началом, сумеют избежать негативной мольбы и будут трудиться совместно, мы сможем использовать их молитвенную энергию для преобразования Шамбалы.

— Но ведь нам известно далеко не все, чем дни заняты, — сказал я. — Мы не знаем всей этой тайны!

Едва я успел сказать это, как картина в «окне» опять поменялась. Теперь нашими глазами предстали панорама покрытых снегом гор и отряд китайских военных вертолетов, направляющихся прямо к нам. Мы увидели, что при их приближении стали рушиться все новые и новые храмы. На их месте были видны древние развалины и целые тучи пыли. Через мгновение на экране «окна» мы увидели храм, в котором находились. Сначала нам показали его внешний вид, а затем и внутренний.

Затем мы увидели самих себя и окружающих внутри храма, причем не контуры, а совершенно ясные образы людей. Многие были в одеяниях тибетских монахов, но немало было людей и в самой разной одежде. Так, на некоторых красовались одежды адептов восточных религий, на других—традиционные наряды евреев-хасидов, третьи были в христианских мантиях с распятиями на груди. Немало было и людей в одеянии исламского муллы.

Любопытно, что один из них напомнил мне женщину, жившую неподалеку от меня в долине, и мои глаза невольно обратились на нее. В грезах о доме я мысленным взором увидел знакомые места: горы, вид на которые открывался из окна моего дома, а затем вид тех же гор, но только от родника. Я даже вспомнил вкус воды из него! И я мысленно представил себе, как я наклоняюсь над ним и пью.

В этот момент вновь послышался рокот вертолетов, на этот раз совсем близко от нас, и грохот еще одного храма, рухнувшего при их приближении.

Таши обернулся и бросился вправо. На картине в «окне» мы увидели, куда он направился. Он подошел к одному из тибетских монахов, —Кто это? — спросил я Уила. — Наверное, его бабушка, — ответил он. Они оживленно заговорили о чем-то, но я не мог разобрать их слова» Наконец они обнялись, и Таши, бросился обратно к нам.

Я продолжал наблюдать за Таши на экране «окна», но как только он подбежал ко мне, картина исчезла. «Окно» было на том же месте, но в нем замелькала сплошная рябь, как на экране телевизора, переключенного на неработающий канал.

Таши так и сиял.

— Вы видели?! — воскликнул он. — Это храм, где они постоянно наблюдали за вами и Уилом, когда вы еще только добирались в Шамбалу. Эти люди — посвященные, использующие энергию своего молитвенного поля, чтобы помочь вам. Без из помощи никто из вас никогда не попал бы сюда.

Оглянувшись, я заметил, что больше не вижу вокруг нас никого.

— Куда же они все подевались? — спросил я.

— Они были вынуждены уйти, — отвечал Таши, глядя на пустое «окно», по-прежнему висевшее в центре зала. —И нам тоже пора.

В этот момент храм потряс до основания страшный удар, и несколько камней с грохотом обрушилось на землю за стенами храма.

— Это китайские солдаты! — воскликнул Таши. — Они уже здесь. — И он обернулся, услышав громкий рокот вертолетов.

И тут «окно» опять засветилось, и перед нашими глазами появились китайцы, высаживающиеся из вертолетов совсем рядом с храмом. Впереди шел полковник Чань, отдавая приказы своим подчиненным. Мы могли даже видеть выражение его лица.

— Мы заставим его обратиться с наших полей, — проговорил Уил.

Таши в знак согласия кивнул и быстро провел нас по всем ступеням развития. Мы увидели,

как наши энергетические поля исходят от нас и проникают в поля китайских военных, особенно Чаня, помогая им достичь более высокого уровня интуиции.

Он остановился, словно ощутив прилив более мощной энергии.

Я пристально следил за выражением его лица, заметив, что взгляд его глаз странно изменился, а на лице появилось нечто вроде улыбки.

— Все внимание на его лицо! — воскликнул я. — Только на лицо!

Мы сконцентрировались на его лице, и Чань опять остановился. Один из военных, вероятно, следующий после него по чину, подошел к нему и стал его о чем-то расспрашивать. Несколько мгновений Чань просто не обращал внимания на младшего офицера. Но вскоре подчиненный, указывая рукой на храм, заставил его опомниться. Чань пришел в себя, и на его лице опять появилась гримаса гнева и раздражения. Он приказал всем следовать за ним и направился прямо к нам.

— Не сработало, — вздохнул я. Уил взглянул на меня:

— Видимо, рядом не было дакини.

— Нам придется уйти! — крикнул Таши.

— Каким образом? — спросил Уил. Таши обернулся и сказал:

— Мы должны уйти через «окно». Бабушка сказала мне, что через это «окно» мы можем свободно перенестись в любую из внешних культур. Но лишь в том случае, если оттуда нам будут активно помогать повысить нашу энергетику.

— Если будут помогать? Что это значит? — спросил я. — Кто же может нам помочь?

Таши покачал головой:

— Не знаю.

— Ладно, давайте попытаемся! — воскликнул Уил, —

Пора!

Таши выглядел смущенным.

— А как же ты проходил через «окно» там, во внешних кольцах? — спросил я его.

— Там у нас были усилители, — возразил он. — А сейчас я не уверен, что смогу обойтись без них.

Я потрепал его по плечу:

— Ани ведь говорила, что буквально все обитатели колец уже практически способны обходиться без техники. Вспомни-ка. Как ты это делал?

Таши был в замешательстве.

— Я и сам не помню. Это происходило как бы автоматически. — Он сделал паузу. — Мне кажется, мы просто ожидали этого, и остальное происходило само собой.

— Так попробуй еще раз, — быстро сказал я, указывая на «окно». — Теперь самое время!

Таши мгновенно сконцентрировался.

— Я должен хотя бы знать, куда направляюсь, чтобы представить это место. Куда мы хотели бы попасть?

— Подожди минутку, — отозвался я. — Помнишь сон, который ты видел? Ты ведь видел воду, верно?

Таши на мгновение задумался, а затем произнес:

— Это было возле какого-то источника. Нечто вроде колодца или...

— Может быть, родника?! — воскликнул я. — Родника с бассейном, обложенным камнями, да?

Таши согласился:

— Да, пожалуй.

— Я знаю, где это. Это родник у северного края той самой долины, где я живу. Что ж, туда

мы и отправимся.

В этот момент храм опять дрогнул. Перед моим мысленным взором замелькали видения рушащегося храма и взрывов бомб, но я усилием воли отстранил их, представив себе, что мы обязательно сумеем спастись. Я почувствовал себя совсем как мой отец; я не искал сражения, но в силу обстоятельств не мог избежать его. Вся разница в том, что сражение это происходило в моем сознании.

— Соберись! — воскликнул я. — Что мы должны делать?!

— Прежде всего мысленно представить место, куда мы хотим попасть, — отвечал Таши. — Опишите его поподробнее.

Я мигам описал им окрестности этого места: и горную тропинку, и деревья, и вид водопада, и краски пейзажа в это время года. Затем мы все вместе попытались помочь Таши сосредоточиться на этом образе. Через мгновение в «окне» возникла панорама как раз этого места. Мы даже могли разглядеть родник!

— Удалось! Это оно! — воскликнул я. Уил обернулся к Таши:

— Что дальше? Бабушка, кажется, говорила, что нам должны помочь?

Вскоре мы заметили в «окне» человека и сосредоточили все внимание на нем. Изображение было нечетким, но я попытался узнать его и быстро понял, что он, вернее, она (это была девушка) очень молода: примерно одних лет с Таши.

Наконец картинка стала более четкой, и я сразу узнал ее.

— Да это же Натали, дочь моего соседа! — воскликнул я, вспомнив, что интуиция подсказывала мне, что встреча с ней не простая случайность. Так оно, и было.

Таши широко улыбнулся.

— Это моя сестра! — сказал он.

В эту минуту неподалеку от нас обрушился огромный угол храма.

— Она помогает нам! — воскликнул Уил, подталкивая нас к «окну». — Пошли скорее!

Издав странный шелестящий звук, Таши проскользнул в «окно». За ним последовал Уил. Когда же к «окну» подошел я, задняя стена храма обвалилась, и на развалинах показался полковник Чань.

Я сделал шаг к «окну».

Полковник был настроен решительно. Он мигом выхватил из-за пояса коротковолновый передатчик.

— Я так и знал, что вы пробираетесь сюда! — закричал он. В этот момент остатки храма с грохотом начали рушиться. — Я так и знал!

Шагнув в «окно», я сразу почувствовал под ногами знакомую почву. В лицо мне повеяло теплым ветерком.

Я был дома!

Оглядевшись вокруг, я увидел, что Таши и Натали стоят рядом и; пристально глядя друг другу в глаза, оживленно разговаривают. Их лица сияли гордостью, словно они совершили некое важное открытие. Уил стоял чуть поодаль.

Возле него стояли Билл, отец Натали, и несколько ближайших соседей, в том числе преподобный отец Браниган и Шри Дево, а также протестантский священник Джулия Кармихаэль.

Билл проговорил, обращаясь к нему:

— Я уж думал, что ты больше не вернешься, но, хвала Богу, ты опять с нами.

Я указал на священников:

— Чем это они заняты?

— Их попросила прийти Натали. Она что-то говорила о легендах и научила нас создавать

молитвенные поля и еще что-то в этом роде. Видишь ли, эта мысль пришла ей в голову буквально только что. Она сказала, что видит все, что с вами происходит, и мы заметили, что за вашим домом кто-то следит.

Я хотел было что-то сказать, но Билл опередил меня:

— Натали сказала одну странную вещь. Она говорит, что у нее есть брат. Кстати, кто этот парень, с которым она разговаривает?

— Я тебе потом все объясню, — отвечал я. — Но кто же это следит за моим домом?

Билл не ответил. Он перевел взгляд на Уила, а все остальные направились в нашу сторону.

В этот момент мы услышали шум машин, доносившийся с вершины холма. К моему дому подъехал синий грузовик. Из него вышли два человека. Увидев нас, они подошли к краю обрыва, возвышавшемуся над нашими головами футов на сто.

— Это агенты китайской разведки, — сказал Уил. — Чань, видимо, успел их предупредить. Мы должны создать защитное поле.

Я ожидал, что священники спросят, что это такое, но они только кивнули в знак согласия. Натали и Таши повели нас через все ступени развития.

— Начнем с энергии Творца, — сказала Натали. — Пусть она проникнет в ваше тело и заполнит все ваше существо. Затем пусть она изливается из вас через макушку и глаза. Пусть она растекается в мир, образуя вокруг вас постоянное молитвенное поле, пока вы не увидите красоту и не почувствуете любовь. Постарайтесь собраться, чтобы это поле усиливало духовные поля окружающих, способствуя повышению их интуиции.

В этот момент двое на вершине холма вздрогнули и начали спускаться по тропинке в нашу сторону. Таши кивнул Натали.

— А теперь, — произнесла она, — мы пригласим ангелов.

Я был в растерянности:

Что?

— Прежде всего, — продолжала она, — мы должны убедиться в том, что наши поля действительно проникают в поля тех двоих. Далее. Представьте, что они не враги, а просто люди, чьи души томит страх. Затем поверьте в реальность ангелов и представьте, что они направляются к этим людям.

Теперь с помощью ожиданий представьте, как они усиливают наши молитвенные поля. Помогите ангелам повысить энергетику высшего Я этих людей до уровня, которого мы сами достичь не можем, и убедить агентов, что они отныне не могут творить зло.

Я пристально смотрел на тех двоих на склоне, пытаюсь увидеть светящееся пятно — знак появления дакини. Но как я ни напрягал глаза, я так ничего и не увидел.

— Почему-то не получается, — сказал я, обращаясь к Уилу.

— Смотри! — воскликнул он, — Вон там, справа. Взглянув в ту сторону, я увидел светящееся пятно.

Оно окружало незнакомца, направлявшегося навстречу двум агентам. Человек, окруженный сиянием, был в униформе помощника шерифа.

— Кто этот офицер? — спросил я Билла. — Мне кажется, я его знаю.

— Подожди, — остановил меня Уил., — Это не человек.

Взглянув на склон, я увидел, что помощник шерифа заговорил с агентами. Сияние окружало их всех, и те двое через некоторое время вернулись к своей машине. И хотя мнимый, офицер остался на прежнем месте, сдает от него окружал и грузовик. Через мгновение китайцы уехали.

— Итак, наше поле сработало, — произнес Уил.

Я почти не слушал его. Мои глаза пристально наблюдали за помощником шерифа. Он обернулся к нам, и мы увидели, что он высокого роста и черноволосый. Где я мог его видеть?

Когда он повернулся к нам спиной и ушел, я наконец вспомнил. Это был тот самый черноволосый незнакомец, которого я видел у бассейна в Катманду, тот самый, что рассказывал мне о молитвенной энергии. Я видел его еще несколько раз. По словам Уила, это и был мой ангел-хранитель.

— В случае необходимости они всегда принимают облик человека, — сказал Таши, подходя ко мне вместе с Натали. — Мы только что завершили последний этап, — продолжал Таши. — Наконец-то мы постигли тайну, Шамбалы. Теперь мы можем заниматься тем же, что и обитатели Шамбалы. Они трудились на благо мира, контролируя ключевые конфликтные ситуации и при необходимости влияя на них не только силой своего молитвенного поля, но и прямым вторжением ангелов. В этом, в сущности, и заключается роль ангелов.

— Я не совсем понимаю, — отвечал я. — Почему же они не вмешались, когда мы пытались остановить Чаня перед самым нашим уходом из храма?

— Дело в том, что я тогда не знал последнего этапа, — ответил Таши. — Пока я не поговорил с Натали, я не до конца понимал, чем были заняты люди в храмах. Мы сумели повысить энергетику Чаня, что само по себе необходимо, но мы ещё не умели обращаться к силам ангелов, чтобы они вмешались и помогли нам. Нам надо было начать с активной веры в реальность ангелов, а затем, повысив свой энергетический уровень, побудить их вмешаться и помочь нам. Мы должны были сделать это осознанно. Да, надо было обратиться к ним за помощью.

Таши умолк и задумался. На его лице появилась улыбка.

— Что с тобой, Таши? — спросил я. — Это Ани и уцелевшие обитатели Шамбалы, — ответил он. — Они хотят вступить в контакт с нами. Я чувствую их присутствие. — Он обратился к окружающим, прося внимания: — Мы должны сделать еще одно дело. Нам надо побудить ангелов взять эту долину под защиту.

Затем Натали помогла нам пройти через все этапы развития и создать особое поле, которое, простираясь во всех направлениях, достигало поросших лесом вершин, окружающих долину. После этого мы обратились к ангелам с просьбой о защите.

— Представьте себе ангела, стоящего на кромке поля, — сказала Натали. — Шамбала всегда находилась под защитой. Они могут защищать и нас.

В течение нескольких минут мы мысленно сосредоточились на горных вершинах. Затем Таши и Натали опять оживленно заговорили друг с другом. Мы стояли и слушали.

Они говорили о других детях, появившихся на свет при участии Шамбалы, и о том что необходимо пробудить их сознание, где бы они ни находились. Еще они сказали, что дети, рождающиеся в наши дни,обладают невиданной прежде энергетикой. Они крупнее, сильнее, обладают более развитым интеллектом, и у них совсем иная миссия. Они посвящают куда больше времени внешкольным занятиям, чём их предшественники. Они поют, танцуют, занимаются самыми разными видами спорта, играют на музыкальных инструментах, сочиняют. Многие из них начинают развивать свои дарования в гораздо более юном возрасте, чем это бывало прежде.

Вот лишь одна из возникающих проблем. Сила ожиданий у них гораздо выше, но они еще не умеют правильно управлять последствиями своих мыслей. Они должны осознать, как работают молитвенные поля. И в этом мы можем помочь им.

Мы наблюдали за тем, как все священники не спеша направились к дому Билла. За ними последовали и Натали с Таши, о чём-то разговаривавшие друг с другом.

В этот момент мной овладел какой-то скептицизм. Несмотря на всё, что я видел собственными глазами, я по-прежнему сомневался, что люди способны побудить ангелов к

действию.

— Ты в самом деле считаешь, что мы можем призвать ангелов на помощь? — спросил я Уила. — Неужели мы обладаем таким могуществом?

— Да, это нелегко, — отвечал Уил. — Это даже невозможно для людей с негативными намерениями, так что не стоит и пытаться. Но и нам эта задача не по силам до тех пор, пока мы не соединимся с энергией Творца и не научимся ориентировать наше энергетическое поле так, чтобы оно вступало в контакт с другими. Если в этот момент в нас будет проявляться хоть малейшая тень эгоистического Я или гнева и раздражения, наша энергетика резко снизится, и ангелы просто не смогут нам помочь. Ты понял, что я имею в виду? Мы посланники Бога на этой планете. Мы можем действовать согласно проявлениям Божественной воли, и если нам удастся согласовать свои поступки с этим позитивным Промыслом, мы получим вполне достаточно энергии для того, чтобы привлечь ангелов.

Я кивнул, внутренне соглашаясь с ним.

— Ты понял, в чем заключается суть? — спросил он. — Все дело в информации, то есть в проблеме Одиннадцатого пророчества. Осознание действительности молитвенных полей выводит человеческую культуру на следующий этап развития. Когда мы постигли Десятое пророчество, гласящее, что целью человечества на этой планете является создание идеальной духовной культуры благодаря исполнению воли Провидения, нам еще не было открыто все. Мы не знали, как именно следует исполнять ее. Точнее говоря, нам не были известны все детали того, как использовать веру и ожидания на энергетическом уровне.

И вот теперь нам это известно. Теперь нам открыта реальность существования Шамбалы и тайна молитвенных полей. Мы можем воспринимать духовный мир и действовать так, чтобы своей творческой силой способствовать его установлению на Земле. До тех пор, пока мы не научимся осознанно использовать эту силу во благо духовной эволюции, человеческая культура не сможет развиваться дальше. Мы должны поступать точно так же, как поступали обитатели храмов: целенаправленно устремлять свои молитвенные поля на те ключевые ситуации, которые мы стремимся изменить. Роль масс-медиа, и в первую очередь телевидения, заключается в том, чтобы выделить эти критические области. Мы должны наблюдать за всеми дискуссиями и научными дебатами, за любым проявлением борьбы между силами света и тьмы и постоянно влиять на них своими молитвенными полями. — Он огляделся. — Мы можем добиться этого в небольших общинах, в церковных приходах, в кругу друзей по всему свету. Но что, если нам удастся объединить энергию всех религий в одно единое громадное поле? Ведь сегодня это поле разделено на отдельные фрагменты, а его энергетика ослаблена вследствие негативных молитв и ненависти. Хорошие, добрые люди в мыслях обращаются к силе зла, думая, что это не имеет значения.

Но вдруг нам удастся исправить это положение? Что, если мы сможем создать поле, превосходящее все, что мир видел прежде, которое охватит всю нашу планету, способствуя пробуждению коварных сил в тех, кто попытается централизовать власть и взять под контроль всех людей? Как быть, если любая реформаторская группа в любой профессии и любом виде деятельности уже знает, как добиться этого? Что, если развитие поля приведет к таким страшным последствиям?

Уил сделал небольшую паузу.

— Но как быть, если мы действительно поверим в реальность ангелов, — продолжал он, — и осознаем, что мы с момента рождения вправе обращаться к ним? Дело в том, что не существует такой ситуации, на которую мы не могли бы немедленно повлиять. Новое тысячелетие наверняка принесет нам много нового и удивительного. И мы должны стать настоящими воинами Шамбалы, которым предстоит одержать победу в битве во имя будущего.

Он умолк, и лицо его приняло серьезное выражение.

— Такова главная задача нашего поколения. И если мы не справимся с ней, все жертвы, принесенные прежними поколениями, могут оказаться напрасными. Мы должны положить конец уничтожению окружающей среды, происходящему в наши дни... и произволу коварных диктаторов.

Очень важно, — продолжал Уил, — приступить к созданию интеллектуальной «мысленной» сети. Это поможет воинам общаться друг с другом. Каждый человек должен уметь обращаться к любому другому, с кем ему хотелось бы вступить в контакт.

Я молча слушал. То, о чем говорил мне Уил заставило меня вспомнить Иня и многих других, томящихся под игом китайской тирании. Что с ними сегодня? Без их помощи; я ничего не смог бы достичь. Я поделился с Уилом своими мыслями.

— Что ж, мы можем отыскать их, — отвечал Уил. — Ведь телевизор — всего лишь предшественник нашего мысленного ока, не так ли? Попробуй представить себе места, где может находиться Инь.

Кивнув в ответ, я попытался очистить сознание от посторонних образов, думая только об Ине. Но вместо него перед моими глазами возникло лицо полковника Чаня. Я немедленно прервал контакт.

— Вспомни выражение его лица, — произнес Уил, — в момент, когда он проснулся, и сравни с тем, что только что видел.

Я мысленно представил это выражение, и перед моим взором внезапно предстал Инь. Он находился в тюремной камере, в окружении стражников.

— Да, я видел Иня, — отвечал я, стараясь повысить уровень молитвенной энергии и обращаясь к высшим существам.

И вот все вокруг него стало заметно светлее. Затем я мысленно представил себе свет, направленный на китайцев, державших его в заключении.

— Постарайся увидеть ангела рядом с Инем, — произнес Уил, — и рядом с полковником.

Я кивнул, вспомнив о тибетском законе милосердия.

Уил многозначительно поднял бровь и улыбнулся, а я тем временем вновь сосредоточил внимание на образах... Иня освободят... Со временем и Тибет обретет свободу...

Теперь я уже больше не сомневался в этом.